ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ VI

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

VI

Издание осуществлено при поддержке ОАО АКБ
Еврофинанс Моснарбанк

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

Очерки

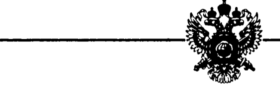
В шести томах

МОСКВА
«Международные отношения»
2014

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

Очерки

Том VI

1966–2005 годы

МОСКВА
«Международные отношения»
2014

УДК 351.746.1(47+57)(091)
ББК 67.401.212
И90

Главный редактор С.Н. ЛЕБЕДЕВ
Зам. главного редактора В.А. КИРПИЧЕНКО
Ответственный секретарь Ю.И. ЖУРАВЛЕВ

Авторский коллектив:

В.С. АНТОНОВ (13, 14, 15, 20), Ю.А. БАРИНОВ (8),
Н.А. ЕРМАКОВ (12), Г.А. ЗАГВОЗДИН (7), В.Н. КАРПОВ (13, 14, 15),
В.А. КИРПИЧЕНКО (6, 9, 16), Э.К. КОЛБЕНЕВ (1, 7),
Л.П. КОСТРОМИН (10, 11), В.Ф. ЛАШКУЛ (7),
О.И. НАЖЕСТКИН (предисл., послесл.), Э.А. ПАРФЕНОВ (11),
С.П. ПЛАТОВ (2), Ю.В. РЫХЛОВ (7), Б.Н. СИБИРСКИЙ (4),
А.В. ФЕДОРОВ (3), Б.Д. ЮРИНОВ (5)

Литературный редактор Л.П. ЗАМОЙСКИЙ

История российской внешней разведки: Очерки: В 6 т. –
И90 Т. VI. 1966–2005 годы. – М.: Международные отношения, 2014. – 264 с., ил.

ISBN 978-5-7133-1475-0 (Т. VI)
ISBN 978-5-7133-1451-4

Шестым томом завершается серия очерков «История российской внешней разведки». Он посвящен ее работе с 1966 года по настоящее время: полный драматизма период истории нашего государства – разгар холодной войны, распад Советского Союза. В то сложное для страны время разведка вела перестройку своих рядов на демократических началах, искала и находила новые приоритеты, направления, формы и методы работы, совершенствовала структуру, обновляла кадры. Это нашло отражение в некоторых очерках заключительного тома.

Ряд очерков показывают работу внешней разведки по отстаиванию геополитических интересов нашей Родины в первые послевоенные годы, ее деятельность по предотвращению перерастания холодной войны в «горячую», борьбу с агентурой спецслужб противника на политическом, идеологическом и экономическом фронтах. Затронуты также и новые направления в деятельности разведки, вызванные велением времени.

Разведка по-прежнему призвана содействовать обеспечению национальной безопасности страны. И ее основная миссия – получение секретных сведений в интересах России – будет сохраняться и в дальнейшем.

Для широкого круга читателей.

УДК 351.746.1(47+57)(091)
ББК 67.401.212

ISBN 978-5-7133-1475-0 (Т. VI)
ISBN 978-5-7133-1451-4

Предисловие

Содержание шестого, заключительного тома «Истории российской внешней разведки» посвящено ее деятельности в 70–90-е годы прошлого столетия и в первые годы нового, XXI века.

Пятый том очерков завершался событиями, связанными с началом периода разрядки в международных отношениях. Шестой том, повествуя о работе внешней разведки в 70–90-е годы, подводит черту под деятельностью разведки в советский период российской истории. В очерках этого тома рассказывается о начале постсоветского периода в жизни разведки, ее перестройке на демократических началах, о новых задачах и направлениях работы, важности добываемой ею информации в обеспечении внешней безопасности страны.

Такое разнообразное по своему историческому осмыслению содержание тома создавало немалые трудности при его подготовке. Вероятно, могут возникнуть сложности и у читателя – ведь речь в томе идет о работе разведки на грани двух эпох, в один из переломных моментов российской и мировой истории.

70–80-е годы – сложный, полный драматизма период отечественной истории, завершившийся исчезновением с политической карты мира великой державы – Советского Союза, политика которого в течение многих десятилетий была одним из определяющих факторов расстановки сил в мире.

Деятельность внешней разведки в эти годы, характер решавшихся ею задач, оперативная и информационно-аналитическая работа в соответствии с директивными указаниями руководства страны определялись особенностями развития международной обстановки и в первую очередь усилиями Советского Союза по обеспечению национальной безопасности страны, защите ее жизненных интересов на международной арене.

Изменения в международных отношениях, последовавшие за дипломатическим разрешением карибского ракетного кризиса, кото-

рый поставил мир перед реальностью термоядерной войны, казалось, были надежно закреплены в таких основополагающих международно-правовых актах, как подписанный в августе 1975 года в Хельсинки Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, принятая ООН в 1977 году по инициативе Советского Союза Декларация об углублении и упрочении разрядки международной напряженности, а также в ряде двусторонних соглашений, подписанных Советским Союзом с ведущими капиталистическими странами в 60–70-е годы.

С учетом проводившегося руководством страны курса на ослабление напряженности в международных отношениях внешняя разведка вносила определенные коррективы в свою работу. Не отказываясь от приобретения новых важных источников с целью получения достоверной информации о планах противников этого курса, она воздерживалась от проведения острых мероприятий, которые могли бы быть использованы ими для возвращения к политике конфронтации. Значительная часть активных мероприятий разведки в этот период была направлена на укрепление линии на мирное разрешение существующих противоречий, умножение числа ее сторонников среди политических и общественных кругов различных государств, разоблачение деятельности противников этой политики.

Характеризуя конец острого периода в советско-американских отношениях, Дж. Кеннан, бывший посол США в СССР и один из видных разработчиков внешнеполитического курса США в отношении нашей страны, писал: «Давление против разрядки никогда не прекращалось в Вашингтоне даже в ее наивысшей точке развития. Оно лишь сдерживалось мимолетным престижем и авторитетом Белого дома. По мере того как рушилась власть президента Р. Никсона в 1973 и 1974 годах, силы, противодействующие разрядке, вновь заняли боевые позиции, и весьма эффективно». Президент США Дж. Форд впоследствии признавал, что «убежденные сторонники американского военного превосходства в Пентагоне сделали бы заключение нового соглашения по ОСВ все равно невозможным».

Поэтому разрядка оказалась недолговечной. Уже в конце 70 – начале 80-х годов положение в мире вновь стало характеризоваться значительной напряженностью, вызванной попытками определенных кругов США сломать сложившееся стратегическое равновесие, добиться одностороннего военного превосходства, с тем чтобы попытаться обеспечить себе доминирующие позиции в мире.

Отношения двух сверхдержав вновь вернулись к стратегическому противоборству, в условиях которого долгие годы, вплоть до краха Советского Союза, и пришлось работать внешней разведке.

Главная задача, поставленная перед разведкой в этот период противостояния двух сверхдержав, заключалась в том, чтобы не просмотреть такого прорыва противоположной стороны в военной, научно-

технической и политической областях, который дал бы ей подавляющее преимущество и представил бы реальную угрозу безопасности для нашей страны, поставил бы ее перед возможностью внезапного ракетно-ядерного нападения.

В июне 1975 года в США был рассекречен и опубликован основополагающий документ холодной войны: подписанная в 1950 году президентом США Трумэном директива Совета национальной безопасности США 68 (СНБ-68).

Этот концептуальный документ, определявший на долгие десятилетия, вплоть до распада СССР, внешнеполитическую доктрину США, явился своего рода хартией холодной войны. В качестве основной цели политики США он провозглашал «достижение фундаментального изменения природы советской системы».

Первый заместитель министра иностранных дел СССР Г.М. Корниенко в своих воспоминаниях «Холодная война. Свидетельство ее участника» дал следующую оценку этой доктринальной установке американской внешней политики. В рамках рекомендованного директивой СНБ политического курса, пишет он, «фактически не было места для серьезных и успешных переговоров между Соединенными Штатами и Советским Союзом как по общему урегулированию их отношений, так и по вопросам ограничения вооружений и разоружения. Не рассчитывая, что с помощью переговоров Соединенным Штатам удастся достичь такого урегулирования, которое вело бы к фундаментальным изменениям советской системы, авторы документа допускали использование переговоров с СССР лишь в чисто тактических целях».

Нацеленность политики США на ликвидацию Советского Союза находила подтверждение и в добываемых разведкой документальных материалах о ядерном планировании США, а затем и НАТО, разработке конкретных планов нанесения ядерных ударов по территории Советского Союза и его партнеров по оборонительному Варшавскому договору («Тоталити» – 1945 год, «Пинчер» – 1946 год, «Бройлер» – 1947 год, «Дропшот» – 1948 год, «Сиззл» – конец 1948 года).

Так, составленный еще в 1948 году Пентагоном и Комитетом начальников штабов США план «Дропшот» предусматривал использование для удара по Советскому Союзу 300 атомных и 29 тысяч обычных бомб. По расчетам американцев, это должно было бы привести к уничтожению 85% промышленного потенциала СССР и гибели нескольких миллионов человек его населения.

С конца 1960-х годов американские и натовские стратеги стали составлять так называемые «Единые комплексные оперативные планы» (СИОП) ударов по советскому блоку, предусматривавшие объединение под единым командованием всех сил и средств ведения ядерной войны. Планы эти постоянно дорабатывались с учетом появления новых видов вооружений и изменений расстановки сил на

международной арене. В задачу внешней разведки, которую она не без успеха решала, входило быть постоянно в курсе этих натовских планов. Последний известный внешней разведке СССР комплексный план СИОП-6 был подписан Р. Рейганом в 1980 году.

В целом дефицита информации относительно планов американских правящих кругов и их нацеленности на «фундаментальное изменение природы советской системы» у советского руководства не было. Другое дело, как она воспринималась, насколько трезво и по-государственному оценивалась. Заявления типа «кто кого похоронит» мало способствовали мобилизации внутренних ресурсов страны в ответ на реально грозящую опасность.

С мая 1956 года по июль 1971 года начальником внешней разведки был А.М. Сахаровский, человек с большим опытом военной и чекистской работы, участник боевых разведывательных операций в годы войны.

Для разведки это было время ее становления в условиях обострения международной обстановки. На этот период пришлись активизация деятельности созданных США военно-политических блоков, окруживших СССР, события в Венгрии, война на Ближнем Востоке и в Корее, карибский и берлинские кризисы, события в Чехословакии.

В 1971 году Сахаровский по состоянию здоровья ушел из разведки в звании генерал-полковника. В течение ряда лет он работал затем консультантом при председателе КГБ.

С июля 1971 года по январь 1974 года внешней разведкой руководил генерал-лейтенант Ф.К. Мортин, бывший до этого первым заместителем А.М. Сахаровского.

В ноябре 1974 года начальником внешней разведки был назначен В.А. Крючков. Выпускник Высшей дипломатической школы, он имел опыт работы в центральном аппарате МИД СССР, в посольстве в Венгрии в дни известных венгерских событий, в аппарате ЦК КПСС на посту помощника секретаря ЦК Ю.В. Андропова. В КГБ СССР возглавлял Секретариат, с 1971 по 1974 год был первым заместителем начальника разведки.

К этому времени внешняя разведка имела богатый опыт оперативной работы, хорошо подготовленные кадры и отлаженную систему аппарата. Разведка в целом справлялась с задачами, которые возлагались на нее руководством страны.

В то же время в соответствии с указаниями Ю.В. Андропова, который лично уделял большое внимание совершенствованию работы разведки, были намечены главные, принципиальные направления улучшения деятельности внешней разведки, более прицельная ориентация ее работы на потребности политической и экономической жизни страны.

Многое было сделано для налаживания более четкой работы всех звеньев разведывательной службы. Большое внимание уделялось со-

вершенствованию работы информационно-аналитических служб. Были созданы несколько научных структур, которые занимались обобщением оперативной практики, методов ведения разведывательной работы в различных условиях, изучением направлений и методов работы разведслужб противника, внедрением в работу аппарата разведки и резидентур средств вычислительной техники и новейших информационных технологий.

В 70-е годы внешняя контрразведка, которая прошла длительный путь своего развития, оформилась в самостоятельное подразделение. Оно было призвано выявлять и пресекать деятельность иностранных спецслужб против Советского Союза и его граждан, обеспечивать безопасность деятельности внешней разведки и ее резидентур, оберегать ее агентурную сеть от проникновения подстав спецслужб иностранных государств. Основным средством решения этих задач было проникновение в спецслужбы противника, перевербовка агентуры, проведение оперативных игр. Поистине это была война разведок – область наиболее деликатная в разведывательной деятельности, творческая, но и наиболее охраняемая.

Оценивая работу внешней контрразведки в описываемый период, можно сказать, что она была весьма эффективной. В начале 80-х годов ценой больших усилий разведки и контрразведки удалось выйти на обширную агентурную сеть противника в Советском Союзе, получить конкретные данные о ее существовании, определить объекты, в которые противнику удалось внедрить свою агентуру. Это были органы безопасности и военная разведка, важнейшие государственные учреждения, научно-исследовательские институты, промышленные предприятия стратегического назначения.

С учетом требований конспирации совместно с внутренней контрразведкой была проведена широкомасштабная работа по нейтрализации агентурной сети противника.

Работа внешней разведки по афганской проблематике нашла отражение в этом томе. В Афганистане, этом традиционно дружественном России государстве, наша разведка работала с давних времен. Главная задача состояла в том, чтобы способствовать укреплению советско-афганских отношений, следить за обстановкой в стране и вокруг нее. Особенно настораживали настойчивые попытки США дестабилизировать обстановку на южных границах СССР, для этого использовался, в частности, и мусульманский фактор.

Выполняла внешняя разведка в Афганистане и еще одну функцию: помогала укреплять местные органы безопасности. В этих целях во многие афганские провинции направлялись наши советники, на территории СССР шла подготовка афганских разведчиков и контрразведчиков.

Деятельность внешней разведки в Афганистане резко активизировалась с момента ввода в страну советских войск. На плечи развед-

ки легли прежде всего информационно-аналитические задачи. Она регулярно представляла руководству страны аналитические записки с предложениями относительно возможных вариантов действий в той или иной обстановке.

Многим сотрудникам внешней разведки, командированным в Афганистан, довелось принимать непосредственное участие в боевых действиях. Некоторые из них погибли, выполняя свой долг. В разведке глубоко чтят их память.

С приходом в США на президентский пост Р. Рейгана в 1981 году разведка стала получать все больше информации о разработке его администрацией уже не вероятных, а весьма конкретных планов разрушения СССР и ликвидации системы стран социалистического содружества.

Еще в период предвыборной кампании внешняя разведка получила довольно полные данные о личности Р. Рейгана. Источники характеризовали его как политика, одержимого идеей «уничтожения существующей в Советском Союзе социальной системы».

Таким образом, уже в начале 80-х годов у советского руководства не должно было возникать сомнений относительно конечных целей политики Р. Рейгана. Внешняя разведка направляла руководству страны подробную информацию о содержании разработанных Советом национальной безопасности США и подписанных Р. Рейганом директивных указаний относительно направлений и методов работы государственной машины США по «фундаментальному изменению советской системы», как это говорилось в основополагающей директиве СНБ-75, подписанной Р. Рейганом в январе 1983 года.

Информация, докладываемая внешней разведкой руководству страны, показывала, что США, используя все возраставшие объективные трудности советской экономики, осуществляли целенаправленную программу по еще большему ее ослаблению.

В частности, в эту программу, по данным разведки, входили мероприятия по уменьшению поступления твердой валюты в Советский Союз путем снижения мировых цен на нефть; создание трудностей в реализации крупномасштабных проектов добычи природного газа и строительства газопроводов в целях ограничения экспорта советского газа на Запад; создание препятствий для экспорта советского сырья и оборудования; максимальное ограничение доступа СССР к передовым мировым технологиям; создание трудностей, вплоть до полного срыва, в реализации жизненно важных для страны крупных проектов; поставки в Советский Союз заведомо устаревших техники и технологий; продвижение, с использованием каналов спецслужб, научной и технической дезинформации.

Планы подрыва советской политической системы и экономики составлялись не на пустом месте. При их разработке использовались данные американских спецслужб, государственного департамента,

Пентагона, исследовательских центров и других источников информации о реальных трудностях Советского Союза и развивающихся в его недрах негативных социальных и политических процессах, неспособности высшего партийного руководства своевременно оценивать происходящие в мире и стране изменения и принимать адекватные решения.

В ставшем известным советской разведке секретном докладе ЦРУ о проблеме дефицита в СССР твердой валюты, подготовленном американской разведкой в 1986 году, говорилось: «Низкие цены на энергоносители, снижение добычи нефти, падение курса доллара существенно ограничивают возможности СССР на импорт западного оборудования, сельхозпродукции и промышленных материалов до конца десятилетия. Резкое снижение импорта товаров за твердую валюту на треть или более пришлось на время, когда Горбачев, вероятно, рассчитывал на увеличение валютной прибыли, за счет чего намеревался финансировать программу оздоровления экономики».

Финансовые трудности Советского Союза усугублялись продолжавшейся гонкой вооружений. По подсчетам ЦРУ, приведенным в вышеупомянутом докладе, реальные потери СССР в результате проводимых американцами мероприятий составили на начало 1986 года 13 млрд долл.

Задачи внешней разведки в этот ответственный момент истории советского государства состояли не только в том, чтобы добывать информацию и вскрывать планы США и их западных союзников по разрушению Советского Союза, но и, действуя своими специфическими средствами, оказывать противодействие этим планам. В частности, используя свои связи с политическими деятелями и лидерами ряда стран, внешняя разведка вела работу по созданию условий, облегчавших получение денежных кредитов Советским Союзом.

Основная тяжесть по противодействию планам противника по подрыву советской экономики пришлась на научно-техническую разведку. В 80-е годы она была укреплена организационно, пополнилась кадрами, большинство из которых, помимо разведывательного опыта, имело научную и техническую подготовку. Научно-техническая разведка одной из первых внедрила в свою работу новейшие информационные технологии, создала аналитическую службу, располагавшую обширным массивом сведений в своих базах данных.

Научно-техническая разведка регулярно снабжала правительство и промышленность информацией о новейших достижениях Запада в области фундаментальных и прикладных наук, передовых технологий, производства новых видов материалов, развития электроники и о многом другом.

В условиях организованной США по сути дела экономической блокады СССР, выражавшейся, в частности, в ужесточении запретительных мер на ввоз в Советский Союз передовых технологий, обору-

дования и материалов, внешняя разведка, в первую очередь ее научно-технические службы, действуя своими специфическими средствами, существенно ослабляли дискриминационные меры Запада, направленные на удушение советской экономики. По организованным разведкой тайным каналам удавалось получать не только документацию на новейшую технологию, но и порой уникальные приборы и оборудование.

Чтобы противостоять экономическим диверсиям западных держав, в конце 80-х годов было принято решение выделить работу по экономической проблематике в самостоятельное направление деятельности внешней разведки и создать в этих целях соответствующие структуры. Со временем экономическое направление внешней разведки окрепло, создало оперативные позиции в экономических организациях как внутри Союза, так и за рубежом, и наравне с линиями политической разведки (ПР), контрразведки (КР) и научно-технической разведки (НТР) стало одним из ведущих подразделений разведки по добыче секретной информации и проведению оперативных мероприятий в защиту экономических и торгово-финансовых интересов СССР. В его задачи входило получение актуальной секретной информации о происходящих в мировой экономике процессах, затрагивающих безопасность СССР, отслеживание рынков стратегического сырья и ситуаций на валютных рынках, выявление и предотвращение экономических диверсий противника против советских коммерческих организаций, страховых компаний и банков за границей, выявление и пресечение попыток иностранных фирм и банков нанести прямой экономический ущерб советским внешнеэкономическим организациям, оказание содействия успешному осуществлению коммерческой и финансовой деятельности советских организаций и представительств за рубежом.

В последние два десятилетия своего существования советская внешняя разведка выросла во многих отношениях: увеличился ее численный состав; она стала многофункциональной по направлениям работы, характеру и специфике решаемых задач, создала ряд структур по научному осмыслению разведывательной деятельности, вооружилась новейшими информационными технологиями.

Закономерно возникает вопрос: а какова была отдача, каковы достижения разведки за этот период? Что касается оперативной стороны дела, то ответить на этот вопрос сложно: каждая разведка ревниво оберегает свои секреты. Однако, сколь ни парадоксально, об успехах разведки косвенно можно судить и по ее неудачам, провалам агентуры. За последние несколько лет пресса муссировала имена таких, по утверждению американцев, бывших источников советской внешней разведки, как Уокеры, Липке, Эймс, Ханссен, Эдвард Ли Ховард, Соутер и многих других. Места их работы: ЦРУ, ФБР, АНБ, шифровальные службы военно-морского флота и т.д. Пусть читатель сам и

подумает, хорошо или плохо работала разведка и в какие объекты противника ей удавалось проникать. Внешняя разведка оставляет за собой право не комментировать эти сообщения прессы.

К концу 90-х годов советская разведка все чаще стала получать данные о том, что спецслужбы США и некоторых других капиталистических стран активизировали работу против Советского Союза. Разведка информировала об этом руководство страны, предупреждала о назревании подмечаемых западными разведками негативных процессов в нашем обществе, обращала внимание на то, как широко использовали спецслужбы западных стран такие факторы, как сепаратизм, регионализм, вели целенаправленную работу по оказанию влияния на интеллигенцию, творческие круги.

В октябре 1988 года В.А. Крючков был назначен председателем КГБ.

В феврале 1989 года начальником внешней разведки стал кадровый сотрудник разведки Л.В. Шебаршин. На его долю выпало руководить разведкой в последние годы существования советского государства. Как опытный аналитик и оперативный работник, почти три десятилетия проработавший в разведке на различных, в том числе руководящих, должностях, он не мог не видеть назревавшего процесса распада советского государства и роли в этом западных спецслужб. В этих непростых условиях он делал все возможное, чтобы сохранить потенциал внешней разведки, понимая, что при любом исходе событий внешняя разведка должна оставаться необходимым атрибутом государственного аппарата, защищающим национальные интересы России от внешних угроз.

В сентябре 1991 года директором внешней разведки (в то время она была еще Первым главным управлением КГБ СССР) был назначен Е.М. Примаков.

Это были трудные для разведки времена. В стране шла перестройка, которая, естественно, коснулась и разведки.

Первоначально перестройка воспринималась разведкой как необходимость коренного улучшения всех направлений разведывательной работы и в центральном аппарате, и в резидентурах, поиск новых, более эффективных форм работы, концентрации усилий на главных направлениях ее деятельности.

В центральном аппарате и подразделениях разведки шла напряженная работа по осмыслению указаний центральных органов и разработке новых форм и методов разведывательной деятельности.

Перемены не заставили себя ждать. Прежде всего были уточнены и сужены задачи, которые должна была решать разведка, определена их приоритетность. От «глобализма», когда практически в каждой стране, независимо от ее места в мировой политике и значимости для интересов России, создавались резидентуры, отказались решительно и даже с некоторым облегчением.

Подверглось пересмотру понятие «главный противник». В организации своей работы разведка стала ориентироваться на «национальные интересы страны». В каждой конкретной ситуации, подчеркивал директор СВР Е.М. Примаков, «у нас могут быть противники и союзники. Разведка и в новых условиях продолжает бороться против противника, но не раз и навсегда данного, а выявленного в результате его реальной деятельности, которая нарушает или может нарушить интересы России».

В разведке была проведена департизация. Отныне сотрудникам запрещалось участвовать в деятельности политических партий и объединений.

В разведку пришло такое явление, как гласность. Происходящие в стране и обществе процессы настоятельно требовали, чтобы широкие круги общественности имели представление, что такое внешняя разведка, зачем она нужна, чем занимается и не нарушает ли в своей деятельности права человека.

Руководители разведки и ее отдельных подразделений стали выступать перед представителями СМИ, в различных трудовых коллективах, встречаться с общественностью. В пределах возможного они рассказывали об истории внешней разведки, ее роли в наиболее критических в жизни страны моментах, о задачах сегодняшнего дня, о самом понятии «разведывательная информация» и о необходимости ведения разведки в мире, расколотом на военные блоки, в мире, где существуют еще государства, вынашивающие агрессивные намерения, и полным-полно ядерного оружия и других средств массового поражения. Необходимость ведения разведки и востребованность разведывательной информации стали понятнее населению страны.

Для работы со СМИ и укрепления связей с общественностью в разведке было создано пресс-бюро. Журналисты получили доступ к некоторым материалам разведки, возможность встречаться в регламентированных рамках с ее сотрудниками, в первую очередь с ветеранами.

В октябре 1991 года внешняя разведка была выведена из КГБ и стала самостоятельным органом. Разведка, таким образом, вышла из системы правоохранительных органов.

Примаков хорошо понимал необходимость сохранения и преемственности государственных структур, которые обеспечивали безопасность российского государства в новых условиях. Внешняя разведка была сохранена. Сохранены ее кадры, традиции, выработанные десятилетиями служения Отечеству.

Впервые в истории разведки под ее деятельность была подведена прочная правовая основа. В 1992 году принят Закон «О внешней разведке». Указами Президента России утверждено Положение о СВР. Внешняя разведка стала легитимной формой государственной деятельности, закреплены ее полномочия, определено место в системе

обеспечения безопасности России, установлена прямая подчиненность президенту страны.

В январе 1996 года директором Службы внешней разведки России был назначен В.И. Трубников.

На посту директора Трубников, наряду с текущей работой, внес большой вклад в концептуальную разработку задач внешней разведки в постсоветский период, вытекающих из особенностей международной обстановки после окончания холодной войны и возникновения так называемого однополярного мира, привнесшего широкий спектр новых угроз национальной безопасности нашей страны.

Крах одного из двух блоков, существовавших в мире на идеологической основе, не привел к окончанию конфронтации на международной арене. Однополюсный мир не только не устранил существовавшие противоречия в международных отношениях, но и породил новые, реанимировал старые. Стремление ряда государств реализовать свои геополитические устремления за счет других стран, наконец, явное желание некоторых держав установить свою гегемонию в мире, ревизовать уже согласованные нормы международного права делают международную обстановку напряженной и опасной, в том числе и с точки зрения интересов России. Одни государства вынашивают планы своего внедрения на постсоветское пространство, отрыва стран СНГ от России и даже расчленения Российской Федерации. Другие претендуют на части территории России, искусственно раздувают так называемые территориальные споры.

Спектр угроз безопасности Российской Федерации остался, таким образом, многообразным. В нем появились и новые элементы: международный терроризм, агрессивный национализм и религиозный фанатизм, организованная преступность, наркобизнес.

В этих условиях внешняя разведка в соответствии с Федеральным законом «О внешней разведке» и требованиями, вытекающими из утвержденной руководством страны Концепции национальной безопасности Российской Федерации, ведет своими средствами работу по выявлению, отслеживанию и нейтрализации угроз национальным интересам и безопасности России, созданию благоприятных условий для осуществления внешнеполитической деятельности государства.

В новых условиях появилась и еще одна функция или форма деятельности внешней разведки – контакты и взаимодействие со спецслужбами различных стран, в том числе и входящих в НАТО. В результате такого взаимодействия СВР получает дополнительный объем информации по таким проблемам, как международный терроризм, организованная преступность, наркобизнес, положение в «горячих точках».

Органически присущая разведке преемственность делу служения своему Отечеству и народу помогла ей выжить в годы распада Советского Союза и сохранить себя как необходимый инструмент защиты

национальных интересов России. Президентом России В.В. Путиным, посетившим внешнюю разведку в мае 2000 года в связи с назначением ее нового директора С.Н. Лебедева было отмечено: «Благодаря высокому профессионализму сотрудников и большой степени надежности, заложенной в прежние годы, удалось сохранить работоспособность и эффективность деятельности внешней разведки России».

Основное предназначение разведки – выявлять с помощью присущих ей методов и средств угрозы безопасности России, в первую очередь внешние, и активно способствовать их устранению. Исходя из этого концептуального положения и строит свою работу российская внешняя разведка в современный период истории.

1

Стратегическая «триада» администрации США по развалу Советского Союза

Архивные материалы советской внешней разведки свидетельствуют, что холодная война не была выбором Советского Союза, она была навязана его союзниками по антигитлеровской коалиции. Уместно напомнить, что в августе 1943 года в Вашингтоне и Лондоне были подготовлены такие секретные документы, как «Меморандум 121» и «Немыслимый план», в которых предусматривалась попытка «повернуть против России всю мощь непобежденной Германии, все еще управляемой нацистами или генералами». И в том же году на встрече в Квебеке президент США Франклин Делано Рузвельт и премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль договорились осуществить «некое урегулирование, враждебное интересам России», в случае поражения Германии во Второй мировой войне. Уже 1 июля 1945 года планировалось бросить против СССР 47 американских и английских дивизий, усилив их десятью еще не разоруженными немецкими дивизиями. Цель состояла в том, чтобы «принудить Россию подчиниться воле Соединенных Штатов и Британской империи». К счастью, эти воинственные намерения англо-американских политиков охладили штабные генералы Его Величества Короля Георга VI: они доложили Черчиллю и Гарри Трумэну, что «достигнуть быстрого ограниченного успеха будет вне наших возможностей и мы окажемся втянутыми в длительную войну против превосходящих сил».

Благодаря усилиям советской разведки И.В. Сталин и Государственный комитет обороны ознакомились с содержанием упомянутых документов и трезвыми выводами английских генералов. Это произошло через несколько дней после того, как они были доложены хозяину Белого дома и постояльцу Даунинг-стрит, 10.

А затем последовали программная речь Черчилля в Фултоне в марте 1946 года и сценарий «Дропшот», предусматривавший атомную бомбардировку крупных городов Советского Союза и оккупацию силами 250 дивизий его территории и стран Восточной Европы.

И при этом западным стратегам их разведки докладывали, что Советский Союз не планирует военную агрессию. По их мнению, с ним нужно было расправиться потому, что он является «непримиримым врагом западной цивилизации». За этой примитивной мотивировкой стояли геополитические соображения по расширению влияния Запада и ликвидации тех позиций в мире, которые приобрел Советский Союз в результате победы над фашизмом.

Убедившись в невозможности разгромить СССР путем применения грубой военной силы, особенно после создания Советским Союзом собственного ядерного оружия, США и их союзники по НАТО сосредоточили свои усилия на деятельности по расчленению Советского Союза, отторжению от него стран Восточной Европы и образованию в конечном счете «капиталистической либерально-демократической России». Именно так содержание этих намерений излагалось в сообщениях резидентур советской разведки и ее докладах высшему партийно-государственному руководству нашей страны. Подобные методы именовались в Вашингтоне и штаб-квартире НАТО «психологической войной». Организовывать ее и руководить ею по распоряжению Трумэна было поручено Управлению психологической стратегии. Той же линии последовательно придерживался сменивший его на посту президента США генерал Дуайт Эйзенхауэр.

Такое положение в мировой политике вынуждало советское руководство уделять особое внимание противостоянию с Западом в холодной войне. С начала 1950-х годов в лексиконе советских разведчиков появился и закрепился термин «главный противник».

Эстафету ведения холодной войны против СССР от Эйзенхауэра принял президент Джон Фитцджеральд Кеннеди. Начальник разведки – Первого главного управления КГБ (ПГУ) А.М. Сахаровский, выступая в 1961 году на VII партконференции КГБ при СМ СССР, в частности, отметил, что новый американский президент приравнял разведывательную службу к вооруженным силам. «Наши враги на Западе, – продолжил он, – делают ставку на «войну идей», на перенесение идеологической борьбы на «территорию врага», которым открыто объявляется СССР. Осуществление идеологических диверсий против СССР все чаще поручается органам разведки». Напутствуя молодых разведчиков, в январе 1962 года заместитель начальника ПГУ Ф.К. Мортин отмечал, что, поданным нашей разведки, с сентября 1961 года в США функционирует штаб психологической и политической войны против Советского Союза во главе с министром юстиции Робертом Кеннеди, братом Дж. Кеннеди. Этому органу вменена в обязанность координация работы американских ведомств, занимающихся пропагандой и стратегическими психологическими операциями против СССР. Вот как ПГУ докладывало в Политбюро ЦК КПСС в октябре 1963 года об установках, которые Р. Кеннеди изложил перед членами своего штаба:

«Американские разведка и контрразведка должны создать на территории США и союзных с ними стран такие условия для дипломатических, торговых, культурных и других представительств СССР и социалистических государств, которые бы затрудняли их деятельность и полностью парализовали работу советской разведки».

Официальный Вашингтон в те годы не очень-то скрывал намерения осуществлять подрывную деятельность против Советского Союза с применением такого специфического инструмента, как разведка. Вот как комментировал эту линию в одном из неофициальных высказываний сенатор Уильям Фулбрайт, хорошо осведомленный о тесной связи внешнеполитических ведомств США с американской разведкой. «Нация, признающая мораль и право закона, не может разрешать своим солдатам открыто свергать правительства других стран, но она может в соответствии с общепринятой международной практикой (!!! – *Авт.*) оказывать тайную помощь национальным элементам внутри иностранных государств с целью свержения неугодных нам правительств».

А вот как уточнял суть этой стратегии штаб психологической и политической войны США в одной из своих директив:

«В ходе жесткого противостояния сосуществующих миров необходимо создавать и обострять в лагере противника нестабильную ситуацию, используя все средства пропаганды и приемы психологической войны. Следует внедрять нашу идеологию и мораль в общественное сознание населения стран коммунистического лагеря. Разжигая национальные противоречия и религиозные предрассудки, а также используя человеческие пороки (зависть, стремление к удовольствиям, женское тщеславие и т.д.), надо внедрять неприятие целей руководства коммунистических государств. Экономические, моральные и прочие неурядицы надо беспощадно выставлять напоказ и на этой основе побуждать население к пассивному сопротивлению и саботажу. В случае принятия государством каких-либо контрмер решительно квалифицировать их как несправедливые и тем самым вызывать недовольство коммунистической системой».

ПГУ в своих докладах руководству показывало, что с начала 1960-х годов наступил качественно новый этап холодной войны, когда США и их союзники по НАТО перешли в стратегическое наступление против Советского Союза, ставя перед собой конечной целью его полное уничтожение. А что касается лозунгов «защиты традиционных ценностей Запада», то они долгие годы холодной войны оставались пропагандистской дымовой завесой, прикрывавшей истинные геополитические устремления противников СССР.

Все американские президенты после Кеннеди последовательно проводили сформулированный им стратегический курс с учетом особенностей складывавшейся международной обстановки. В этом смысле правомерно расценивать как тактический маневр широко распропа-

гандированный в 1970-е годы «детант» («разрядка») при Ричарде Никсоне. Свой личный вклад в интенсификацию холодной войны внес и лауреат Нобелевской премии мира президент Джимми Картер. По совету своего помощника по вопросам национальной безопасности Збигнева Бжезинского 3 июля 1979 года он подписал секретную директиву о выделении 500 млн долл. на «создание международной террористической сети, которая должна распространять исламский фундаментализм в Средней Азии и дестабилизировать таким образом Советский Союз». Этот документ вступил в «законную силу» в США за полгода до введения в Афганистан ограниченного воинского контингента Советской Армии. На этой основе в ЦРУ была разработана и начала осуществляться на практике операция «Циклон». В последующие годы на подпитку моджахедов в Афганистане и финансирование религиозных центров в Пакистане, воспитавших целую плеяду талибов, американцы потратили дополнительно 4 млрд долл.

На эти средства проводилось внедрение на территории Афганистана движения «Талибан» и отрядов террористической «Аль-Каиды», возглавляемой Усамой Бен Ладеном.

Подобная политика породила бумеранг под названием «международный терроризм», который позже, 11 сентября 2001 года, угодил в башни-близнецы Международного торгового центра в Нью-Йорке.

Как видим, каждый президент США в послевоенный период отметился на поприще конфронтации с Советским Союзом. Однако особый вклад в это внес президент Рональд Рейган.

Вскоре после вступления в должность в январе 1981 года Рейган провел секретное совещание ближайших соратников и поставил задачу разработать план тайного стратегического наступления на Советский Союз с целью его окончательного уничтожения как геополитического противника. На нем присутствовали вице-президент Джордж Буш-старший, министр обороны Каспар Уайнбергер, государственный секретарь Александр Хейг, помощник президента по вопросам национальной безопасности Ричард Ален и директор ЦРУ Уильям Кейси.

Рабочим аппаратом по разработке и контролю за реализацией этой программы был Совет национальной безопасности (СНБ), а основным генератором идей – директор ЦРУ Кейси, бывший бизнесмен, внешне напоминавший пожилого скромного пенсионера с милым обезоруживавшим лицом, но обладавший мощным интеллектом. Каждую неделю он лично докладывал Рейгану разведывательную информацию и оказывал большое влияние на формирование отношения президента к Советскому Союзу.

В течение 1981–1982 годов план уничтожения главного противника Соединенных Штатов был разработан, утвержден и последовательно претворялся в жизнь весь период пребывания Рейгана у власти.

Главная его идея состояла в том, чтобы вести дело к полному и окончательному развалу советской системы. И в то же время официально и открыто провозглашалась приверженность курсу мирного сосуществования двух мировых систем. Всем государственным ведомствам США в связи с этим предписывалось действовать по следующим трем направлениям:

– сокращение сферы влияния СССР и подрыв его позиций повсюду в мире, оказание на него в необходимых случаях прямого военного давления;

– расшатывание устоев советской власти изнутри, выявление ее слабостей и использование их в интересах США;

– ведение беспощадной торгово-экономической войны против СССР, с тем чтобы довести его до полного финансового банкротства и экономического краха.

Фактически эта «триада» означала преднамеренную конфронтацию с Советским Союзом по всему фронту.

Первая часть «триады»

Для достижения целей, зафиксированных в первой части стратегической «триады», предусматривалось нанесение последовательных ударов политико-дипломатическими и тайными разведывательными методами и средствами по наиболее уязвимым, с точки зрения Рейгана и Кейси, звеньям внешнеполитического фронта СССР. На начало 1980-х годов таковыми были признаны Польша и Афганистан.

Польша

Уже на первом совещании у Рейгана, о котором упоминалось выше, было принято решение найти реальные возможности для ослабления советского влияния в Польше.

В августе 1981 года ПГУ доложило в Политбюро ЦК КПСС о том, что Рейган потребовал от ЦРУ и госдепартамента начать оказание профсоюзу «Солидарность» необходимой помощи и содействовать официально и негласно осуществлению в Польше «прогрессивных» реформ.

Вскоре ЦРУ и Моссад достигли договоренности о том, что израильская разведка поможет американцам приобрести каналы выхода на верхушку «Солидарности», а ЦРУ в обмен на это выделит денежные средства на содержание зарубежных резидентур Моссад. Для сбора информации о положении в Польше ЦРУ подключило отдел международных связей профсоюзного объединения АФТ–КПП. В этих же целях, а также для налаживания конспиративных контактов с польской оппозицией американским разведчикам удалось привлечь Ватикан.

Такой поворот событий вынудил советское руководство и государственных деятелей Польской Народной Республики (ПНР) принимать надлежащие ответные меры. В результате на основе информации советских и польских органов государственной безопасности, которые тесно взаимодействовали, и по рекомендации специальной польской комиссии Политбюро ЦК КПСС, функционировавшей с августа 1980 года, в Польше 13 декабря 1981 года было введено военное положение, а «Солидарность» и прочие подпольные оппозиционные группы объявлены вне закона. Это застало администрацию США врасплох. По поступившим в ПГУ сведениям, Рейган потребовал от ЦРУ и СНБ во что бы то ни стало спасти «Солидарность» и нанести по СССР тайные, но чувствительные удары. В соответствии с этими установками в ЦРУ под руководством Кейси была разработана и с февраля 1982 года начала реализовываться специальная программа работы с «Солидарностью». В ней, в частности, предусматривалось:

– финансирование в долларах и злотых «Солидарности» и других групп оппозиции по нелегальным каналам. Уже в апреле 1982 года Лех Валенса и его окружение получили от ЦРУ 8 млн долл. Примерно в таком объеме они снабжались деньгами затем ежегодно;

– поставки новейшего радиотехнического оборудования и средств связи, необходимых для поддержания устойчивых и бесперебойных контактов между различными группами подполья;

– снабжение руководства «Солидарности» разведывательной информацией из источников ЦРУ;

– привлечение к подрывной деятельности оказавшихся за рубежом видных функционеров «Солидарности» и прочих влиятельных польских эмигрантов;

– подключение к тайным операциям по свержению партийно-государственного руководства ПНР и обеспечению захвата власти «Солидарностью» спецслужб стран – членов НАТО, Ватикана и ряда государственных и политических деятелей Западной Европы.

По данным советской разведки и органов госбезопасности ПНР, тайные операции агентурного характера координировала резидентура ЦРУ с центром во Франкфурте-на-Майне (ФРГ), а основной задачей варшавской резидентуры была организация давления на официальные круги Польши через агентуру, с тем чтобы склонить их к согласию на переговоры с оппозицией. Передачу денег и их распределение по ячейкам «Солидарности» американцы осуществляли через Збигнева Буяка. Оперативные работники ЦРУ фактически руководили в «Солидарности» следующими отделами:

– пропаганды (работа с интеллигенцией, издание подпольной литературы, листовок, газет);

– административный (содержание конспиративных квартир и укрытий, связь, изготовление фальшивых документов прикрытия);

– разведывательный и контрразведывательный (это был фактически филиал резидентуры ЦРУ, стыдливо именовавшийся бюро гигиены и безопасности).

Материально-техническое снабжение «Солидарности» велось через перевалочные базы в Брюсселе (Бельгия) и Стокгольме (Швеция). В необходимости шведских властей оказывать в этом деле посильное негласное содействие Кейси сумел в 1984 году убедить даже такого щепетильного деятеля, как Улоф Пальме.

По указанию Рейгана представители ЦРУ регулярно информировали Ватикан о положении в Польше и об основных тайных операциях по оказанию помощи польской оппозиции и расшатыванию государственно-политического режима ПНР. Это делалось через одного из доверенных прелатов Папы Римского. В частности, весной 1984 года Кейси лично сообщил ему о планах правоохранительных органов ПНР провести аресты среди наиболее опасных функционеров «Солидарности» и просил Ватикан по своим каналам предупредить оппозиционеров о нависшей над ними угрозе. Более того, Ватикан получил заверения в том, что США не позволят режиму Войцеха Ярузельского уничтожить «Солидарность» и выслать ее лидеров из страны.

Совместными усилиями МВД ПНР и представительства КГБ СССР в 1976–1983 годах были выявлены более 70 оперативных работников ЦРУ. И это не считая сотрудников Разведывательного управления Министерства обороны (РУМО) и Агентства национальной безопасности (АНБ). Только в 1982 году в Польше были установлены 98 западных разведчиков, действовавших под дипломатическими прикрытиями.

Дипломатическое и политическое противоборство на международной арене по польской проблеме, а также ожесточенная война на «невидимом фронте» проходили с переменным успехом, однако к лету 1983 года чаша весов начала постепенно склоняться в пользу официальных властей ПНР. Это позволило отменить военное положение, что было воспринято в Вашингтоне и других западных столицах как поражение «Солидарности». И тем не менее США, НАТО и польское подполье не сдавались. В связи с этим пришлось прибегнуть, в частности, к аресту 340 видных функционеров «Солидарности» и таким образом парализовать на некоторое время не только антиправительственные вылазки оппозиции, но и подрывные акции иностранных разведок. А к тому времени последние понесли заметные потери в своем агентурном аппарате. Так, за период 1974–1984 годов в Польше были разоблачены и обезврежены 22 агента ЦРУ, действовавших в МИД, Минвнешторге, Войске Польском, местных спецслужбах, представительствах международных организаций и научных кругах. Часть из них (например, Куклиньский) была «подарена» американцам израильской Моссад.

Горячие головы в окружении Рейгана предлагали прибегнуть к мерам чрезвычайного характера. Например, довести правительство Ярузельского до банкротства, поскольку внешний долг Польши приближался к 30 млрд долл. Однако эксперты из ЦРУ и СНБ убедили президента не делать этого и посоветовали сосредоточиться на интенсификации экономической войны против СССР. По инициативе этих же специалистов американской разведке было рекомендовано избегать действий, которые могли бы спровоцировать Москву на военную интервенцию в Польшу.

Органы госбезопасности ПНР и СССР действовали в основном от обороны и только в крайних случаях наносили превентивные удары по своим противникам. Это было обусловлено стоявшими перед ними задачами – выявление угроз стабильности в Польше, защита государственных интересов ПНР. Представительство КГБ СССР при МВД ПНР контактировало не только со своими коллегами по профессии, но и с партийно-государственным руководством этой страны. Регулярные доклады предоставлялись, в частности, Станиславу Кане, Войцеху Ярузельскому, Мирославу Милевскому, Чеславу Кищаку. Как отмечал заместитель министра внутренних дел ПНР Пожога, «коллектив представительства КГБ и его руководитель генерал В.Г. Павлов трудились очень активно, с полной объективностью подходя к оценке и анализу процессов, имевших место в Польше. При информировании Москвы не допускали искажения фактов и субъективизма. С разведывательной точки зрения их сообщения были продукцией высшего сорта. И никто не подстраивался под субъективные прихоти некоторых московских руководителей».

Потерпев к 1985 году неудачи в лобовом наступлении в Польше, администрация США активно переключалась на приложение усилий по подрыву «коммунистических режимов» в странах Восточной Европы. Справедливости ради надо отметить, что такая работа по линии ЦРУ и госдепартамента велась регулярно после мая 1945 года, но превратилась в один из главных приоритетов внешней политики США с начала 1982 года, то есть после введения в Польше военного положения. В апреле 1982 года, как удалось установить советской разведке, Рейган утвердил рожденный в недрах СНБ документ, в котором ставилась задача стратегического характера – вести дело к разрушению единства стран социалистического содружества и возвращению Восточной Европы в лоно «свободного мира». Для этого всем американским ведомствам, в первую очередь ЦРУ, РУМО и АНБ, предписывалось:

– оказание тайной поддержки антиправительственному подполью в государствах Восточной Европы в его усилиях по свержению «коммунистических режимов»;

– интенсификация психологической войны против коммунистической идеологии с использованием всех доступных средств, в пер-

вую очередь радиостанций «Голос Америки» и «Свобода/Свободная Европа»;

– поиск и применение дипломатических и торгово-экономических способов ослабления зависимости правительств стран региона от Советского Союза.

К исходу 1983 года ЦРУ собрало достаточно подробные разведывательные данные о нарождавшихся подпольных антиправительственных группах в Чехословакии, Венгрии и Болгарии и приступило к установлению с ними регулярных контактов с помощью своей агентуры в «Солидарности». При этом признавалось, что эта оппозиция (особенно в Чехословакии) находится пока что в эмбриональном состоянии. И тем не менее, как свидетельствуют материалы советской разведки, ЦРУ информировало СНБ, что к середине 1986 года в этих странах, кроме Болгарии, созданы основы для формирования организованной антиправительственной оппозиции, в том числе с участием представителей эмиграции. В октябре 1986 года американцам удалось склонить 122 диссидента из Венгрии, ГДР, Польши и Чехословакии к совместному выступлению с открытым призывом «свергнуть советское иго над Восточной Европой». Среди подписантов этого документа были Лех Валенса, Вацлав Гавел и Джордже Конрад.

Афганистан

В 1979–1980 годах Картер довольствовался скромной, по американским меркам, помощью афганским моджахедам деньгами и оружием, надеясь таким образом поспособствовать разжиганию в Афганистане партизанской войны против правительственных войск и частей 40-й армии ВС СССР. Но Рейгану таких масштабов было мало. Кейси высказывался по этому вопросу более откровенно: «Надо измотать Советскую Армию в Афганистане. Мы должны пустить там коммунистам кровь»; «Нам нужно организовать еще несколько Афганистанов»; «Я хочу, чтобы в Афганистане Советы заплатили нам за Вьетнам. Они снабжали Вьетконг оружием, чтобы убивать американцев, а теперь мы дадим оружие моджахедам, чтобы они убивали русских»[1].

Как свидетельствуют имеющиеся в распоряжении СВР данные, тайные операции на этом направлении с 1981 года заметно активизировались и осуществлялись по утвержденному Рейганом плану, который предусматривал нижеследующее.

1. Регулярные поставки моджахедам такого количества и качества оружия, боеприпасов и прочего военного снаряжения, которого было бы достаточно не только для противостояния правительственным войскам и 40-й армии ВС СССР, но и для победы над ними. На закупку оружия советского производства в Египте было потрачено в 1980–1981 годах по линии ЦРУ 50 млн долл. При содействии Объединенного разведывательного управления (ОРУ) Пакистана

оно было переправлено в Афганистан. С директором ОРУ генералом Ахтаром была достигнута договоренность о снабжении моджахедов ракетами «земля – воздух», артиллерийскими орудиями малого калибра и гранатометами.

Оружие и боеприпасы закупались также и на мировом рынке. К 1982 году ЦРУ располагало примерно сотней агентов из числа афганцев, обученных этому виду подпольной торговли. Деньги поступали от американцев и правительства Саудовской Аравии, которое добавляло к каждому доллару США свой нефтедоллар. Приобретенный товар, упакованный в ящики с наклейками «телевизоры», «инструменты» и т.п., доставлялся самолетами и морем в Карачи (Пакистан), а затем по железной дороге до Исламабада и Кветты. Специальные эшелоны охранялись сотрудниками ОРУ. Через некоторое время оружие и снаряжение оказывалось у моджахедов в разных районах Афганистана. В 1981–1984 годах таких грузов было перевезено почти 65 тысяч тонн. А за 1985 год афганская вооруженная оппозиция получила дополнительно еще 50 тысяч тонн. Рейган постоянно требовал увеличения военных поставок, так как считал, что «надо заставить Советы платить за оккупацию Афганистана все большую цену». По его распоряжению на закупки оружия с 1984 года выделялось до 100 млн долл. ежегодно. По совету из Вашингтона правящая элита Саудовской Аравии стала выделять на эти цели не менее 120 млн долл. в год.

С июля 1985 года по декабрь 1986 года моджахеды по каналам ЦРУ и ОРУ получили 1200 ракет «Стингер» и 250 пусковых установок для них. Впервые это оружие было применено в сентябре 1986 года под Джелалабадом против советских вертолетов. За «Стингерами» последовали 10 тысяч гранатометов и 200 тысяч выстрелов к ним. «Когда мы станем сбивать советские самолеты стоимостью по 20 млн долл. за штуку, – злорадствовал Кейси, – Кремль озвереет»[2].

2. Подготовка кадров для пополнения вооруженных формирований афганской оппозиции (по нашей терминологии того времени это были бандформирования). По сведениям, добытым советской разведкой, на территории пакистанских Северо-Западной пограничной провинции и Белуджистана в специальных лагерях в течение 1982–1983 годов было обучено примерно 200 тысяч «бойцов афганского вооруженного сопротивления». Их готовили инструкторы ЦРУ и ОРУ не только по обычным программам военного дела, но и как специалистов по диверсионным взрывным и электронным устройствам. Санкционировал данный проект лично президент Пакистана генерал Мухаммад Зия-уль-Хак. К 1985 году система центров военной подготовки моджахедов, которую стали именовать «университетами ЦРУ», выпускала ежегодно до 20 тысяч «борцов за торжество ислама». Новобранцы вербовались главным образом среди афганских беженцев.

3. Снабжение ОРУ и через него моджахедов разведывательной информацией о советских военных и промышленных объектах в Афганистане. По указаниям из Лэнгли исламабадская резидентура ЦРУ регулярно передавала ОРУ и моджахедам снимки со спутников-шпионов о дислокации и перемещении советских войск и о расположении объектов, против которых планировалось осуществить диверсии. Эти спутники использовались также для оценки результатов нападения на эти цели. Во время одного из своих многочисленных визитов в Пакистан в 1983 году Кейси лично передал Зия-уль-Хаку пачку подобных снимков, а в качестве любезного подарка пакистанскому лидеру прибавил к ним секретную информацию о дислокации индийских войск в приграничной зоне. Он также заверил генерала в том, что США непременно придут на защиту Пакистана, если Советский Союз решится нанести удары по пакистанской территории в ходе преследования отступающих моджахедов.

4. Осуществление террористических актов в отношении сотрудников советских загранучреждений и командования 40-й армии ВС СССР в Афганистане. По договоренности с ЦРУ пакистанская разведка готовила специальных боевиков-снайперов из числа афганцев для физической ликвидации советских дипломатов, генералов и офицеров, а также членов высокопоставленных делегаций, посещавших Афганистан. Из них формировались группы особого назначения, которые засылались в районы местонахождения советских учреждений и штабов воинских частей. Это была обязанность пакистанцев. А ЦРУ поставляло адреса местожительства и работы (службы) намеченных жертв. В 1985 году американская разведка снабдила моджахедов через ОРУ сотней снайперских винтовок новейшего образца, хотя, по заключению юристов ЦРУ, их применение в Афганистане противоречило законодательству США. После получения согласия Рейгана на передачу этих орудий убийства Кейси цинично заявил: «А мы назовем их охотничьими ружьями. На кого охотники будут охотиться – это их дело, а не наше». Он же убеждал генерала Ахтара, что террористические акты против советских сановников и дипломатов просто необходимы. «Пока советская элита чувствует себя в безопасности, – рассуждал он, – война в Афганистане будет продолжаться. А вот когда элитных сыночков станут присылать домой в цинковых ящиках, ситуация может измениться».

Советское руководство было информировано о той угрозе жизни наших людей, которая, в частности, исходила в Афганистане от моджахедов-снайперов. Соответствующие меры предосторожности принимались. Но всех все равно уберечь не смогли. Жертвы исчислялись десятками. Гибли и наши разведчики.

5. Использование Афганистана в качестве плацдарма для перенесения военных действий на территорию Советского Союза. Эта идея родилась в аппаратах ЦРУ и СНБ. Рейган одобрил ее. В ближайшем

кругу советников и помощников было решено реализовывать ее по двум направлениям:

– разжигание религиозных и этнических конфликтов в советских республиках Средней Азии и подготовка там антиправительственного подполья;

– последующее вторжение специально подготовленных отрядов моджахедов из северных провинций Афганистана на территорию СССР.

Что касается подрыва устоев советской власти в Средней Азии, то ЦРУ этим занималось достаточно долго. Например, в начале 1981 года, во время визита в Саудовскую Аравию, Кейси одобрил намерение саудовцев организовать широкомасштабную кампанию по нелегальному ввозу в Среднюю Азию через Афганистан религиозной литературы ваххабитской направленности. Он также снабдил саудовцев информацией о «зверствах Советов в Средней Азии после революции 1917 года и Второй мировой войны» для подготовки на ее основе материалов, предназначенных для распространения среди мусульманского населения этих регионов.

В результате ЦРУ втянуло в проведение подрывных антисоветских акций в Средней Азии к концу 1980-х годов спецслужбы ряда мусульманских государств. Однако «полезная отдача» от этого была довольно низкой, ибо информация ПГУ по этой тематике позволяла территориальным органам КГБ и МВД принимать соответствующие профилактические меры.

Для решения второй части упомянутой задачи американской разведке и лично Кейси потребовалось проводить сверхсекретные и весьма деликатные переговоры с высшим государственным руководством ряда азиатских стран. Поэтому советской разведке приходилось добывать информацию о них по крупицам и с большим напряжением.

С февраля 1983 года Кейси убеждал президента Пакистана Зияуль-Хака в том, что Средняя Азия – это ахиллесова пята СССР, его «мягкое подбрюшье», по которому можно и нужно нанести удар. По его мнению, идеологическая и диверсионная кампании, ведущиеся объединенными усилиями США и дружественных им государств, сами по себе способны создать благоприятную политическую атмосферу, но конечного результата надо достигать только военными действиями. Зия-уль-Хак в принципе разделял подобные суждения, однако согласие на подключение ОРУ и вооруженных сил Пакистана к подготовке операции вторжения в СССР дал только в 1984 году, хотя и опасался советского ответного удара по пакистанской территории. В его представлении успех этой операции можно было бы обеспечить путем инспирации, например, в Узбекистане локального восстания, а потом как бы прийти на помощь «борцам за освобождение угнетенных мусульман из-под ига коммунизма».

Идея операции вторжения обсуждалась также в строго конфиденциальном порядке с президентом Египта и королем Саудовской Аравии. Оба не отвергли замысел американцев, но сами на серьезные практические шаги не пошли, посчитав данный проект рискованным. Их удовлетворяла тайная кампания в Средней Азии по пропаганде ислама, с тем чтобы «расшевелить местных жителей и оживить национализм в СССР».

В связи с этим американцы были вынуждены оказывать серьезный нажим на пакистанцев и своего все-таки добились. В 1984 году инструкторы ЦРУ и ОРУ в специальных лагерях подготовили примерно тысячу боевиков и диверсантов для заброски на территорию Узбекистана и Таджикистана. К вербовке вспомогательной агентуры в районах планировавшейся высадки десанта был привлечен агент ОРУ из афганских узбеков. В апреле 1984 года этот агент совершил ходки на советскую территорию и подобрал несколько мест, удобных для переправы через реки Пяндж и Аму-Дарью. В ЦРУ результаты его работы одобрили и передали офицерам ОРУ несколько сот резиновых надувных лодок, автоматы и гранатометы китайского производства, приборы ночного видения, современные средства связи, специальные взрывные устройства.

В ЦРУ и ОРУ полагали, что вопрос о прыжке из Афганистана в Среднюю Азию уже переводится в практическую плоскость. По словам Кейси, моджахеды стучатся в ворота «империи зла». «Можно ли лучше наказать Москву за кровавую войну в Афганистане, – вопрошал он в беседе с одним из руководителей пакистанской разведки, – чем перенести войну на ее собственную территорию?!». Однако он радовался преждевременно: совместными усилиями советских разведчиков, контрразведчиков, пограничников и органов безопасности Афганистана эта крупная операция была сорвана. «Силам вторжения» и ее творцам оставалось довольствоваться в 1985 и 1986 годах только эпизодическими артиллерийскими и ракетными обстрелами советского приграничья через Аму-Дарью да единичными диверсиями, которые, по правде сказать, мало влияли на политическую и оперативную обстановку на советской стороне.

В ноябре 1982 года пост Генерального секретаря ЦК КПСС занял Ю.В. Андропов. Вскоре последовало его указание всем ведомствам, причастным к работе на афганском направлении, проанализировать создавшееся положение и определить меры, которые необходимы для перелома хода событий в нашу пользу. В результате была выработана и начала претворяться в жизнь скоординированная программа действий. С середины 1983 года это ощутили не только моджахеды, но и их покровители. В частности, руководители ОРУ оценили конец 1983 года и весь 1984 год как тяжелый для моджахедов период и всерьез опасались, что афганская вооруженная оппозиция может потерпеть военное поражение. Не на шутку всполошил американцев план

Генерального штаба ВС СССР на 1985–1986 годы, предусматривавший разгром крупных бандформирований: Рейган в январе 1985 года потребовал от СНБ и ЦРУ предпринять все возможное, чтобы помочь моджахедам не только выжить, но и победить.

С приходом к власти президента Наджибуллы в Афганистане начала осуществляться программа национального примирения. Даже ее первые результаты постепенно создавали предпосылки для перевода патовой ситуации, когда ни одна из противоборствующих сторон не могла взять верх, в процесс консолидации конструктивных слоев афганского общества и отторжения непримиримой оппозиции. Почувствовав это, американцы, пакистанцы и главари моджахедов были вынуждены согласиться на Женевские переговоры в целях поиска разумного компромисса и мирного внутриафганского урегулирования. Кстати, информационное и оперативное обеспечение этого процесса осуществляла главным образом советская разведка. Так что делегация Демократической Республики Афганистан и наблюдатели СССР были достаточно добротно оснащены необходимыми материалами для отстаивания своих интересов. И если бы США и Пакистан придерживались взятых на себя обязательств по прекращению военных поставок моджахедам, как это сделал СССР в отношении кабульского режима, то вряд ли дело кончилось бы падением правительства Наджибуллы, а распад афганской государственности не приобрел бы столь фатального характера.

Но в Советском Союзе менялись времена и нравы, менялись лидеры, а также их отношение к афганской проблеме. В ноябре 1986 года М.С. Горбачев заявил Наджибулле, что СССР через два года выведет свои войска из Афганистана, но обещал не прекращать военных поставок в разумных пределах, экономической помощи и политической поддержки. Увы!

Следует подчеркнуть, что советское, а затем российское руководство никогда не испытывало недостатка в добротной и достоверной разведывательной информации и точных прогнозах по широкому спектру афганской проблемы. Наши разведчики до конца выполнили свой долг перед страной и народом.

Холодная война в третьем мире

В соответствии с первой частью стратегической «триады» администрации США с марта 1981 года была активизирована работа ЦРУ по подрыву позиций СССР в третьем мире. Рейган и его окружение исходили при этом из того, что в странах данной группы «после разрухи периода антиколониальных движений 1950–1960-х годов и правления прокоммунистических режимов созрели реальные условия для антисоветских выступлений». Приоритетными объектами

тайных операций были избраны Ангола, Эфиопия, Южный Йемен, Сирия и Ирак. Союзников в борьбе против СССР американцы вербовали среди элит тех стран, правящие режимы в которых, по их меркам, никак нельзя было даже приблизительно именовать демократическими. А по стандартам ООН некоторые из них официально считались изгоями цивилизованного мира. Например, со спецслужбами ЮАР, страны классического апартеида, было достигнуто соглашение по оказанию помощи группировке УНИТА, которая вела партизанскую войну против правительственных войск Анголы и кубинского воинского контингента. Южноафриканские бизнесмены провоцировались на антисоветские аферы на мировом рынке золота, алмазов и металлов платиновой группы.

С монархической Саудовской Аравией американцы составили прочный антисоветский союз и запугивали королевское семейство тем, что СССР унаследовал от царской России стремление завоевать господство над всей территорией вплоть до побережья Персидского залива и Красного моря. Всячески разжигались подозрения саудитов по поводу того, что советские военные советники и сотрудники КГБ в обоих Йеменах, Сирии, Ираке и Эфиопии только и делают, что разрабатывают операции по свержению династии Саудов. Союзнические узы подкреплялись и материальным вкладом в обеспечение безопасности королевства: местная ПВО была оснащена самолетом с системой АВАКС, вооруженные силы получили сотни ракет «Стингер» (кстати сказать, в обход конгресса). Центральное командование группировкой вооруженных сил США в зоне Красного моря и Персидского залива распространило зону своей ответственности на весь регион Персидского залива, началось монтирование системы ПВО «Щит мира».

В Эфиопии американцы поощряли вооруженную борьбу эритрейских сепаратистов и тыграйских националистов против режима Менгисту Хайле Мариама, поддерживаемого Советским Союзом, что в конечном итоге завершилось распадом этого государства.

Приведенные выше примеры показывают, что США вели систематическую борьбу против СССР не только по идеологическим мотивам, а преследуя прежде всего свои собственные геополитические цели, не считаясь с негативными последствиями для многих регионов планеты.

Военное давление

Как свидетельствовали данные советской разведки, Рейган и его ближайшие сотрудники считали необходимым подготовить военную организацию США к уничтожению Советского Союза с первой же попытки. План по достижению этой цели, появившийся на свет в мае 1982 года, в частности, предусматривал:

– втягивание Советского Союза в непосильную для него гонку вооружений и срыв его попыток достичь паритета с военным потенциалом США;

– блокировать поставки в Советский Союз всего необходимого для укрепления его военного могущества и обороноспособности.

Подразумевалось, что советская система обороны должна быть расстроена и в ее главных элементах разрушена в течение одного десятилетия.

Отсюда возникла потребность замены доктрины гарантированного взаимного ядерного уничтожения, которую Рейган, кстати сказать, считал аморальной, на проект создания системы стратегической обороны. Именно этот проект обнародовал американский президент 23 марта 1983 года в виде «стратегической оборонной инициативы» (СОИ). На нее выделялось 26 млрд долл.

Не все в США и на Западе встретили планы по созданию СОИ с восторгом и одобрением. Были и сомневающиеся в целесообразности тратить такие деньги на эту затею. Например, об этом заявила Рейгану в своей настойчивой манере «железная леди» – Маргарет Тэтчер. В ответ президент заметил, что если даже никогда не удастся построить подобную систему, то все равно есть смысл создать условия, чтобы Советский Союз надорвался в попытке найти адекватный ответ. И добавил: «Должен же существовать какой-то разумный предел самопожертвования, которого советские лидеры могут требовать от своего народа!». Этих доводов для Тэтчер оказалось достаточно, чтобы она посодействовала втягиванию в проект СОИ не только Англии, но и ФРГ, Италии, Японии и Израиля.

Не прекращали американцы и наращивания запасов обычных вооружений, отдавая предпочтение его новейшим образцам. Так, в 1980–1985 годах военный бюджет США удвоился. За этот период Пентагон получил 3 тысячи боевых самолетов, 3700 стратегических ракет и 10 тысяч кораблей, подводных лодок и катеров.

В 1982–1984 годах по линии НАТО американцы добились от своих союзников:

– ратификации так называемой наступательной доктрины, смысл которой сводился к нанесению якобы ответных ударов сухопутных сил США по территории стран – членов Организации Варшавского договора;

– принятия в обязательном порядке на вооружение национальных армий 30 новейших высокотехнологичных систем оружия американского производства.

С февраля 1981 года самолеты стратегической бомбардировочной авиации ВВС США периодически нарушали воздушное пространство Советского Союза, держа в напряжении нашу систему ПВО и вынуждая советское политическое и военное руководство принимать отнюдь не простые решения о необходимости ответного реагирова-

ния. Рейган и его окружение не скрывали, что такая линия была рассчитана на деморализацию членов Политбюро ЦК КПСС и порождение среди них атмосферы растерянности и безысходности. Однажды Рейган бросил по этому поводу такую реплику: «Пока никто не собирается применять атомную бомбу. Но враг должен каждый вечер засыпать со страхом, что мы можем ее все-таки сбросить»[3].

О скрытой сущности затеи с СОИ и провокационных нарушениях воздушного пространства СССР наша разведка регулярно докладывала высшему партийно-государственному руководству страны. Этой проблематикой в ПГУ занимались специализированные подразделения. В их обязанности входили анализ разведывательной информации, поступавшей со всех континентов, и выработка прогнозов вероятности внезапного ракетно-ядерного нападения на Советский Союз со стороны США и НАТО.

Вторая часть «триады»

Расшатывание устоев советской власти, выявление ее слабостей и использование их в интересах США было постоянной целью американских спецслужб, в первую очередь ЦРУ и РУМО. Но особая активность в этом деле отмечается в 1980-х годах. О том, как это делалось, в частности, в Средней Азии, говорилось выше. О ведении пропагандистской кампании антисоветского характера радиостанциями «Голос Америки» и «Свобода», о массовой засылке подрывной литературы и ее распространении среди населения, о материальной и морально-политической поддержке диссидентов и стимулировании политической эмиграции широко известно. Этим достаточно открыто бравируют многие «борцы с тоталитаризмом», «правозащитники» и их былые покровители. Но мало кто знает, что большая группа политологов, психологов и психиатров ЦРУ неустанно трудилась над обработкой обширных массивов открытой информации и разведывательных данных и подготовкой на этой основе подробнейших политико-психологических портретов представителей правящей советской элиты. В первую очередь американцев интересовали члены и кандидаты в члены Политбюро, секретари ЦК КПСС и наиболее влиятельные высшие чиновники ключевых министерств. Изучался их интеллектуальный и физический потенциал, политический вес, особенности характера, слабые и сильные стороны. Словом, все, что годилось для поиска подходов к этим деятелям, каналов и методов влияния на них в интересах США. Приведем для примера основное содержание одной из анкет (опросных листов), которые применялись резидентурами ЦРУ для сбора необходимых аналитикам данных.

1. Как объект изучения относится к США, оценивает их внутреннюю и внешнюю политику.

2. Чего объект боится в политической и повседневной личной жизни.

3. В какой степени и в какие сроки объект способен восстанавливать работоспособность и в целом жизненную активность.

4. Как остро объект реагирует на поражения и потрясения, как быстро он оправляется от нанесенных ему политических ударов, психологических травм и понесенных имущественных потерь.

5. Как при необходимости можно поколебать уверенность объекта в себе и подчинить его влиянию извне.

Главным объектом интереса администрации США, а стало быть, и ЦРУ, были Генеральные секретари ЦК КПСС. С Л.И. Брежневым, К.У. Черненко, Ю.В. Андроповым все было достаточно ясно. Затем этот пост занял молодой по сравнению с предшественниками М.С. Горбачев. После победы на выборах 1984 года Рейган одной из первых принял в Кэмп-Дэвиде Тэтчер, которая подробно рассказала ему о встречах с Горбачевым и убеждала его в целесообразности работать с этим перспективным деятелем, способным по-новому взглянуть на отношения СССР с Западом. Итоги изучения были подведены на специальном заседании СНБ, которое состоялось 25 июня 1985 года. Сущность представленных материалов сводилась к выводу о том, что новый партийный лидер, по всей видимости, является советским руководителем не только молодого поколения, но и нового типа по своему мышлению, а целенаправленная работа с ним может посодействовать решению ряда проблем в интересах США. Резюме американского президента оказалось неожиданным. По его мнению, доказательства полезности Горбачева для США могут быть получены еще не скоро; видимо, на это уйдет даже десяток лет. А пока надо продолжать давление на Советский Союз по всему фронту, и нет никаких оснований отказываться ни от одной из тайных операций по разрушению «империи зла». Пусть госсекретарь Джордж Шульц продолжает исполнять перед Горбачевым «ритуальные танцы», убеждая его в добрых намерениях Америки. Психологическую войну против СССР необходимо активизировать.

Это было воспринято как команда к продолжению стратегического наступления на главного противника. Холодная война была продолжена, несмотря на перестройку и новое политическое мышление.

Третья часть «триады»

Последней по счету, но отнюдь не по значению, составной частью «триады» была экономическая война администрации США, которая неуклонно велась многие годы в целях подрыва народного хозяйства СССР и доведения его до полного банкротства. Рейган принял эстафету по ее продолжению в декабре 1981 года. Первым его шагом на

этом направлении стал отказ от участия в строительстве газопровода Уренгой – Помары – Ужгород – Европа (по американской терминологии «Уренгой-6») и принуждение союзников последовать примеру Вашингтона. Затем в ноябре 1982 года была разработана и утверждена комплексная программа экономического удушения Советского Союза. Главной задачей было объявлено выявление слабых мест советской экономики и нанесение по ним прицельных ударов объединенной мощью США и стран Запада. Этого надлежало достигнуть путем:

– резкого сокращения поступления в Советский Союз твердой валюты за счет снижения мировых цен на нефть и газ (в этом деле главная ставка делалась на сотрудничество с Саудовской Аравией);

– ограничения поставок советского природного газа в Европу и срыва строительства упомянутого выше газопровода;

– блокирования доступа Советского Союза к передовым западным технологиям;

– широкой кампании технической дезинформации Советского Союза, с тем чтобы загнать перспективные советские технические и технологические разработки в невозвратный тупик.

В соответствии с этими директивами эксперты ЦРУ под личным контролем Кейси провели тщательное исследование экономики СССР и выявили ее наиболее чувствительные точки. Например, в области добычи и экспорта нефти ключевое значение придавалось не добыванию фактологической информации о сумме доходов Советского Союза от продажи углеводородов, а точному определению степени его зависимости от этого источника поступления средств, необходимых для развития. Разобрав до деталей очередной пятилетний план СССР (1986–1990), американцы составили подробный перечень технологий, в которых советская экономика испытывала наиболее острую потребность. Короче, Рейган и Кейси стремились не столько к прощупыванию экономического пульса Советского Союза, сколько к тому, чтобы держать его за горло.

Из сообщений ПГУ советское руководство в достаточной мере было осведомлено о намерениях США в экономической войне. Ему было также известно и о том, что это жесткое противоборство, затеянное Рейганом, не всегда встречает одобрение европейских союзников. Они переживали не лучшие времена и надеялись решить ряд своих проблем за счет участия в строительстве газопровода «Уренгой-6» (обеспечение энергоресурсами по приемлемым ценам, сокращение безработицы в своих странах и т.д.). Но американский президент полагал, что экономическое уничтожение Москвы является прекрасной стратегией, которая начинается как раз со срыва строительства этого газопровода. Полностью добиться этого он не смог, однако завершение данного грандиозного проекта было задержано на два года. На этом сказалось мощное давление США на своих европейских союзников, в том числе через КОКОМ и НАТО.

После избрания Ю.В. Андропова в ноябре 1982 года Генеральным секретарем ЦК КПСС вопрос о настоятельной необходимости активизации разведывательной деятельности по вскрытию и парированию подрывных акций ЦРУ, РУМО, АНБ, а также спецслужб НАТО был поставлен особенно остро. В связи с этим в 1983 и 1984 годах по линии КГБ была проведена серия важных совещаний по этой проблематике. Перед центральным аппаратом разведки и ее загранаппаратами поставлены конкретные задачи. Наполнялось актуальным содержанием сотрудничество с разведками социалистических стран и взаимодействие с органами безопасности ряда развивающихся государств. В результате высшее руководство СССР и соответствующих ведомств получало в достаточных количествах разведывательную информацию, необходимую для принятия нужных политических решений и осуществления мероприятий по отражению ударов геополитического противника.

Скоро это почувствовали на себе и американцы. Например, Кейси не раз жаловался Рейгану, что из-за нарушений правил сохранения государственной тайны из федеральных ведомств происходят утечки чувствительных данных. «Каждый раз, – сетовал он, – когда мы хотим что-либо предпринять, информация об этом утекает, словно сквозь сито. А я желаю проводить операции, которые были бы действительно секретными». Ему вторил и Джон Пойндекстер, член Совета национальной безопасности США: «Глупо было бы полагать, что Москва не догадывается о многом из того, чем мы занимаемся. У нее были свои информаторы»[4].

О том, какие у советской разведки были в те времена агентурные возможности, теперь стало кое-что известно. А вот источники ЦРУ и РУМО в СССР, по признанию самих руководителей этих спецслужб, тогда начали сильно «пересыхать». Отнюдь не всегда их потеря могла быть компенсирована за счет современных технических средств, использовавшихся АНБ. Такое положение, болезненно переживавшееся в Лэнгли и Пентагоне с апреля 1984 года, было результатом совместных усилий советских разведчиков и контрразведчиков, наносивших по противникам ответные удары. Именно поэтому Кейси настойчиво требовал от зарубежных резидентур все новых вербовок агентов, которые были бы способны продуктивно работать по проблематике Советского Союза.

Противоборство спецслужб США и НАТО, с одной стороны, и Советского Союза и стран – членов Организации Варшавского договора, с другой, являлось одним из составных элементов противостояния двух мировых систем и, разумеется, осуществлялось в строго конспиративных формах и специфическими средствами. Факты, которым, по всей видимости, суждено оставаться скрытыми в архивах, свидетельствуют, что на этом «невидимом фронте» советская разведка выполнила свой долг перед Отечеством и народом на достаточно высоком уровне.

Более того, она вооружала руководство страны необходимыми данными, на основе которых осуществлялись мероприятия государственного значения. Вот лишь один пример.

К 1984 году Москве стало окончательно ясно, что Рейган будет переизбран на второй срок, а его стратегической программой, выходящей, по нашей оценке, за пределы реальности, останется стремление сокрушить «империю зла» и отправить ее на «свалку истории». В связи с этим было решено довести до него, что о его планах доподлинно известно и что Советский Союз с этим не смирится и будет защищаться всеми доступными средствами. Такая миссия была поручена А.А. Громыко. 27 июля 1984 года в Ялте он высказал эти соображения в беседе с бывшим сенатором Макговерном.

23 сентября 1984 года Громыко, выступая в ООН, подверг открытой критике администрацию США за вмешательство во внутренние дела СССР, за ведение против него экономической войны, за раскручивание гонки вооружений и оказание беспрецедентного давления на многие страны, с тем чтобы они свертывали отношения с Советским Союзом.

В кулуарах Лэнгли по поводу этой речи ехидничали: мол, советский руководитель говорил так, будто он изучил самые секретные директивы президента США по вопросам национальной безопасности. Конечно, Громыко не читал упомянутые тексты в подлиннике, но их содержание ему было известно из докладов ПГУ.

28 сентября 1984 года Громыко в личной беседе с Рейганом прямо заявил, что политика администрации США явно рассчитана, по оценке Москвы, на то, чтобы Советский Союз в ходе обострения холодной войны истощил свои материальные ресурсы и в конечном счете был вынужден сдаться на милость Америки. Рейган предпочел отделаться неуклюжими шутками и перевести разговор на другие темы.

В начале 1987 года умер Кейси. «Машина войны» без этого «мощного мотора» на короткое время «зачихала», но скоро ее «маховик» вновь был раскручен: работа по подрыву Советского Союза изнутри и его удушению экономически и политико-дипломатически извне продолжалась до конца пребывания Рейгана в Белом доме, а потом по эстафете была завещана новой администрацией, кстати сказать, тоже от республиканской партии.

В декабре 1991 года Советский Союз прекратил свое существование. Среди западных политологов распространено мнение, что тайные операции ЦРУ и других американских спецслужб в корне изменили характер холодной войны и ускорили неизбежный развал одной из мировых сверхдержав. Другие посчитали, что без наступательной американской политики советская система вряд ли потерпела бы крах. Третьи убеждены в том, что только стратегия администрации Рейгана была главным инструментом уничтожения Советского Сою-

за и что именно она сделала возможным «умерщвление советского коммунизма» и завершение холодной войны окончательной победой.

Все эти выводы, на наш взгляд, не выражают полностью сущности событий конца 1980 – начала 1990-х годов. Если судить о них по данным советской внешней разведки, то можно и должно сказать, что администрация Рейгана не породила кризис советской системы, а лишь усугубила его. Сами солидные американские советологи считали, что Кремлю вполне удалось бы выжить, если бы он не был принужден сопротивляться совокупному эффекту от угрозы создания СОИ, ускоренному росту военного потенциала США, геополитическим трудностям в Польше и Афганистане и губительному воздействию экономической войны. Короче, «советский строй не был организмом, склонным к самопожиранию, ни при какой международной ситуации»[5].

В заключение со всей уверенностью надо заявить, что советские разведчики в подавляющем большинстве отстаивали нашу Великую Родину на своем участке внешнего фронта самоотверженно и до конца.

---

[1] **Schweitzer Peter**. Victory. – N.Y., 1994.
[2] Ibid.
[3] Ibid.
[4] Ibid.
[5] Ibid.

2

Внешняя разведка о секретных западных оценках советской экономики и планах по ее ослаблению

После периода разрядки первой половины 70-х годов наступил новый виток обострения российско-американских отношений, который отрицательно сказался в том числе и на развитии двусторонних экономических контактов. В соответствии с указаниями президента Рейгана, изложенными в подготовленных по его заданию директивах СНБ США, задача изменения политического устройства Советского Союза и его союзников-соцстран переводилась из постановочных в практическую плоскость, становилась главным направлением внешнеполитической деятельности США. Во второй половине 70-х годов США начали самое, пожалуй, мощное по масштабам и организованности наступление на основы советской государственности. При этом важное, если не первейшее значение Вашингтон придавал экономическому направлению.

Данные, полученные нашей разведкой, говорят о том, что тема тайных наступательных операций против Советского Союза впервые под конкретным углом зрения обсуждалась на заседании Рабочей группы по делам национальной безопасности 30 января 1981 года. В начале 1982 года Рейган со своими советниками начал формировать стратегию, основанную на натиске на наиболее уязвимые места политической и экономической системы СССР. Одной из составных частей этой операции была «экономическая война».

Цели и средства этого наступления были обозначены в секретных директивах по национальной безопасности (NSDD), подписанных Рейганом в 1982 и 1983 гг. NSDD-32 от марта 1982 года рекомендовала нейтрализацию советского влияния в Восточной Европе и поддержку с применением тайных операций антисоветских организаций в этом регионе. NSDD-66 (ноябрь 1982 г.) объявляла целью политики США подрыв советской экономики методом атаки на основные ее составляющие. NSDD-75 от января 1983 года рекомендовала конкретные меры, направленные на фундаментальные изменения советской системы.

Суть директивы сводилась к задаче лишить Москву «западных средств, необходимых для жизни». Она охватывала три главных вопроса: 1) США должны добиться согласия европейских союзников выделять Москве кредиты только по рыночным курсам; 2) США не допустят доступа советской экономики и армии к современной западной технологии. Будет расширена деятельность КОКОМ (Координационный комитет по экспортному контролю, создан в 1949 г. с целью координации действий ведущих капиталистических стран по ограничению доступа СССР и других социалистических государств к новейшей западной технологии и современному оборудованию); 3) США и союзники будут искать альтернативные источники энергии, чтобы уменьшать зависимость Европы от поставок советского природного газа. Поставки его в Европу не должны покрывать больше 30% потребностей.

Документ NSDD-75 стал, по полученным из Вашингтона сведениям, важнейшей президентской директивой администрации Рейгана в вопросе стратегии США относительно СССР.

Разработанная в президентской директиве стратегия, кроме того, предусматривала тайную финансовую, разведывательную и политическую помощь движению «Солидарность» в Польше, а также значительную военную и финансовую помощь движению моджахедов в Афганистане.

Осуществление этого плана предусматривало акции по резкому уменьшению поступлений твердой валюты в Советский Союз в результате снижения цен на нефть. Этой цели следовало добиваться в сотрудничестве с Саудовской Аравией, а также путем ограничения экспорта советского природного газа на Запад.

США планировали существенно расширить психологическую войну, направленную на то, чтобы посеять страх и неуверенность среди советского руководства.

Как следствие этих мер предусматривался рост гонки вооружений и поддержание их на высоком техническом уровне, что должно было подорвать экономику СССР.

В этом отношении весьма интересна вышедшая на русском языке в 1995 году книга Петера Швейцера «Победа»[1] с подзаголовком «Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря».

Решающую роль в развязывании широкомасштабного противостояния с Советским Союзом П. Швейцер отводил Р. Рейгану и его окружению, в котором ключевую роль играли такие деятели, как директор ЦРУ Уильям Кейси и министр обороны Каспар Уайнбергер.

Поскольку значительная часть стратегии основывалась на ведении тайных операций, директор ЦРУ Кейси, энергичный и целеустремленный организатор, стал одним из главных ее руководителей. Кейси поручил своему аппарату определить слабые пункты советской экономики.

Уязвимыми местами были определены финансовое, энергетическое и технологическое направления.

Это не осталось неизвестным советским спецслужбам. Оценки зарубежных спецслужб и исследовательских центров состояния и перспектив экономики нашей страны отслеживались, анализировались и доводились до руководства страны.

Информация, направлявшаяся разведкой адресатам, решала в основном три задачи: 1) «чужими глазами» посмотреть на слабые места в советской народно-хозяйственной политике и, соответственно, отыскать резервы по ее совершенствованию; 2) вскрывать конкретные планы США и их союзников по НАТО по ослаблению экономической мощи нашего государства и стран социалистического содружества; 3) выявлять противоречия в стане противника и возможности нейтрализации его подрывных замыслов.

Материалы в архиве внешней разведки показывают, насколько большие усилия США направляли на то, чтобы ограничить для СССР возможности получения кредитов, необходимых для развития экономики.

В начале 80-х годов Вашингтон сумел навязать своим союзникам ряд мер по ужесточению кредитной политики в отношении Востока. В частности, в 1981–1983 гг. резко (почти вдвое) возросла «стоимость» экспортных кредитов, уменьшился разрешаемый объем кредитных сделок, не были продлены заключенные в 70-х годах межправительственные соглашения между СССР и некоторыми крупными западными странами о предоставлении экспортных кредитов.

Вместе с тем советская разведка своевременно получала сведения об основных этапах и нюансах этой работы. Благодаря достоверной информации разведки советской стороне удавалось своевременно оценивать характер и реальность этих угроз.

Так, после объявления 4 января 1980 г. Дж. Картером о введении экономических санкций против СССР в ответ на ввод советских войск в Афганистан, таких, как эмбарго на поставки американского оборудования для газопровода Ямал – Западная Европа, приостановление переговоров о заключении долгосрочного соглашения по зерну и др., появились данные о планах замораживания валютных средств, размещенных Советским Союзом в западных банках. Проведенный разведкой анализ полученной информации показал, что такой вариант маловероятен. Надежные источники сообщили, что подобные попытки предпринимались ранее отдельными странами Запада и в отношении Ирана, но оказались малоэффективными. Однако Советский Союз обладал более прочными позициями, чем Иран. В западных столицах понимали также, и на это указывали наши источники, что меры по замораживанию советских депозитов были бы чреваты объявлением Советским Союзом моратория на свою внешнюю задолженность. Это нанесло бы ощутимый удар по экономической си-

стеме Запада, в том числе США. Односторонние «санкции» США против СССР в кредитной сфере могли лишь привести к снижению конкурентоспособности американских банковских учреждений по отношению к банкам других стран. Кроме того, финансовое положение Советского Союза рассматривалось как благополучное (снижение внешней задолженности, значительные резервы в иностранной валюте, практически ключевые позиции на рынке золота). В этих условиях Соединенным Штатам вряд ли удалось бы создать монолитный фронт западных государств в принятии совместных мер против СССР в валютно-финансовой области.

Разведка также информировала правительство, что, несмотря на тенденции к усилению координации кредитной политики Запада, одновременно сохранялись довольно острые разногласия между капиталистическими странами. Эти и подобные им сведения позволили советским представителям лучше подготовиться к переговорам, которые были в конечном итоге успешно для нас завершены.

Правительству докладывались данные о недовольстве Вашингтона практикуемым тогда некоторыми странами субсидированием процентных ставок по экспортным кредитам, предоставляемым СССР, ЧССР и ГДР, о давлении на своих союзников с целью заставить их отказаться от таких действий и о возникших в этой связи осложнениях во взаимоотношениях членов НАТО.

Подобного рода информация была особенно важна на этапах ужесточения кредитной политики Запада, как это имело место в 1982 году, когда США прямо поставили вопрос о введении эмбарго на кредиты Востоку и направили в Западную Европу специального представителя для согласования действий в данной области. Однако планы США потерпели провал.

В конце 1984 года разведка получила подготовленный для правительства одной из западноевропейских стран анализ последствий возможного введения эмбарго на кредиты соцстранам. В нем отмечалось, что администрация Рейгана под давлением влиятельных финансистов США и Западной Европы временно отказалась от идеи эмбарго и даже прекратила дискуссии по данной проблеме. Тем не менее потенциальная угроза применения Вашингтоном «кредитного оружия» в отношении стран СЭВ сохранялась. Как отмечали эксперты правительства США, кредитные санкции против СССР причиняют ему лишь незначительный ущерб, заставив прибегнуть к мерам по экономии твердой валюты. Считалось, что эмбарго не вызовет политических потрясений и не побудит Москву к уступкам. Напротив, эта акция Запада дала бы Советскому Союзу пропагандистский козырь и позволила бы предпринять в ответ политические контрмеры, в частности объявить себя свободными от погашения обязательств или ввести на них мораторий, подтолкнув на аналогичные действия своих союзников.

Попытки США и западного мира оказать негативное воздействие на советскую экономику с помощью кредитной политики не были единственным средством давления на Советский Союз.

В конце 1983 года в правительство были доложены закрытые оценки одной из авторитетных западных организаций относительно потребностей Советского Союза в передовой западной технологии. Их основное содержание сводилось к следующему.

В текущем десятилетии вероятно дальнейшее сокращение превосходства стран НАТО над СССР по главным видам вооружений в виду прежде всего последовательного наращивания мощностей советской оборонной промышленности. Однако СССР в связи с возможным замедлением темпов экономического роста будет вынужден несколько сократить собственные военные разработки в целях экономии сил и ресурсов и одновременно активизировать усилия по официальному и особенно нелегальному приобретению современных технологий на Западе.

Основное внимание, говорилось в документе, СССР будет уделять получению секретных сведений о разработках, использование которых может заметно повысить эффективность советского стратегического и тактического оружия: данные о новых поколениях компонентов для инерциальных систем управления американскими ракетами, о производстве головок самонаведения. Значительные усилия СССР направит на приобретение технологий производства сверхлегких и сверхпрочных композиционных материалов, двухконтурных реактивных двигателей, сведений о машинном проектировании летательных аппаратов, технологии, связанной с конструированием и строительством авианосцев. В области ЭВМ СССР будет проявлять интерес к информации о новейших машинах по моделированию и конструированию сложного оружия, а также о сверхбольших интегральных и больших интегральных схемах. Не исключено, что в этой связи Москва могла обратиться к Западу за помощью в строительстве двух-трех заводов по производству поликристаллического кремния.

Основным каналом, по оценке американцев, являлась перекупка технологий и образцов через посредников (подставных частных лиц, торговые фирмы «третьих стран»). Проконтролировать этот канал, через который уходит основная масса технологии, в США считали пока трудным делом, так как не существовало действенного специального механизма сотрудничества по этому вопросу между заинтересованными ведомствами США и их коллегами в союзных странах.

Администрацией США была проведена некоторая реорганизация национального механизма по контролю за возможной утечкой в СССР и другие соцстраны передовых технологий. Соответствующие подразделения были созданы в рамках госдепартамента, министерств

торговли и обороны. В конце февраля 1984 года вопрос об общенациональном механизме экспортного контроля в соцстраны вновь приобрел особую актуальность в связи с окончанием срока действия специального экспортного закона, продлевавшегося президентом США в рамках особых полномочий.

Американская точка зрения на эффективность международного контроля, осуществляемого в рамках КОКОМ, была двоякой. С одной стороны, американцы всячески поддерживали его деятельность и навязывали партнерам ужесточение линии. Однако, наряду с этим, они были явно недовольны необязательностью решений, принимаемых в КОКОМ, и, как следствие этого, их неполным соблюдением союзниками.

Соответствующие органы НАТО к осени 1983 года в основном завершили комплексное исследование торгово-экономических связей Запад – Восток и их влияния на безопасность государств Североатлантического блока.

Инициатор анализа – администрация Рейгана преследовала цель реорганизовать деятельность КОКОМ и еще больше усилить контроль над поставками в страны Восточной Европы новейшей западной технологии и современного оборудования. Вашингтон требовал от участников КОКОМ заключить официальный договор и создать таким образом новую правовую основу КОКОМ, решения которого носили бы обязательный характер. Белый дом пытался укрепить организационную структуру КОКОМ, в частности образовать специальный военный подкомитет со штатом из кадровых военных, предлагал учредить специальный банк информации для более тщательного слежения за использованием западной технологии, поставляемой в «третьи страны» (главным образом социалистические и нейтральные).

В то же время разведка докладывала, что страны Западной Европы по-прежнему затягивают принятие на себя каких бы то ни было новых обязательств по принципиальным вопросам, в частности выступили против расширения функций и полномочий КОКОМ по сценарию Вашингтона, опасаясь превращения данной организации в наднациональный орган. Они пытались убедить США, что расширение «запретительных» списков КОКОМ за счет товаров гражданского назначения, в том числе энергетического оборудования, отнюдь не будет способствовать повышению эффективности экономического контроля. Из всех товаров, определяемых как «критические», на практике удалось полностью контролировать лишь 15%. С учетом этих разногласий составление очередного «запретительного» списка продвигалось медленно и, по оценкам некоторых членов КОКОМ, вряд ли могло быть завершено раньше весны 1984 года.

США намеревались при этом использовать механизм КОКОМ в интересах американского бизнеса, в частности налагать вето на экс-

порт союзниками более конкурентоспособной, по сравнению с аналогичной американской, передовой технологии гражданского назначения. Наибольшему давлению подвергались фирмы ФРГ и Франции.

В отличие от США, страны Западной Европы и Япония стремились не к свертыванию торгово-экономических отношений с Востоком, а к трансформации их характера. Советскому Союзу и другим соцстранам они, по сути, хотели отвести роль поставщиков сырья и покупателей готовой промышленной продукции. По их мнению, такая политика позволяла Западу извлекать гораздо большие экономические дивиденды. Некоторые союзники США полагали, что широкий импорт западной техники, оборудования и технологии приведет к росту финансовой зависимости отдельных социалистических государств от Запада. Создастся также технологическая зависимость, которая будет особо ощутима в ряде ключевых отраслей народного хозяйства: химической промышленности, нефтехимии, электронике и электротехнике, автомобильной промышленности, ряде отраслей машиностроения.

Увлечение западной технологией, как отмечали европейские эксперты, приведет и к возникновению в отдельных соцстранах иждивенческого подхода к использованию зарубежного научно-технического опыта, отказу от внедрения отечественных достижений в области науки и техники, что обречет их собственные исследования и разработки на заведомое отставание от мирового уровня.

Запад, в первую очередь США, активно пытался создавать трудности для советской экономики и в области энергетики. Учитывая, что доходы от продажи нефти и газа были одним из основных источников средств для модернизации отсталых отраслей советской экономики, США и их союзники по НАТО стремились, с одной стороны, мешать увеличению поставок нефти и газа из СССР, а с другой – максимально занижать на них цены.

По данным внешней разведки, большинство зарубежных экспертов считало, что, несмотря на сложившуюся в первой половине 80-х годов благоприятную для западных стран – импортеров топлива обстановку, было бы преждевременно говорить об устранении угрозы нового энергетического кризиса. Увеличение спроса на топливо по мере выхода экономики стран Запада из кризиса, по их мнению, вновь могло привести к ухудшению структуры их энергобаланса и росту зависимости от внешних поставок.

Поэтому, подтверждая свое стремление придерживаться безопасного уровня импорта энергоносителей из СССР, западноевропейские страны, тем не менее, считались с возможностью возникновения в перспективе дефицита топлива на мировом рынке. В этой связи они отказались признать обязательный характер установок Международного энергетического агентства о квотах на объем закупок энергосырья в СССР.

Внешняя разведка, опираясь на мнение своих компетентных источников, предупреждала, что, поскольку в ближайшее десятилетие наиболее реальной альтернативой нефти по многим параметрам останется газ, США через свои возможности среди западных импортеров газа из Советского Союза будут усиленно добиваться снижения цен на этот продукт по сравнению с нефтью. По мнению разведки, такая политика подрыва цен на советский газ отражала переход Запада к более изощренным и гибким методам ведения экономической войны против СССР.

Несколько позже аналитики внешней разведки пришли к следующим выводам относительно подхода стран ЕЭС к вопросу о закупках советского газа, которые были доложены правительству:

– страны – члены ЕЭС в условиях временного сокращения потребления топлива с помощью мер прямого и косвенного регулирования спроса на отдельные энергоносители и диверсификации их импорта преднамеренно тормозят закупки советского газа, несмотря на его высокую конкурентоспособность на мировом рынке. Расчет делается на то, что Советский Союз под угрозой свертывания своего газового экспорта откажется от системы гарантированных минимальных цен по новым контрактам и выполнит требования импортеров о выравнивании торговых балансов;

– при этом страны ЕЭС планируют, с одной стороны, обеспечить по мере подъема спроса на топливо поступление дешевого советского газа в политически безопасных для себя пределах, а с другой – создать такие условия, которые бы максимально ограничивали валютные поступления Советского Союза при сохранении высокой степени его зависимости от импорта западных товаров.

Использовали США в своих планах развала СССР и политику экспорта сельскохозяйственной продукции.

Прежде всего она была направлена на создание зависимости Советского Союза от импорта зерновых, с тем чтобы использовать в дальнейшем продовольственное оружие для достижения своих политических, экономических и идеологических целей. В частности, по мнению министра сельского хозяйства США Д. Блока, расширение Соединенными Штатами зернового экспорта в СССР до уровня 30–35 млн тонн в год в перспективе превратило бы его в потенциальный рычаг воздействия на политику Москвы. Кроме того, по расчетам американских экспертов. Советский Союз вынужден будет отвлекать ресурсы твердой валюты от решения стратегических задач в сфере развития экономики и повышения обороноспособности. Учитывалась также и заинтересованность американских фермеров в стабильных и долгосрочных поставках своей продукции на советский рынок.

По данным разведки, для достижения своих целей администрация США планировала создание своего рода зернового картеля в

составе США, Австралии, Канады и стран ЕЭС, что дало бы американцам возможность не только контролировать основные источники поставок зерна Советскому Союзу, но и резко поднять цены на него (по американским оценкам, расходы на импорт тонны зерна уже в то время в 7–8 раз превышали затраты на его производство в СССР).

Предлагалось навязывание Советскому Союзу нерациональной структуры закупок, в которой основную роль играла бы пшеница. При этом американские эксперты исходили из того, что закупка соевых бобов вместо пшеницы позволила бы СССР сэкономить большое количество зерна, идущего на корм скоту (одна тонна соевых бобов давала возможность балансировать по содержанию белка 8 тонн пшеницы).

Предусматривалось закрепление и расширение «привязки» В/О «Экспортхлеб» к ограниченному кругу крупнейших зерноторговых фирм, что позволило бы добиваться значительных переплат советской стороны при закупке зерна. Так, по словам президента фирмы «Дрейфус», с русскими работать легко, они не торгуются, переплачивают по 8 долл. за тонну (в сумме это составляло в отдельные годы порядка 80 млн долл. в год только при сделках с указанной компанией).

Закупка Советским Союзом зерна не у крупнейших фирм, а у мелких и средних компаний, ассоциаций производителей зерна и фермерских кооперативов, равно как использование Чикагской зерноторговой биржи и системы так называемых фьючерсных сделок[2], дала бы ему возможность экономить крупные суммы в твердой валюте. По оценкам американских деловых кругов, китайцы благодаря этим формам торговли ежегодно экономят примерно 600–900 млн долл.

Намечалось ужесточение условий экспорта в СССР современной технологии хранения и транспортировки зерна. По подсчетам американских специалистов, если бы Советский Союз внедрил ее, то это предотвратило бы потери примерно 30 млн тонн зерна, то есть количества, равного всему объему импорта.

Американская администрация была обеспокоена тем, что западноевропейские государства не соглашались запрещать экспорт подобной технологии в Советский Союз, поскольку она не подпадала под списки КОКОМ.

США были заинтересованы в сохранении существующего несоответствия между сроками отгрузки зерна и пропускными возможностями советских портов, ликвидация которого привела бы к экономии около 1 млрд долл., ежегодно выплачиваемых в качестве штрафов за простои иностранных судов с зерном.

Важной целью американской политики являлся подрыв сельскохозяйственного производства в СССР. Принимая во внимание формальный характер проверки советской стороной качества зерна в портах

отгрузки, спецслужбы США изучали возможность заброски в СССР специально обработанных партий зерна, вызывающего эпизоотические болезни скота.

Аналитики разведки доводили до советского руководства мнение зарубежных экспертов о том, что СССР в принципе способен в относительно короткие сроки сорвать реализацию указанных американских планов. Советский Союз по примеру Китая, учитывая зависимость США от экспорта зерна, мог бы ужесточить требования к его качеству (поступающее из США зерно на 95% было постоянно заражено карантинными вредителями и засорено сорняками, тогда как уровень засоренности поставляемого в СССР канадского и аргентинского зерна составлял соответственно 53 и 27%).

Частью общей стратегии Запада относительно СССР было нанесение ему материального ущерба на канале сотрудничества с другими социалистическими государствами, подрыв экономического взаимодействия в рамках СЭВ и в итоге развал соцсодружества. Для этого выявлялись уязвимые места в механизме сотрудничества и разрабатывались меры по их использованию в подрывной деятельности.

Информация по этим вопросам регулярно докладывалась разведкой руководству страны для принятия соответствующих контрмер.

Важное место в политической и идеологической борьбе с коммунизмом Запад отводил подрыву экономического сотрудничества СССР с развивающимися странами. Советская внешняя разведка отслеживала эту линию в целом, собирала сведения о конкретных намерениях по отдельным географическим направлениям. Например, на начало 1984 года руководству Советского Союза докладывались обобщенные данные об активизации мероприятий Запада по ослаблению экономических позиций СССР в третьем мире примерно следующего содержания.

В 1983 году в США была закончена разработка комплексной программы подрыва экономических связей СССР со странами третьего мира. К ее реализации подключены правительственные ведомства (госдепартамент, министерства торговли, финансов, сельского хозяйства, спецслужбы), а также частные банки, корпорации и СМИ.

В рамках программы предполагалось доказать, что СССР фальсифицирует данные об объеме помощи молодым государствам, обосновать тезис о политическом, а не коммерческом подходе Советского Союза к развитию экономических связей, показать невыгодность для стран третьего мира долгосрочных торговых соглашений и предполагаемых советской стороной форм промышленного сотрудничества (совместные предприятия, компенсационные проекты).

Эту кампанию намечено было строить, опираясь прежде всего на получаемые по разным каналам данные о просчетах и ошибках в деятельности советских внешнеторговых организаций. До правительст-

венных и деловых кругов стран третьего мира доводилась информация о фактах затягивания советской стороной переговоров по контрактам и сроков выполнения заказов, о просьбах продлить аккредитивы, плохом техническом обслуживании оборудования, перебоях в снабжении запчастями и т.п. Одновременно предусматривалось проведение прямых диверсионных акций в отношении советских проектов в молодых государствах, организация саботажа. Прозападным элементам в государственных учреждениях стран третьего мира предписывалось тормозить принятие решений по контрактам с советскими организациями, использовать различные предлоги для приостановки работ на объектах, сооружаемых с помощью СССР, срывать доставку техники для этих объектов, создавать трудности в наборе местных кадров, вводить ограничения на въезд советских специалистов.

США активно использовали финансовые рычаги давления, а также поставки продовольствия, чтобы вынудить развивающиеся страны отказываться от заключения соглашений с СССР и другими социалистическими государствами.

В целом, поддерживая США, большинство западноевропейских государств и Япония считали недостаточным использование пропаганды и методов давления для ограничения экономических связей развивающихся стран с СССР. По мнению руководства одной из крупных западноевропейских стран, указанные меры должны были быть дополнены выдвижением привлекательной для молодых государств концепции перестройки мирохозяйственных связей. Характерно, что планируемое Японией увеличение объема государственной помощи в 80-е годы прямо увязывалось с необходимостью заполнить в экономике третьего мира вакуум, который мог бы быть использован Советским Союзом для проникновения в развивающиеся страны.

В некоторых странах Западной Европы отмечали, что в отличие от начальной фазы деколонизации, когда развивающиеся страны нуждались в советской военно-политической поддержке, со временем на первый план все больше выдвигаются экономические проблемы, в решении которых Советский Союз при нынешней структуре своих внешнеэкономических связей может оказать лишь ограниченную помощь. Делался вывод, что наступило время для активных действий Запада по ослаблению политических и экономических позиций СССР в третьем мире.

Приведенная выше информация, основанная в своей значительной части на подлинных документах разведки, показывает достаточно высокую осведомленность советской внешней разведки об оценках на Западе состояния различных отраслей экономики Советского Союза, планах США и их союзников по использованию экономического фактора в противостоянии с СССР и его сторонниками.

Все эти сведения своевременно доводились до политического руководства страны. Вопрос об эффективности их использования руководством страны и народно-хозяйственными органами государственного аппарата выходит за рамки деятельности внешней разведки, поскольку информация разведки не может изменить экономические и политические процессы в стране.

---

[1] **Швейцер Петер. Победа.** Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и стран социалистического лагеря. – Минск, 1995.

[2] От англ. *Futures* – срочные сделки на биржах, представляющие собой куплю-продажу товаров по фиксированной в момент заключения сделки цене с исполнением операции через определенный промежуток времени.

3

«Pacta sunt servanda»*

На всем протяжении человеческой истории стремление к обеспечению безопасности одних государств и народов за счет интересов и безопасности других порождало непрерывную цепь опустошительных войн и вооруженных конфликтов. Уже в библейских книгах писалось о тех временах, когда народы «перекуют мечи на орала и копья на серпы». Однако на фоне войн и кровопролития развивался и поиск путей мирного сосуществования на основе соглашений и договоров. Примечательно, что именно Россия была инициатором принятия фактически первого в истории международно-правового документа – Петербургской декларации 1868 г., – ограничивавшего применение конкретных видов оружия[1].

Появление ядерного оружия, а с ним и угрозы уничтожения самой жизни на Земле сделало императивным критическое переосмысление всего комплекса вопросов войны и мира, поиски путей обеспечения всеобъемлющей международной безопасности. Но прежде чем идеи о мире без оружия могли воплотиться в реальность, надо было решить, что делать с накопленными и продолжающими расти запасами различных видов вооружений, где, сколько и как может быть уничтожено, сколько и где оставлено на хранение или размещено так, чтобы гарантировать безопасность государств и необходимый уровень боевой мощи их армий, создать прогнозируемый баланс сил в мире в целом. При этом требовалось выполнить десятки политических, экономических, экологических и социальных условий, самым естественным образом возникших вместе с осознанием того, что человечество доросло до такой степени вооруженности, которая грозит ему полным самоуничтожением.

---

* «Договоры должны соблюдаться» (*лат.*) – один из основных принципов международного права.

Ведущим странам мира вновь пришлось сесть за стол переговоров, по-новому взглянув на проблемы разоружения, ограничения и контроля над вооружениями. Естественно, первым в повестку дня был внесен вопрос о ядерном оружии. В итоге после почти двадцатилетнего обсуждения в 1968 г. был заключен и в 1970 г. вступил в силу Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Договор принимался на 25 лет и был бессрочно пролонгирован в 1995 г.

Решив принципиально вопрос о самом опасном виде вооружения, мировое сообщество пришло к выводу, что и без него на Земле достаточно средств, которые способны, если и не остановить полностью, то существенно задержать развитие жизни.

Вопросы безопасности и контроля над вооружениями вошли в число постоянно присутствующих в спектре проблем международной дипломатии, а значит, и в списке приоритетных задач политических разведок всех стран мира.

Не стала исключением и российская внешняя разведка. В последнее десятилетие прошлого века в ее составе оформилось и утвердилось новое направление деятельности – отслеживание различных аспектов контроля над вооружениями.

Нельзя сказать, что внешняя разведка ранее не занималась подобной работой. Проблемы военных потенциалов и новых видов оружия, особенно в их политическом измерении, постоянно оставались в ее поле зрения. Однако на рубеже 70–80-х годов прошлого века ситуация качественно изменилась. Разоруженческие проблемы выходили на первый план в дипломатии великих держав.

Вхождение Российской Федерации как правопреемницы СССР в мировое сообщество сопровождалось появлением массы новых проблем, в том числе и едва ли не в первую очередь в сфере разоружения. Западу не нужна была Россия, унаследовавшая всю военную, техническую и научную мощь своего гиганта-предшественника. Велось сильнейшее давление в направлении конверсии, а фактически свертывания военного производства и вообще оборонной промышленности, активная скупка научных кадров, наводнение страны различными гуманитарными и миссионерскими организациями, целью которых был анализ российского научно-технического потенциала, установление прямых, якобы научных контактов с национальными научными центрами в области ядерных и других оборонных исследований. Параллельно шли надуманные обвинения во все сохраняющейся угрозе миру, исходящей будто бы с территории бывшего СССР, под которым по понятным причинам понималась только Россия, даже если в подтверждение приводились события и факты, имевшие место на территории уже ставших к тому времени независимыми и всеми в таком качестве признанными государств Европы, Закавказья и Центральной Азии. Из России якобы тоннами нелегально вывозились расщепляющиеся материалы, в том числе оружейного качества, и обо-

рудование военного и двойного назначения. Если верить сыпавшимся как из рога изобилия публикациям и дипломатическим нотам, Россия снабжала оружием чуть ли не все экстремистские организации и государства, относимые Западом к так называемым странам риска, все международные торговцы оружием обязательно объявлялись выходцами из бывшего СССР или имели связи на его территории[2]. И всё это на фоне бесконечного спектакля с известной теперь даже по художественным кинофильмам «красной ртутью». Аргументированно опровергать обвинения приходилось и внешней разведке, проверяя информацию по своим источникам.

В итоге к концу 1991 года начала выкристаллизовываться проблема распространения оружия массового уничтожения как нового вызова в мировой политике, ставшая вскоре одним из новых приоритетов в работе разведки. «Служба внешней разведки сейчас непосредственно занимается вопросами распространения оружия массового уничтожения, – скажет позже перед журналистами директор СВР Е.М. Примаков, – считая это одной из главных проблем, главным вызовом после окончания холодной войны».

Специалисты понимали, что ОМУ само по себе – только обобщающее название сверхмощных по степени и последствиям поражения видов оружия, и пока оно сконцентрировано в странах «ядерной пятерки», его применение почти маловероятно. Практический военный опыт показал, что применение химического оружия при решении стратегических задач нецелесообразно уже хотя бы из-за непомерно большой зависимости эффекта от погодных условий. Биологическое оружие в силу неизбирательности и неопределенности сроков остаточного заражения и ареала распространения возбудителей так никем и не было в полной мере принято на вооружение, оставаясь лишь на уровне исследовательских разработок и не испытывавшихся образцов[3]. Во всяком случае, ни одна из стран не признавалась в нарушении биоконвенции 1972 г.

Главная опасность распространения ОМУ в 90-е годы заключалась в том, что этот процесс накладывался на развитие конфликтных ситуаций на региональном уровне. Причем, как ни парадоксально, отход от жесткого противоборства, от блоковой конфронтационности, прекращение холодной войны в значительной степени ослабили контроль над развитием региональных конфликтных ситуаций. Более того, произошло расширение их ареала. На фоне неурегулированности так называемых традиционных конфликтов, в частности на Ближнем Востоке, расползание оружия массового уничтожения могло самым негативным образом сказаться на региональной ситуации и вывести элемент нестабильности на глобальный уровень, создав значительное и долговременное препятствие на пути сокращения вооружений и серьезную угрозу миру в целом. Кроме того, уже тогда просматривалась угроза появления нового вида терроризма, о кото-

ром во всеуслышание заговорили десятью годами позже и который проявил себя состоявшимися спустя год с небольшим в Мацумото и Токио актами с применением химических отравляющих веществ, произведенными сторонниками секты «Аум синрикё». Специалисты высказывали серьезную тревогу в связи с выявленным интересом международных криминальных структур к организации нелегальной торговли расщепляющимися и другими особо опасными материалами. На закате холодной войны в пылу установления стратегического паритета участники противоборства некоторым образом упустили проблему распространения оружия массового уничтожения. Надо было наверстывать упущенное.

Как выяснилось вскоре, само ОМУ было лишь головной проблемой, за которой тянулось множество проблем, ранее просто не возникавших в таком виде. Необходимым виделось установление системы международного контроля над движением товаров и технологий, применимых в целях создания ОМУ и ракетных средств, а следовательно, организация разведывательного мониторинга соответствующей ситуации в странах, представляющих угрозу в связи с их стремлением к обладанию «сверхоружием».

В рамках экспортного контроля встали вопросы отношений России с международными организациями и режимами[4], действующими в этой области. В них на тот период Россия занимала не самые влиятельные позиции. И все эти структуры, как правило, так или иначе были связаны с проблемой распространения ОМУ. И везде Россию пытались поставить в положение ответчика.

Важным было то, что данная проблема становилась содержанием новых отношений Российской Федерации с другими членами мирового сообщества, и без достижения компромиссов трудно было рассчитывать на взаимодействие со странами Запада, что было важным элементом внешней политики нашей страны. При этом задача состояла в том, чтобы максимально защитить интересы страны в целом и ее оборонного комплекса в частности. Необходимо было организовать адекватную систему анализа нужной информации и выработки предложений.

Надо признать, что, хотя мотором продвижения нераспространенческой проблематики были вполне определенные люди, в их действиях реализовывались объективные обстоятельства: «новый вызов» реально существовал и требовал адекватной реакции. МИД и Совет Безопасности РФ буквально заваливали запросами разведку, где до той поры проблемой в комплексе и особенно в ее внешнеполитическом измерении никто не занимался.

Разведка к этому времени уже вышла из состава КГБ и стала самостоятельной государственной структурой.

В итоге в начале 90-х годов в СВР четко оформилось направление деятельности, связанное с нераспространением ОМУ.

Анализировалась поступающая информация, накапливались базы данных, рос коллектив экспертов. Вот тут-то и родилась идея открытого доклада СВР по актуальным проблемам ОМУ. Следует отметить, что опыта подготовки подобных докладов у СВР не было. Однако с первых же шагов возникли трудности, связанные с новизной такого подхода в российских условиях и подчас выглядевшие неразрешимыми. В их числе отбор материалов и фактов, которые можно было бы обобщить и использовать в докладе с обязательным соблюдением главного требования – не допустить утечки секретных сведений и даже намека на их источник, поиск формы изложения, определения критериев, системы классификации и т.д. и т.п. Кроме того, публичный доклад разведки – шаг политико-дипломатический, что должно было найти отражение и в тексте, и в форме изложения.

Проблема распространения ОМУ как тема первого открытого доклада СВР возникла не сразу, но когда дошли до нее, а родилась она в процессе множества обсуждений, в том числе с руководителями разведки, и сейчас трудно с уверенностью сказать, кто именно предложил эту тему, сомнений уже не было. Идея была полностью поддержана, доклад стал в полной мере докладом Службы, его подготовка и выпуск проводились под руководством ее директора Е.М. Примакова.

В этой работе были реализованы не только полученные к тому времени сведения и результаты анализа, но и серьезные методологические идеи, новые на то время подходы к проблеме.

В нем содержались две принципиально новые идеи. Первая и главная – определение критериев отнесения стран к категориям, требующим внимания разведки. Фактически это стало методологической основой альтернативы делению стран на «дружественные» и «недружественные», до сих пор исповедуемому Западом. Введение понятий «пороговые»[5] и «околопороговые»[6] страны, исключавшее политический угол зрения, четко определило направление и степень внимания к ним со стороны разведки. «Пороговые» страны рассматривались как интересные сами по себе. Представлялось, что для оценки уровня их продвинутости по пути к обладанию ОМУ достаточно определить состояние соответствующих программ в самой стране. Напротив, в отношении «околопороговых» государств надо было в первую очередь контролировать их внешние связи и, используя существующие международные механизмы, которые к этому времени уже были достаточными, пресекать получение ими недостающих знаний, технологий, оборудования или материалов из-за рубежа. Важно, что такой подход оказался полностью индифферентным к политическому положению как внутри страны, так и на международной арене. Страны и, соответственно, исходящие от них угрозы рассматривались сами по себе, вне блоковых и региональных стратегий. Следствием указанной схемы стали широко используемые в дальнейшем, вплоть до наших дней, понятия вертикального и горизонтального распространения – созда-

ния новых видов или типов ОМУ за счет собственных возможностей, развития или повышения собственного потенциала или за счет приобретения оружия, его элементов, знаний, технологий, оборудования или материалов от другой страны.

Вторым важным достижением доклада, но уже с точки зрения методики работы, стала разработка в нем систем признаков существования в стране программ создания конкретных видов ОМУ и ракетных средств доставки и нахождения страны на том или ином этапе реализации таких программ. Причем эти признаки были сгруппированы в иерархические структуры, что делало их понятными и естественными даже для неспециалиста. Помимо облегчения понимания подхода к оценке информации о степени продвинутости страны на пути к обладанию ОМУ разработанные системы имеют и чисто практическое значение: они реально могут быть положены в основу базы знаний систем мониторинга программ создания ОМУ конкретных стран. Фактически это макеты экспертных систем в ядерной, химической, биологической и ракетной областях.

Кроме указанных научно-практических результатов доклад содержал серьезный анализ катализаторов процесса распространения, а также существующих международных механизмов, формально декларирующих своей целью противодействие этому процессу. Некоторым идеологам ПостКОКОМа[7] и других подобных международных новаций было, вероятно, небезынтересно увидеть, что весь наводимый ими вокруг подобных организаций идеологический туман был на самом деле для СВР абсолютно и изначально прозрачен.

С особым интересом, судя по поступавшим оценкам из-за рубежа, был воспринят раздел, данный в приложении и по объему занимавший немногим менее половины объема доклада. В нем были приведены объективные на тот момент результаты анализа потенциала ОМУ и ракетных средств его доставки 16 стран, относимых СВР к категориям «пороговых» и «околопороговых». Естественно, в их число не включались государства, официально обладающие всеми видами ОМУ.

Доклад вызвал неподдельный интерес у различных ведомств России, спецорганов других стран, в дипломатическом и журналистском корпусе.

По имеющимся сведениям, в зарубежных спецслужбах отметили высокий профессиональный уровень и содержательность доклада СВР. Кроме того, подчеркивалось, что доклад СВР позволил им внести коррективы в свои базы данных по проблемам ОМУ и в дальнейшем строить работу с учетом критериев нашего доклада. Они также указывали на проявленную Службой смелость, с которой она «вторглась» в столь чувствительную область и четко выразила свое отношение к поднятой теме.

Но жизнь не остановилась, и вслед за этим докладом были подготовлены еще три, не столь, может быть, фундаментальных, но по очень

важным вопросам: бессрочная пролонгация Договора о нераспространении ядерного оружия, перспективы запрещения химического оружия и проблема уничтожения противопехотных мин. Они стали первыми документами на сайте СВР в Интернете и до сих пор остаются на нем, не теряя востребованности со стороны посетителей сайта.

---

[1] В соответствии с Декларацией страны-участницы (большинство государств Европы) взяли на себя обязательство не применять в военных действиях разрывные и зажигательные пули.

[2] Действовавший в Африке нелегальный торговец оружием Виктор Бут был внесен в списки Интерпола как российский гражданин, хотя до 1990 года, когда покинул СССР, он жил в Латвии, а его брат проживал и имел транспортную фирму в Казахстане. При этом об отсутствии у него российского гражданства даже не упоминалось.

[3] В отношении ОМУ надо четко различать оружие как систему (собственно средство воздействия – ядерное взрывное устройство, боевое химическое отравляющее вещество или биологический агент – возбудитель заболевания, или иначе токсин, – в совокупности со специализированным средством доставки, обеспечивающим гарантированный подрыв боеприпаса в требуемом месте и в требуемое время) от веществ, которые для этих целей используются. Последние, естественно, как оружие не рассматриваются. Поэтому обладание расщепляющимися веществами, и притом фосгеном, цианидами и т.п. веществами, как и культурами возбудителей чумы, сибирской язвы, разного рода лихорадок и т.д., не есть и не может рассматриваться как обладание ОМУ.

[4] Кроме уже упоминавшегося КОКОМ и пришедших ему на смену, но с участием России и более к ней лояльных Вассенаарских договоренностей (по месту учреждения – г. Вассенаар, Нидерланды) существовали и действуют поныне около десятка международных организаций и режимов, обеспечивающих международный контроль экспорта в различных областях: химии (Организация по запрещению химического оружия), биологии (Австралийская группа), ядерной сфере (Организация ядерных поставщиков, Комитет Цангера) и др.

[5] Принявшие политическое решение о создании ОМУ, имеющие продвинутые научно-исследовательские программы в этой области и обладающие достаточным научно-техническим потенциалом для его разработки и производства собственными силами.

[6] Принявшие политическое решение о создании ОМУ, приступившие к его реализации, но чей научно-технический потенциал не позволяет завершить разработку и начать производство без использования иностранной помощи.

[7] Временная организация, сменившая КОКОМ, существовала в 1994–1996 гг. и имела фактически ту же направленность – ограничить передачу в Россию высоких технологий и произведенной с их использованием продукции.

4

Атомные сценарии НАТО на столе разведки

С момента появления у США атомного оружия многократно возросла опасность применения качественно новых средств массового уничтожения. Тот факт, что президент Трумэн решился отдать приказ о применении первых же их образцов против японских городов, когда исход войны с Японией оказался предрешен, был в Москве понят как грозное предупреждение прежде всего СССР, бывшему союзнику по антигитлеровской коалиции. Отныне у обладателя нового вида оружия возникло искушение покончить одним ударом со своим потенциальным соперником. Это в корне меняло соотношение сил, стратегию и тактику возможной войны, ставя на грань уничтожения важнейшие жизненные центры страны, ее физическое выживание.

Появление с 1949 года аналога такого оружия у СССР первоначально, в момент, когда его производство было незначительным, даже усиливало соблазн нанести первыми решающий удар. Лишь по мере обретения Советским Союзом баллистических средств его доставки и выработки минимально необходимого запаса средств сдерживания риск внезапного развязывания атомной войны сократился. Но, как показывали материалы, добытые внешней разведкой в США, опасения получить в ответ удар с нанесением «недопустимого ущерба» или угроза «атомной зимы» и другие соображения не останавливали стратегов ядерного удара в разработке форм его применения. Речь шла лишь о том, чтобы на каждом данном этапе видоизменять формы и методы его нанесения, сделать это крайнее средство поражения практически применимым.

Об этом убедительно свидетельствовало содержание последовательно добытых советской разведкой американских планов атомной войны, которые становились предметом тщательного изучения в Москве.

Первый такой план под кодовым названием «Тоталити» предусматривал нанесение внезапных атомных ударов с использованием

20 бомб по 17 городам, включая Москву, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов. План был разработан уже через четыре месяца после Потсдамской конференции, на которой главы СССР, США и Великобритании договорились установить «прочный мир на Земле». В июле 1946 года была завершена разработка второго американского плана «Пинчер» («Клещи»), в котором намечалась атомная бомбардировка 50 советских городов и вторжение на советскую территорию через Польшу, Балканы и Средний Восток. Очередной план «Сиззл» («Испепеляющий удар») расширял зону атомных атак до 70 городов, включая Москву (8 бомб) и Ленинград (7 бомб).

Но наиболее широкомасштабным в политическом и оперативном отношениях был план атомной войны против СССР «Дропшот» («Моментальный удар»), подготовленный Комитетом начальников штабов (КНШ) ВС США к началу 1956 года. Этим планом предусматривались ни много ни мало ликвидация Советского Союза как государства и оккупация его территории силами 160 дивизий США и их союзников. Следует отметить, что план «Дропшот» постоянно уточнялся, в частности намечалось даже уменьшение количества атомных ударов, «всего» 220 бомб вместо 300 в первоначальном варианте плана. Кроме того, по подсчетам Пентагона, к середине 1950-х гг. СССР мог иметь достаточное количество атомных бомб, чтобы нанести «ощутимый ответный удар по США». Исходя из этого, КНШ ВС США определил так называемый «день А», которым обозначалась **последняя благоприятная для США возможность безнаказанного нанесения атомных ударов по Советскому Союзу**.

После испытания в СССР межконтинентальных баллистических ракет идея превентивного использования атомного оружия заметно изменилась. В США начались разработки новых видов боевых атомных средств: от термоядерного оружия (водородные бомбы), мощность которого исчисляется в мегатоннах, до тактических атомных средств («ядерные фугасы») мощностью от одной килотонны и ниже, предназначенных для уничтожения стратегических объектов в тылу противника.

В декабре 1960 года вступил в силу первый общий план ядерной войны против СССР – «Единый комплексный оперативный план» («Single Integrated Operation Plan, SIOP» – СИОП), разработанный Комитетом начальников штабов ВС США. СИОП представлял собой основной документ ядерного планирования в США, предусматривающий ведение ядерной войны против СССР и КНР. Этот план периодически изменялся и уточнялся, причем количество целей и объектов, подлежащих уничтожению атомными бомбами («ядерные цели»), постоянно возрастало. Так, в СИОП-1 намечалось нанесение ядерных ударов по территории СССР и Китая с применением 3,5 тысячи атомных боеприпасов общей мощностью 780 мегатонн (!). В результате этих ударов в Советском Союзе и КНР могло быть уничтожено около 280 млн человек. В плане СИОП-2 (1961 г.) считыва-

лось уже 6 тысяч «ядерных целей». В СИОП-4 (1971 г.) – 16 тысяч, в СИОП-5 – до 25 тысяч.

Отработка планов СИОП и проверка ядерного планирования в целом осуществлялись путем проведения стратегических командно-штабных учений (КШУ). Основные цели и задачи этих учений включали: проверку и повышение эффективности органов управления ВС, усвоение командным составом теории и практической организации и ведения различных видов боевых действий, особенно в сложных условиях оперативной обстановки, обучение принципам применения атомного оружия. При необходимости для участия в КШУ могли привлекаться части, соединения и объединения отдельных видов и родов войск. По масштабам КШУ были стратегическими, оперативными и тактическими, а по организации – односторонними и двусторонними, одностепенными, двухстепенными (например, дивизия – корпус) и трехстепенными (дивизия – корпус – армия). Подготовка и проведение КШУ осуществляются под руководством командиров соединений или командующих оперативными объединениями (армия, группа армий).

Стратегические командно-штабные учения, как правило, являются не только наиболее важными элементами оперативной подготовки в национальном и коалиционном масштабах, но и проверкой всей системы, принципов и направлений в области военного строительства государства. При освещении стратегических КШУ необходимо отметить, что в послевоенное время, особенно после образования в 1949 году Североатлантического союза, в Соединенных Штатах Америки и НАТО было проведено множество войсковых и командно-штабных учений. Количество этих учений исчисляется сотнями, если не больше. Вот почему в этом очерке рассматриваются только стратегические командно-штабные учения США и НАТО.

Стратегические командно-штабные учения США проводились в общегосударственном (национальном) масштабе с привлечением частей и соединений различных видов ВС и родов войск, включая стратегические ядерные силы (межконтинентальные баллистические ракеты, стратегическая авиация и атомные ракетные подводные лодки). Оперативное руководство учениями осуществлялось Комитетом начальников штабов ВС США. Кроме того, за ходом учений обычно наблюдали глава государства и высокопоставленные члены его администрации, которые таким образом пытались как-то ознакомиться с основами военного искусства по подготовке и ведению обычной и особенно ядерной войны.

Командно-штабные учения НАТО обычно проводились как в масштабах театров военных действий (ТВД) (Североевропейский, Центральноевропейский и Южноевропейский), так и в масштабе всего Европейского театра войны. Однако учения на ТВД имели региональное значение, поскольку в ходе их отрабатывались частные

задачи. Так, в пределах **Североевропейского ТВД** (на учениях типа «Стронг экспресс») отрабатывалось взаимодействие между соединениями и командованиями Объединенных вооруженных сил (ОВС) НАТО в начальный период военных действий (без применения ядерного оружия). На **Центральноевропейском ТВД** проводились КШУ типа «Сэнд Мартин» для отработки допросов по переводу войск с мирного на военное положение и проверки действий штабов после принятия решения о применении ядерного оружия. В ходе учений класса «Дип Фарроу», проводимых на **Южноевропейском ТВД**, изучались возможности ведения ограниченных операций на Балканах и в зоне Черноморских проливов в условиях обычных боевых действий.

Но основным стратегическим командно-штабным учением НАТО считалось учение типа «Винтекс», общая цель которого заключалась «в сдерживании объединенных вооруженных сил вероятного противника» (Организация Варшавского договора) на Европейском театре войны, где, по мнению военно-политического руководства НАТО, противник располагал значительным превосходством не только в силах и средствах, но и по эффективности управления боевыми действиями. Важнейшая особенность КШУ «Винтекс» заключалась, как это видно из сценария учения, в том, что оборонительные («сдерживающие») действия Объединенных вооруженных сил НАТО могут быть успешными только при использовании тактического, а при необходимости и стратегического ядерного оружия.

Обратимся теперь к конкретному изложению наиболее показательных по целям и масштабам стратегических командно-штабных учений, проведенных в 1970–1980 гг. в США («Айви лиг», «Глоубл шилд») и в НАТО («Винтекс»). Описание этих учений было сделано на основе разведывательных документальных материалов, которые своевременно поступали в Центр из ряда резидентур. Таким образом, внешняя разведка четко выполняла свои функции в этом важнейшем деле – обеспечении национальной безопасности Отечества.

Отслеживание этих учений позволяло определять характер изменений и содержания политических и стратегических концепций, а это, в свою очередь, позволяло корректировать и представления о том, какую позицию США могли занимать по проблемам переговоров о разоружении, что именно стояло за тем или иным новшеством, которое они предлагали партнеру по переговорам.

Стратегическое командно-штабное учение «Айви лиг»

«Айви лиг» («Ivy League» – «Лига плюща») – крупнейшее командно-штабное учение США, которое проводилось в марте 1982 года с главной целью: проверить реальность планов подготовки и ведения ядерной войны, выжить в условиях ядерного воздействия вероятного противника и «даже одержать победу» (!).

В учении принимали участие высокопоставленные члены администрации президента, Комитет начальников штабов, штабы видов ВС, основных и специальных командований ВС США, органы управления Стратегических ядерных сил (СЯС), Федеральное управление по действиям в чрезвычайной обстановке (ФЕМА), Федеральная система связи, а также ряд других министерств, ведавших материально-техническим обеспечением объектов военной и гражданской инфраструктуры. Общее количество участников учения составляло более тысячи человек. Оперативное руководство учением осуществлял председатель Комитета начальников штабов ВС США. С учетом того, что КШУ «Айви лиг» проводилось в общенациональном масштабе, то в сценарии участия предусматривалось политическое руководство учением главой государства, который, как известно, является Верховным главнокомандующим ВС США. Однако в ходе учения роль президента выполнял бывший государственный секретарь Роджерс, а вице-президента – бывший директор ЦРУ Хелмс, которые по своим прежним должностям были в определенной мере компетентны в вопросах ядерной стратегии США. Что же касается президента Р. Рейгана, то он лично следил за ходом учения.

Характерная особенность учения «Айви лиг» (что отмечалось в планирующих документах) заключалась в том, что впервые в США на уровне высшего военно-политического руководства отрабатывались конкретные вопросы, касающиеся использования ядерного оружия: кто, когда, в какой обстановке принимает решение и отдает приказ на применение тактических и стратегических ядерных средств по целям и объектам, расположенным на территории СССР и других стран Организации Варшавского договора и даже на территории нейтральных и лояльных в отношении США государств, если, конечно, эти цели и объекты фигурировали в Едином комплексном оперативном плане СИОП.

Сценарий командно-штабного учения «Айви лиг-82» был составлен на основе одного из вариантов плана СИОП. Содержание сценария сводилось к следующему. На Дальневосточном театре войны возникает вооруженный конфликт между КНДР и Корейской Республикой (КР). Правительство США незамедлительно принимает решение о поддержке КР силами группировки американских войск, находившейся в Южной Корее и Японии. Одновременно США приводят в полную боевую готовность ряд командований и объединений на других театрах войны и прежде всего в Европе, в результате чего возникает военный конфликт между НАТО и Организацией Варшавского договора (ОВД), причем, по замыслу авторов сценария учения, наступающей стороной являются Объединенные вооруженные силы ОВД. В создавшейся ситуации президент США принимает решение об ограниченном использовании ядерного оружия против наступающих войск ОВД и нанесении ядерных ударов по стратегическим объ-

ектам на территории Советского Союза и других стран – союзников СССР. Дальнейшее развитие военных действий на Европейском театре войны, согласно последовательному объявлению вводных, фигурирующих в сценарии учения, перерастает в ядерную войну с применением всего арсенала американских ядерных средств. При этом важно подчеркнуть, что к тому времени этот арсенал, созданный на основе «атомного изобилия», достигнутого в США еще к концу 1950-х гг., позволял «использовать» (по сценарию учения) свыше 10 тысяч единиц ядерных боеприпасов мощностью от 50 килотонн до 1–2 мегатонн.

При анализе учения «Айви лиг-82» необходимо подчеркнуть, что в его динамике весьма подробно отрабатывался весь комплекс действий президента, правительства, аппарата Комитета начальников штабов, штабов задействованных командований, объединений и соединений ВС США. При этом особое внимание уделялось вопросам организации эвакуации из Вашингтона (до начала применения ядерного оружия) членов правительства в защищенные в противоатомном отношении пункты управления. Отрабатывался также порядок передачи верховной власти (на случай гибели или выхода из строя главы государства), которая (согласно сценарию учения) переходила к вице-президенту, находившемуся на воздушном командном пункте (ВКП) Комитета начальников штабов, откуда ему надлежало управлять государством в период всеобщей и продолжительной ядерной войны. В связи с этим следует отметить, что в администрации президента Рейгана серьезно рассматривалась концепция «длительной ядерной войны» (protracted nuclear war), которая в то время, по мнению американских военных экспертов, могла бы вестись в течение от двух до шести месяцев. Возможность ведения продолжительной ядерной войны, как полагали американские эксперты, зависит от таких факторов, как восстановительные способности ВС, высокая живучесть ядерных сил, наличие защищенных в противоатомном отношении пунктов управления и укрытий, органов материально-технического снабжения ВС и жизнеобеспечения.

В целом, судя по высказываниям высших военных должностных лиц США, длительная ядерная война считалась вполне возможной. Так, министр обороны Уайнбергер в 1982 году в своем докладе о военных проблемах США подчеркнул необходимость создания стратегических ядерных сил, «обладающих устойчивой живучестью даже в самых сложных условиях длительной ядерной войны». Концепция «длительной ядерной войны» оказала серьезное влияние на разработку в США новых принципов ядерного планирования вообще и конкретного применения ядерных средств стратегического назначения в частности. Таким образом, можно полагать, что концепция «длительной ядерной войны» впервые была официально «опробована» в процессе стратегического командно-штабного учения «Айви лиг-82» и, видимо, в этом заключается главная особенность этого учения.

Для завершения характеристики КШУ «Айви лиг-82» можно привести политическую оценку этого учения, сделанную в ФРГ независимыми экспертами. «Игра с ядерной смертью, – указывается в этой оценке, – является исторически поворотным пунктом. Дело в том, что после мартовского учения 1982 года стало предельно ясно: для Рейгана и его администрации начало ядерной войны не становится автоматически началом конца. По их мнению, даже такую войну можно вести ограниченно и, возможно, даже выиграть. Признанием этой посылки администрация Рейгана полностью отмежевалась от основных принципов, которых придерживались ее предшественники». К этой оценке можно бы добавить, что такая оценка была сделана именно в Германии, которая считалась надежным союзником Соединенных Штатов Америки.

Стратегическое командно-штабное учение «Глоубл шилд»

«Глоубл шилд» («Global Shield» – «Глобальный щит») – учение Стратегического авиационного командования (САК) занимает особое место в боевой и оперативной подготовке вооруженных сил США. САК было создано в марте 1946 года в качестве отдельного вида ВС, которому были определены следующие основные задачи: глубокая воздушная разведка континентальных и океанских ТВД; подготовка и ведение наступательных операций самостоятельно или во взаимодействии с сухопутными войсками и ВМС; нанесение ядерных ударов по стратегически важным объектам на территории вероятного противника. Выполнение этих задач возлагалось на части и соединения стратегической авиации, на вооружении которых вначале были тяжелые бомбардировщики (ТБ) В-29, а в последующем B-52G и B-52H. Зоны проведения учений охватывали Северную Америку, Арктику, Западную Европу, районы Атлантического и Тихого океанов. Впервые учение «Глоубл шилд» было проведено в июле 1979 года, затем учения этого типа проводились ежегодно.

Учение «Глоубл шилд» носит комплексный характер, именно это является его главной особенностью. В самом деле, с одной стороны, это командно-штабное учение, поскольку в его планирующих документах превалирует отработка вопросов проверочного, оценочного, в целом гипотетического характера, то есть вопросов, реализация которых представляется возможной только в результате всестороннего и детального анализа, что считалось важнейшей задачей штаба САК. С другой стороны, «Глоубл шилд» можно рассматривать (хотя и в меньшей степени) войсковым учением, о чем свидетельствуют фигурирующие в сценарии учения задачи, реально выполняемые частями и соединениями САК, а также привлекаемыми на учение соединениями ВВС и ВМС.

К концу 1980-х гг. в структуре Стратегического авиационного командования произошли существенные изменения. К этому времени САК уже объединяло два компонента стратегических ядерных сил: 1) межконтинентальные баллистические ракеты (МБР); 2) стратегическую бомбардировочную и разведывательную авиацию. Кроме того, в состав САК были переданы самолеты резервной системы управления вооруженными силами США – воздушные командные пункты (ВКП). В то время в составе САК уже имелось около 1000 МБР MX и «Минитмэн», свыше 400 тяжелых (B-520, B-52H, B–1B) и средних (ГВ–111) бомбардировщиков, около 70 разведывательных самолетов (11-2, 5Р-71А) и более 40 самолетов ВКП. В общем, из всей триады Стратегических ядерных сил США доля САК составляла около 70% носителей и 55% ядерных боезарядов. Что же касается изменений задач САК, то в этом отношении наиболее показательным было учение «Глоубл шилд», проведенное в 1989 году, в котором, как видно из его сценария, отрабатывались следующие вопросы: проверка готовности органов управления в частях и соединениях САК; организация взаимодействия внутри САК, а также координация действий САК с командованиями и соединениями ВВС и ВМС; проверка боеготовности на уровне подразделений и частей САК; действия штабов соединений САК (после получения приказа Верховного главнокомандующего ВС США на применение ядерного оружия) по организации ядерных ударов (условных) межконтинентальными баллистическими ракетами и тяжелыми бомбардировщиками по ВС и стратегическим объектам на территории вероятного противника.

При анализе планирующих документов, подготовленных для учений типа «Глоубл шилд», обращают на себя внимание особенности их сценариев. Прежде всего следует отметить, что эти сценарии, как правило, не увязывались с реальной геостратегической ситуацией, сложившейся к началу учений. Обычно в этих сценариях предусматривались: резкое усиление международной напряженности; возникновение кризисной ситуации в одном или в двух регионах мира; вооруженный конфликт, постепенно перерастающий в обычные крупномасштабные боевые действия.

В динамике учений «Глоубл шилд» особо следует отметить такие эпизоды, как реальные пуски МБР (без ядерных боеголовок), условные пуски баллистических ракет с атомных подводных лодок, а также практические бомбометания на полигонах с предварительным преодолением зоны ПВО «противника». Кроме того, тяжелые бомбардировщики из состава САК имитировали налеты авиации «противника» на территорию Северной Америки. Для «отражения» этих налетов были «задействованы» средства ПВО Объединенного командования воздушно-космической обороны Североамериканского континента (НОРАД). И еще. В ходе учений «Глоубл шилд» тяжелые бомбардировщики из состава 43 авиакрыла, базирующегося на остро-

ве Гуам, демонстрировали выполнение договорных американских обязательств по «совместной обороне» с Японией и Южной Кореей.

На заключительном этапе учений «Глоубл шилд» обычно проводились тренировки с целью проверки усвоения командным составом САК следующих вопросов: особенности обращения с ядерными средствами; выполнение специальных мер по обеспечению «ядерной безопасности»; восстановление боеспособности самолетов; ликвидация последствий ядерных ударов «противника»; обеспечение надежности систем связи.

Судя по параметрам данного учения (цель, замысел, используемые силы и средства, глобальный размах, взаимодействие основного исполнителя – САК – с другими видами ВС США, а главное, решимость применения ядерного оружия, с учетом «хиросимского опыта»), это учение имело ярко выраженный наступательный характер.

Важно обратить внимание на тот факт, что в 1985 году в совместном советско-американском заявлении было сказано, что «ядерная война» никогда не должна быть развязана, в ней «не может быть победителей», причем США и СССР обязались не стремиться к достижению военного превосходства и подчеркнули важность предотвращения любой войны между США и Советским Союзом.

Стратегическое командно-штабное учение НАТО «Винтекс»

Стратегическое командно-штабное учение «Винтекс» («Wintex» – «Зимнее учение») было и, видимо, остается главным стратегическим командно-штабным учением Североатлантического союза, высшей формой оперативной подготовки Объединенных вооруженных сил (ОВС) НАТО. Впервые КШУ «Винтекс» состоялось в 1971 году. Затем учения этого типа стали проводиться один раз в два года (по нечетным годам) в пределах «зоны ответственности» НАТО, которая, как известно, охватывает территорию стран – участниц этого блока и акватории северной части Атлантического океана к северу от тропика Рака и Средиземного моря.

Как отмечалось в натовских планирующих документах, основные цели и задачи учений «Винтекс» включали: проверку эффективности системы управления Объединенными вооруженными силами НАТО; отработку схемы перевода ВС с мирного на военное положение; развертывание частей и соединений ОВС блока в назначенных им районах; переброску резервных войск из США на Европейский театр войны; подготовку и ведение обычных боевых действий и перерастание их в операции с применением вначале тактических, а затем (при необходимости) стратегических ядерных средств.

В учениях «Винтекс» обычно принимали участие командования и штабы ОВС НАТО в Европе, на Атлантике и в зоне пролива Ла-Манш

(штабы объединенных тактических командований, армий, корпусов и дивизий). Кроме того, в процессе подготовки и динамики учений участвовали представители министерств обороны, генеральных штабов и отдельные гражданские ведомства государств – членов НАТО, обеспечивающие материально-техническое снабжение вооруженных сил.

Началу учений «Винтекс» предшествовала тщательная подготовка, продолжительность которой составляла от полутора до двух лет. В процессе этой подготовки разрабатывался комплекс планирующих документов: общий сценарий, оперативные приказы, боевые распоряжения, перечень вводных, указания по тыловому обеспечению ОВС НАТО. При этом следует отметить, что военно-политическое руководство блока уделяло первостепенное внимание общему сценарию учения, особенно его главному элементу – исходной стратегической ситуации, сложившейся в мире к началу учения. В основу этой ситуации обычно закладывалось реальное соотношение сил между НАТО и Организацией Варшавского договора, а также американские и натовские концепции о возможном характере будущей войны. Исходя из этих концепций и соотношения сил на Европейском театре войны, штаб ОВС НАТО моделировал условия возникновения военного конфликта, его динамику и вероятный исход.

Особо важно подчеркнуть, что оперативные аспекты учений «Винтекс» проигрывались на основе коалиционной стратегии, действующей к началу учения. Так, для учения «Винтекс-75» приказы, боевые распоряжения и перечень вводных были разработаны на основе стратегии «гибкого реагирования», согласно которой предусматривалось «дозированное» использование ВС (включая ядерные средства) соразмерно с масштабом опасности, возникающей на отдельных ТВД или на всем Европейском театре войны. Практически в ходе учений отрабатывались варианты возникновения обычного ограниченного по масштабам военного конфликта с последующим его перерастанием в ядерную войну. В этом отношении характерным было учение «Винтекс», проводившееся в марте 1975 года. До начала этого учения в течение 8–10 дней велись конкретные подготовительные мероприятия, заключавшиеся главным образом в проверке в ОВС НАТО систем связи и тревог. Собственно учение (динамика) включало два этапа: 1) завершение перевода ОВС блока с мирного на военное положение и отработка вопросов по подготовке и ведению обычных операций («conventional conflict»); 2) перерастание обычных боевых действий в операции с «применением» сначала тактических, а затем стратегических ядерных средств. Причина подобной эскалации, судя по содержанию сценария учения, заключалась в исчерпании оборонительных возможностей ОВС НАТО в условиях обычных боевых действий. Иными словами, согласно общему замыслу учения «Винтекс-75». Объединенные вооруженные силы блока могли сдерживать наступление вооруженных сил ОВД в течение не более двух недель.

При рассмотрении планирующих документов по учениям типа «Винтекс» следует подчеркнуть, что в них нашли отражение такие важные понятия в области ядерного планирования, как «ядерный порог», система «двойного ключа», система «48-часовой готовности ядерных средств». Сущность этих понятий сводится к следующему.

«Ядерный порог» означает момент перехода к первоначальному применению ядерного оружия в ходе обычной войны. «Ядерный порог» определяется (во времени и в пространстве) резким изменением соотношения сил противоборствующих сторон в общей обстановке, сложившейся на театре войны. **По времени** ядерный порог (ЯП) исчисляется с момента начала обычных боевых действий до момента первоначального применения ядерного оружия. Чем больше времени пройдет от начала обычных военных действий до первого ядерного взрыва на театре войны, тем ВЫШЕ будет «ядерный порог», и, наоборот, чем меньше будет этот промежуток времени, тем НИЖЕ «ядерный порог». Таким образом, «высота» ЯП зависит от продолжительности времени между началом обычной войны и первым ядерным ударом. **В пространстве** ЯП определяется теми критическими рубежами, на которые вышли наступающие войска противника (по сценариям КШУ типа «Винтекс» имеются в виду ВС ОВД), причем развитие наступления означало бы разгром, катастрофическую ситуацию для ОВС НАТО, оборонявших эти рубежи.

Система «двойного ключа», действующая в НАТО со времени размещения ядерного оружия на Европейском театре войны, представляет собой принцип принятия членами альянса решения, согласно которому ядерное оружие может применяться только при согласии: 1) страны – владельца ядерного оружия; 2) страны, на территории которой размещены ядерные средства и их носители.

Система «48-часовой готовности ядерных средств» означает готовность ядерных сил на театре войны к применению не позднее, чем через 48 часов после начала обычных военных действий.

В общей оценке командно-штабных учений типа «Винтекс» следует особо отметить различие в достижении их оперативных и политических целей. Судя по содержанию основных планирующих документов, оперативные цели и задачи учений, как правило, отрабатывались почти в полном объеме. Что же касается политических аспектов этих учений, особенно решения таких проблем, как участие в КШУ всех (без исключения!) членов блока, то здесь военно-политическое руководство НАТО сталкивалось с серьезными, порой непреодолимыми затруднениями. Так, член НАТО Греция категорически отказалась участвовать в КШУ «Винтекс-75», несмотря на настойчивые приглашения со стороны Верховного главнокомандующего ОВС НАТО в Европе. Причина этого отказа заключалась в том, что в то время в Греции усиливалась кампания с целью выхода страны из военной организации блока (возможно, по примеру Франции, которая, как из-

вестно, в 1966 году вышла из военной структуры НАТО и добилась вывода из Парижа руководящих органов Североатлантического союза). Турция, также являясь членом НАТО, отказалась принимать участие в этом КШУ, несмотря на визит в Анкару Верховного главнокомандующего ОВС НАТО в Европе американского генерала Хейга. Причина турецкого уклонения носила меркантильный характер – недовольство Турции прекращением американской экономической помощи и осложнения в связи с этим внутриполитической обстановки в стране. Так что вследствие уклонения Греции и Турции от участия в КШУ «Винтекс-75» военному руководству блока пришлось бы срочно вносить в сценарий учения изменения, касающиеся оперативной обстановки на Южноевропейском ТВД, в зоне ответственности которого должны были действовать греческие и турецкие вооруженные силы.

Таким образом, главное значение командно-штабных учений типа «Винтекс» заключалось в том, что военно-политическое руководство Североатлантического союза (в котором главная, определяющая роль принадлежит Соединенным Штатам Америки) уделяло и, судя по всему, продолжает уделять основное внимание вопросам подготовки войны с использованием ядерного оружия, которое со времен Хиросимы согласно стратегии США и НАТО продолжает оставаться не столько сдерживающим фактором, сколько наиболее эффективным боевым средством.

Отслеживание атомных сценариев США и НАТО и их отработки в ходе учений в непосредственной близости от границ нашей страны позволило убедиться в том, что вопреки обычно декларируемой оборонительной версии учений и маневров они исходят из практического применения ядерного оружия после преодоления «ядерного порога», то есть срока с начала возникновения конфликта до использования в той или иной форме этого вида оружия массового уничтожения.

Причем уровень «ядерного порога» снижается, чтобы позволить максимально быстро и эффективно подавить сопротивление «противника» или уничтожить его. Несколько закамуфлировав эти цели, приписывая в ходе учений агрессивные намерения другой стороне, руководители НАТО и США, несмотря на провозглашенные «партнерские отношения» с нынешней Россией, усиливают ранее намеченные ими цели ликвидации Советского Союза как государства, перенося эти цели уже на наше современное государство – Российскую Федерацию. Тем самым сохраняется в несколько завуалированном виде антироссийская направленность военных приготовлений с использованием военного потенциала бывших стран – членов Организации Варшавского договора, ныне присоединившихся к НАТО.

Следует также отметить, что в очередном плане СИОП, утвержденном в 1999 году, фигурируют три тысячи целей и объектов, подле-

жащих уничтожению ядерным оружием («ядерные цели»), 2260 из них, как показали данные, добытые внешней разведкой, находятся на территории России. Они подразделены на четыре категории: ядерные объекты – 1100, органы политического и военного управления – 160, группировки обычных ВС – 500, предприятия военно-промышленного комплекса – 500. Остальные ядерные цели в плане СИОП распределены между Китаем и рядом других стран – Иран, Ирак (план верстался до начала нападения на эту страну), Северная Корея и другие.

Как показали практические действия по нападению на Югославию и Ирак, США и их ближайшие союзники соблюдают в основном отработанные сценарии, в частности факторы внезапности, массированного поражения военных и гражданских объектов. Все эти операции проводятся под непосредственным руководством американских командующих по схемам «монополярного мира», где за США сохранены главные командные позиции.

Другой вывод, вытекающий из анализа добытых внешней разведкой сведений, – усиление намерений США применить нечто подобное известной концепции «евростратегической войны», используя для этого расширение «зоны ответственности» НАТО на Восток. Иными словами, речь идет о создании военных баз на территории новых членов альянса, в результате чего резко возрастет мобильная досягаемость ВВС блока, что окажется весьма серьезной угрозой для России на Западе. Кроме того, уже имеющиеся базы американских ВВС в Афганистане, в среднеазиатских (бывших республиках СССР) странах являются непосредственной опасностью для России с Юга.

На столе внешней разведки оказался и ряд разработок, подобных рассмотренным выше сценариям стратегических КШУ. В этих разработках фигурируют варианты ударов с применением 30 тысяч крылатых ракет мобильного базирования, которые находятся в Афганистане, в среднеазиатских странах, а затем появятся в Прибалтике и Польше.

Следует также отметить состояние Стратегических ядерных сил России, особенно приближение ряда основных ракет (из состава РВСН) к их предельному техническому ресурсу, а также тот факт, что значительная часть из них была уничтожена по Договору СНВ-2. Обращают на себя внимание такие прогнозирующие разработки, как американский программный документ «Единая перспектива 2010», а также «Доклад о глобальных тенденциях мирового развития до 2015 года», подготовленный в конце 2000 года группой американских экспертов из разведывательных служб США (ЦРУ, Бюро анализа и исследований госдепартамента). В этом докладе рассматриваются пессимистические перспективы существования России и дается тревожная оценка растущей военной мощи Китая.

Практическими действиями США, как следствие этих прогнозирующих разработок, были: выход Соединенных Штатов Америки из Договора ПРО-72 (13 июня 2002 г.), который был краеугольным камнем обеспечения геостратегической стабильности, продвижение военной инфраструктуры НАТО на восток и, конечно же, создание в США дорогостоящей Национальной противоракетной обороны. Все это свидетельствует о намерении США сломать достигнутые договоренности, добиться односторонних преимуществ и права применять новые виды оружия.

5

Тревоги и надежды Ташкентского форума

(из воспоминаний ветерана разведки)

Глубокой ночью 11 января 1966 года в номере представителей советской разведки в гостинице «Ташкент» раздался тревожный телефонный звонок. Звонили из аппарата премьера Косыгина.

– Только что стало известно о внезапной кончине премьер-министра Индии Лала Бахадура Шастри. Помогите срочно организовать доставку индийской делегации в аэропорт для перелета в Индию с соблюдением всех дипломатических процедур и формальностей...

Дежурный по разведгруппе буквально лишился дара речи. Как же так? Еще несколько часов назад этот энергичный лидер индийской делегации на мирных индо-пакистанских переговорах принимал поздравления по поводу успешного завершения встречи руководителей двух конфликтующих государств, и вдруг – такой трагический финал... Неужели все усилия и надежды Москвы были впустую?

Встрече в Ташкенте предшествовало резкое обострение отношений между двумя крупными государствами Азии. В основе конфликта лежали разногласия о территориальной принадлежности Кашмира, статус которого остался не до конца отрегулированным после ухода из Индостана англичан и образования двух государств: Индии и Пакистана.

Эта проблема периодически вызывала обострение обстановки между двумя странами в районе Кашмира. В августе 1965 года пакистанцы направили несколько тысяч моджахедов в Кашмир с целью поднять население этого штата против индийского правительства. Это им не удалось, но вторжение пакистанцев переросло в серьезный вооруженный конфликт.

Столкновение между двумя крупными государствами Азии расценивалось в Советском Союзе как возникновение опасного очага войны, который необходимо немедленно погасить. Военные действия, развернувшиеся в Кашмире, вызывали озабоченность советского правительства еще и потому, что этот район примыкал непосредст-

венно к границам СССР. В Москве понимали, что противоречия между Индией и Пакистаном сплелись в такой сложный клубок, что распутать его можно было только при наличии доброй воли сторон, в спокойной обстановке и при чрезвычайном терпении. Именно поэтому в посланиях президенту Пакистана Айюб Хану и премьер-министру Индии Л.Б. Шастри, направленных 4 сентября 1965 года, председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин подчеркивал: «В нынешней серьезной обстановке вряд ли следует на первый план выдвигать вопрос о причинах возникновения конфликта и искать, кто прав, а кто виноват. Главные усилия должны быть сосредоточены на том, чтобы немедленно прекратить военные действия...» Этот призыв к Индии и Пакистану сопровождался в послании Косыгина предложением добрых услуг советского правительства.

Однако вооруженный конфликт продолжался, и 17 сентября Косыгин направил главам Индии и Пакистана новое послание, в котором от имени советского правительства внес на их рассмотрение предложение установить непосредственный контакт друг с другом в целях достижения договоренности о восстановлении мира между обеими странами. «В случае, если того пожелают обе стороны, – говорилось в послании, – во встрече мог бы также принять участие председатель Совета Министров СССР. Такая встреча могла бы быть проведена, например, в Ташкенте или в каком-либо другом городе Советского Союза».

20 сентября президент Айюб Хан и 22 сентября премьер-министр Л.Б. Шастри в ответах на послание Косыгина дали свое согласие на проведение переговоров в Ташкенте. Этому способствовала принятая благодаря усилиям Советского Союза резолюция Совета Безопасности ООН, предлагавшая Индии и Пакистану прекратить огонь и использовать политические методы для решения спорных проблем. Это положение резолюции было выполнено, и в ночь с 22 на 23 сентября на индо-пакистанских фронтах наступило перемирие. Путь к встрече в Ташкенте был открыт.

В Москве началась подготовительная работа к переговорам в Ташкенте, которые были намечены на 4 января 1966 года. В этой работе активное участие приняла и внешняя разведка (Первое главное управление КГБ), которая уже располагала солидной информацией по кашмирской проблеме и другим вопросам индийско-пакистанских отношений. Тем не менее, когда было принято решение о переговорах, перед резидентурами в Дели и Карачи была поставлена задача максимально эффективно задействовать все имеющиеся возможности для получения дополнительной актуальной информации. Полученные сведения своевременно направлялись в Центр и учитывались при подготовке к предстоящим переговорам.

Сотрудники разведки тщательно готовились к выполнению задач в Ташкенте, задействуя все возможности.

К концу декабря 1965 года была сформирована оперативная группа сотрудников разведки, перед которой ставилась задача обеспечить на месте, в Ташкенте, А.Н. Косыгина необходимой информацией. В группу были включены специалисты по проблемам Азии. На них возлагалась задача по добыче, анализу и обработке поступающей информации и подготовке ежедневной оперативной сводки для А.Н. Косыгина. Подготовке к предстоящей работе группы в Ташкенте большое внимание уделял начальник разведки А.М. Сахаровский. 1 января эта группа прибыла в Ташкент.

В этот и последующие дни в столицу Узбекистана стали съезжаться многочисленные советские и иностранные журналисты, их размещали в гостинице «Ташкент», превращенной на время переговоров в пресс-центр. А 3 января население Ташкента тепло приветствовало высоких гостей из Пакистана и Индии. А.Н. Косыгин встречал их в аэропорту и провожал в резиденции, отведенные в поселке Дарман. Сразу же началась практическая работа.

Об интенсивности дальнейших переговоров красноречиво говорит частота и количество встреч их участников. За шесть дней Косыгин провел с руководителями Индии и Пакистана 15 встреч. С 5 января практически ежедневно встречались министры иностранных дел Индии, Пакистана и Советского Союза для согласования вопросов к предстоящим встречам руководителей делегаций.

С первого же дня саммита оперативная группа разведки встала практически на бессменную вахту по добыче сведений, важных для успешного проведения переговоров. Немалое внимание уделялось и информации о настроениях среди освещавших встречу иностранных журналистов. При этом учитывалось, что переговоры проходили в обстановке, когда мир находился в состоянии холодной войны. Недоброжелатели Советского Союза пытались всеми способами поставить под сомнение возможность позитивного исхода ташкентской встречи. Многие политические обозреватели на Западе поспешили расценить советские предложения об организации переговоров в Ташкенте как бесперспективный политический шаг Москвы. Причем аргументом для них служил печальный опыт выступавших от имени ООН многочисленных посредников, а также неоднократные безуспешные попытки Англии и США выступить в роли «примирителей» в Индостане. Обозреватель американского агентства Ассошиэйтед Пресс писал из Вашингтона: «Соединенные Штаты были бы удивлены, если бы на организованных по инициативе Советского Союза мирных переговорах было быстро достигнуто какое-то соглашение». Попытки заронить сомнение в успехе переговоров предпринимались и некоторыми западными журналистами на их пресс-конференции в Ташкенте.

Пресс-конференции представителей индийской и пакистанской делегаций и советского представителя проводились каждый день ве-

чером в гостинице «Ташкент». Журналисты получали на этих пресс-конференциях весьма скудную информацию. Представители сторон высказывали, как правило, осторожный оптимизм, отмечая некоторое, хотя и медленное, движение вперед в переговорах. Излюбленным выражением для характеристики прогресса в переговорах Айюб Хана и Шастри стало выражение «дюйм за дюймом».

По вечерам после пресс-конференций гостиница «Ташкент» превращалась в своего рода журналистский дискуссионный клуб. В ресторане, в холлах, в баре и номерах гостиницы выдвигались гипотезы, строились прогнозы и высказывались самые различные догадки о том, что действительно происходит за закрытыми дверьми переговоров. Ход переговоров и позиции сторон подвергались ежевечернему анализу и группой сотрудников разведки.

Все понимали, что переговоры идут трудно и что основные сложности могут возникнуть в связи с разным подходом сторон к кашмирской проблеме. Согласно ранее выраженной официальной точке зрения Индии, проблема Кашмира не могла быть предметом переговоров. Пакистан же, наоборот, считал, что без обсуждения кашмирской проблемы переговоры вообще беспредметны. Первый тревожный сигнал прозвучал на пресс-конференции на третий день переговоров 6 января. Выступая на этой пресс-конференции, представитель Пакистана заявил, что, с пакистанской точки зрения, «жизненно важно обсудить во всей глубине проблему Джамму и Кашмира». При этом он добавил, что по другим проблемам между представителями Индии и Пакистана «есть достаточное взаимопонимание».

О серьезных разногласиях по кашмирскому вопросу между руководителями Индии и Пакистана сотрудникам оперативной группы советских разведчиков стало известно в первые же дни переговоров. Уже в первых беседах А.Н. Косыгина с Айюб Ханом и Шастри еще до официального открытия конференции, состоявшихся вечером 3 января и имевших целью согласовать повестку дня, пакистанцы заняли непримиримую позицию. Они заявили о необходимости в первую очередь решить на переговорах кашмирскую проблему, причем на пакистанских условиях. Были получены также сведения о том, что Айюб Хан и Шастри вообще не хотели больше встречаться. В сложном положении оказался А.Н. Косыгин, так как в случае провала ташкентской встречи речь шла о престиже не только его лично, но и Советского Союза.

В этой ситуации сотрудник оперативной группы, аккумулировавший всю разведывательную информацию по данному вопросу, предложил составить докладную записку для А.Н. Косыгина, в которой были бы определены пути выхода из тупика. Получив одобрение руководства, он уже 4 января составил записку, которая и была доложена Председателю Совета Министров СССР. На ее рассмотрение А.Н. Косыгину потребовались сутки. Для опергруппы они были сутками му-

чительного ожидания. Ведь разведчики вторгались в уже составленный ранее официальный план действий на переговорах. Через сутки А.Н. Косыгин пригласил к себе первого заместителя председателя КГБ СССР Н.С. Захарова, возглавлявшего оперативную группу, и заявил, что полностью согласен с содержанием записки и что в дальнейшем будет действовать в соответствии с изложенными в ней предложениями.

В записке, в частности, предлагалось добиться от участников переговоров согласия не обсуждать кашмирский вопрос, а отложить его решение на период после нормализации отношений между Индией и Пакистаном. В ходе же переговоров в Ташкенте решить в первую очередь вопросы об отводе войск, о принятии принципа решения спорных вопросов мирным путем, прекратить взаимную острую пропаганду, восстановить и расширить официальные отношения между Индией и Пакистаном с упором на развитие экономических связей.

Несмотря на то что последний день переговоров – 9 января – было воскресенье, оно оказалось днем крайне напряженной работы. Глава советского правительства неоднократно встречался то с Шастри, то с Айюб Ханом. Встречи продолжались и поздно вечером, уже после традиционной пресс-конференции. Усилия, направленные на поиск решений, приемлемых для обеих сторон, не ослабевали. Пакистанский представитель заявил на вечерней пресс-конференции, что он остается оптимистом, а представитель Индии сказал: «Мы продолжаем надеяться». Вместе с тем на пресс-конференции было объявлено о намерении обеих делегаций покинуть Ташкент во вторник, 11 января. Это означало, что в распоряжении участников переговоров оставался всего один день.

Всех, кто в Ташкенте следил за ходом переговоров, естественно, волновал вопрос, чем они закончатся. Те, кто искренне переживал за исход ташкентской встречи, начали говорить в кулуарах, что завершение переговоров даже без всякого итогового документа нельзя будет рассматривать как полную неудачу, ибо трудно вообще рассчитывать на устранение основных разногласий сторон. Однако настойчивость и дипломатическая гибкость А.Н. Косыгина принесли свои плоды и последний день переговоров – 10 января – опрокинул все пессимистичные предсказания.

Как и в день открытия переговоров, в 16 часов Косыгин с согласия президента Пакистана Айюб Хана и премьер-министра Индии Шастри открыл заключительное заседание ташкентской встречи. В зале заседания прозвучали слова главы советского правительства о том, что сейчас будет зачитана Ташкентская декларация. Текст декларации был зачитан на русском и английском языках, после чего президент Пакистана и премьер-министр Индии подписали ее и обменялись сафьяновыми папками с этим важным документом. А.Н. Косыгин подошел к участникам переговоров и поздравил их с успешным за-

вершением встречи. Айюб Хан и Шастри под овации зала скрепили свои подписи долгим дружеским рукопожатием.

В заключительной части Ташкентской декларации премьер-министр Индии и президент Пакистана заявили о своих чувствах глубокой признательности и благодарности руководителям Советского Союза, советскому, правительству и лично Председателю Совета Министров СССР за конструктивную, дружественную и благородную роль в организации встречи, которая привела к взаимно удовлетворительным результатам.

День подписания декларации завершился большим приемом в честь руководителей Индии и Пакистана. Настроение было праздничным. Дом прессы в гостинице «Ташкент» еще долго после приема гудел многоязычьем.

Приподнятое настроение было и у сотрудников разведки. При зачтении текста декларации они испытывали особые чувства, узнавая во многих параграфах мысли, изложенные ими в докладной записке Косыгину. Стало известно, что А.Н. Косыгин дал высокую оценку их работе.

Местная газета «Правда Востока» констатировала: «Ровно неделю длились переговоры, по-разному их оценивала мировая пресса. Но эта минута свела все оценки к одной: на столе лежит самое весомое доказательство плодотворности Ташкентской встречи – текст согласованной обеими сторонами Декларации».

Как и предполагалось, в Ташкенте сложную кашмирскую проблему решить было невозможно. Однако руководители Индии и Пакистана заявили в Ташкентской декларации о твердой решимости восстановить нормальные и мирные отношения между своими странами и подтвердили свое обязательство в соответствии с Уставом ООН не прибегать к силе и решать свои споры мирным путем. «Именно с учетом этого, – говорилось в декларации, – обсуждался вопрос о Джамму и Кашмире, и каждая из сторон изложила свою соответствующую позицию».

Сразу же после подписания Ташкентской декларации Индия и Пакистан приступили к реализации предусмотренных декларацией мер по установлению мира на Индостане. Еще находясь в Ташкенте, вечером 10 января секретарь пакистанского Министерства информации и радиовещания отдал распоряжение, в котором государственному радио Пакистана рекомендовалось воздерживаться от каких бы то ни было антииндийских высказываний. Обе стороны сразу же приступили к реализации предусмотренного декларацией отвода войск с территорий, захваченных ими во время военных действий, и их отвод закончился точно в установленный декларацией срок – 25 февраля. Внезапная смерть премьер-министра Шастри омрачила настроения индийцев, но не смогла помешать выполнению договоренностей. К середине января были восстановлены нормальные дипломатические

отношения между Индией и Пакистаном, и послы (верховные комиссары) обеих стран вернулись к исполнению своих обычных обязанностей. В январе же между странами были восстановлены авиасообщение и почтово-телеграфная и телефонная связь. Все это говорило о существенном сдвиге в сторону нормализации отношений между Индией и Пакистаном.

На одной из пресс-конференций в Ташкенте пакистанский представитель Гохар подчеркнул, что Советский Союз предоставил Пакистану и Индии великолепную возможность нормализовать свои отношения. «А уж как мы используем эту возможность, – сказал он, – это зависит от нас».

Опасный очаг войны был погашен. Достигнутые в Ташкенте договоренности обеспечили мирную пятилетку в отношениях между Индией и Пакистаном.

6

Афганистан, декабрь 1979 года

(глазами очевидца)

Вследствие чего разлагаются и гибнут победоносные в прошлом армии, как и почему рушатся мировые империи и супердержавы? Ответить на эти вопросы точно и объективно не может, наверное, ни один историк или политик.

Невозможно учесть и связать воедино все элементы исторических процессов, нет и механизма, который бы точно учитывал настроение общественных слоев и групп, а также возможные формы проявления этих настроений. Все объяснения крупных исторических явлений носят, по моему убеждению, лишь приблизительный характер.

Думаю, что в рамках подобной приблизительности я могу изложить и свое мнение по поводу нашей вовлеченности в афганские дела.

Тезис о том, что ввод наших войск в Афганистан был ошибкой советского руководства, получил широкое распространение в мире, и в этом никто уже как бы не сомневается. Мне кажется, что не сам ввод войск в Афганистан был трагической ошибкой, а именно их присутствие там в течение десяти лет.

Убедившись в течение первого года, что присутствие и военные действия нашей армии в Афганистане не способствуют ни стабилизации обстановки в стране, ни консолидации дружественного нам режима, из Афганистана надо было уходить.

Ни трезвости, ни мужества, ни дальновидности в этом вопросе советское руководство не проявило, хотя некоторые наши военачальники и политики хорошо понимали ситуацию.

На регулярных совещаниях, где обсуждалось развитие обстановки в Афганистане и на которых я присутствовал, маршал С.Ф. Ахромеев и генерал армии В.И. Варенников говорили вполголоса: «Поймите, ведь советская армия воюет с народом, и никакой победы в Афганистане быть не может!».

Мне кажется, что политические, экономические и национальные явления кризисного порядка, которые начали назревать в нашем го-

сударстве с 70-х годов, усугубила афганская эпопея. Афганистан не позволил нам выйти на поиски путей выхода из кризиса, что еще больше осложнило положение нашей армии и государства.

К афганской трагедии я лично оказался причастен, так как весь декабрь 1979 года провел в Кабуле, где выполнял вместе со своими коллегами указания руководства СССР и КГБ.

После смены власти в Кабуле 27 декабря 1979 года всем участникам этой операции было рекомендовано все забыть, а документы оперативного характера уничтожить. Ликвидировал и я свои служебные записи, где не только по дням и часам, но и по минутам было расписано, как развивались события в Афганистане в декабре 1979 года.

Прошли годы, сменилась власть и те начальники, которые призывали к молчанию, начали писать на афганскую тему мемуары, выступать на телевидении, давать интервью и т.п. Причем в авангарде рассказчиков о событиях в Афганистане почему-то оказались именно бывшие сотрудники КГБ, а отнюдь не армейские генералы. То ли представители КГБ устали от своей прежней тотальной секретности и им захотелось выйти из «зоны молчания», то ли в армии присяга оказалась покрепче? Не знаю.

Во всяком случае, рассказывать о некоторых «тайных операциях» разведки в Афганистане, на мой взгляд, не следовало бы, поскольку это разоружает и дезориентирует молодые поколения разведчиков.

Я не ставлю перед собой задачу написать все, что знаю о нашей вовлеченности в афганские дела, тем более что большинство интересных страниц этой эпопеи уже прочитаны и перевернуты.

Нет, наверное, смысла рассказывать вновь, кто и как принимал решение о вводе войск в Афганистан; как по приказу Амина задушили его «единственного и любимого» учителя Тараки; как в четырех специально сконструированных «гробах» вывозили кружным путем в Москву четырех ближайших соратников Амина, ставших его противниками; как откомандировывали из Кабула советских военных советников, испытывавших большие симпатии к Амину; как проходил штурм дворца Амина Дар-уль-Аман; как заменяли Бабрака Кармаля на Наджибуллу – обо всем этом не раз говорилось в средствах массовой информации, исследованиях и мемуарах.

В этой главе я хочу рассказать только о своем личном участии в афганских делах и о тех выводах, к которым я приходил на разных этапах развития обстановки в Афганистане.

После этих предварительных замечаний имеет смысл перенестись в ноябрь 1979 года и вспомнить, как все это начиналось.

Вызвал меня однажды начальник разведки В.А. Крючков и сказал, что в Афганистане назревают важные события. Правящая в стране Народно-демократическая партия Афганистана окончательно раскололась на два крыла – «Хальк» и «Парчам». Афганский диктатор Амин проявил себя как отъявленный фашист и палач афганского на-

рода, и, кроме того, выявлены факты, говорящие о его готовности переориентироваться в своей политике на США. В этих условиях «парчамисты» начали подготовку к свержению Амина и взятию власти в свои руки. Задача разведки – помочь «парчамистам» покончить с Амином. Кому-то из руководства Первого главка надо выехать в Афганистан, дополнительно изучить обстановку, уточнить наши возможности и провести подготовительную работу по изменению ситуации в нужном нам направлении.

У меня не было никаких сомнений, что Крючков под определением «кому-то» имеет в виду меня, и я с готовностью согласился вылететь в Кабул в любое время.

Решив этот вопрос, начальник разведки поручил мне сформировать три-четыре группы из опытных сотрудников во главе с офицерами, знавшими персидский язык и обстановку в Афганистане и соседних с ним странах, для направления в Афганистан, чтобы в решающий момент оказать помощь «парчамистам».

С этого момента афганские дела надолго стали приоритетными в моей служебной деятельности. Боевые группы были сформированы, экипированы, вооружены и вместе с армейскими специалистами перебазированы на афганскую военную базу Баграм за несколько дней до событий.

Я же вылетел в Кабул раньше, в первых числах декабря 1979 года.

Зима... Холодно... Ночь... Аэродром «Чкаловское» погружен в темноту, мрачный и неуютный. Долго ищу самолет, в котором надо лететь на Баграм. Никто ничего не знает или просто не хочет говорить с неизвестным штатским человеком.

Наконец самолет найден. У меня диппаспорт на весьма прозаическое имя Николаева Петра Ивановича. Этот паспорт я, кстати говоря, нигде никому так и не предъявлял.

В списках пассажиров я значился и был допущен в самолет вместе с группой генералов и офицеров-десантников.

Среди группы военных старшим был заместитель командующего Воздушно-десантными войсками генерал-лейтенант Николай Никитович Гуськов. С ним я впоследствии, уже в Кабуле, составлял планы выхода наших войск на основные объекты столицы Афганистана, которые надлежало занять нашим армейским частям, и прикомандировывал к ним разведчиков КГБ, заранее изучивших обстановку на этих объектах.

Короче говоря, поводырями у армейских частей в Кабуле были сотрудники разведки из отряда «Каскад», владевшие местными языками.

Летели долго, разместившись на каких-то ящиках, мешках и перевернутых ведрах, и таким образом привыкали к суровым афганским будням. Было холодно и тревожно от полной неизвестности.

В Фергану прибыли перед рассветом, и здесь нас уже ожидали и стол, и кров, и объятия десантников, которые тоже уже целенаправленно готовились, как выяснилось позднее, к выброске в Афганистан.

На военный аэродром Баграм мы прилетели в этот же день в сумерках и расположились на ночь в армейских бункерах, а утром на нескольких машинах отправились в Кабул.

Незнакомая страна, незнакомые люди, но кого они все же мне напоминают? Да и пейзаж какой-то очень знакомый. Ага, вспомнил. Это же Йемен, где я когда-то работал. И горы такие, и люди бородатые, худощавые, мрачные, пропыленные. Кто одет в солдатскую шинель, кто в пальто, кто в драный халат. На ногах тоже большое разнообразие: и солдатские ботинки, и кеды, и даже галоши.

По всему видно, что достижения цивилизации проникают через Гиндукуш крайне медленно. Машины глохнут от разреженного горного воздуха. Постояв немного, снова движемся в сторону Кабула. Никто на нас не обращает внимания. К русским автоколоннам здесь давно уже привыкли.

В Кабуле прежде всего я встретился с генерал-лейтенантом Борисом Семеновичем Ивановым, старшим представителем КГБ, давно и хорошо мне знакомым, и вся моя дальнейшая работа проходила вместе с ним в полном единстве мнений и согласованности. Мы лишь распределили между собой участки работы, чтобы не мешать друг другу.

Жили мы с Борисом Семеновичем тут же, на территории посольства, и разлучались лишь ненадолго, чтобы поспать несколько часов ночью, но были, конечно, и полностью бессонные ночи. Чем ближе к 27 декабря – тем чаще.

Для того чтобы лучше разобраться в обстановке и оценить наши реальные возможности, я в первые же дни познакомился с руководителями некоторых советских коллективов. Среди них были посол СССР Фикрят Ахмеджанович Табеев, только что заступивший на свой пост; главный военный советник генерал-полковник Султан Кекезович Магомедов и находившийся во временной командировке в Афганистане первый заместитель министра внутренних дел генерал-лейтенант Виктор Семенович Папутин.

Вскоре я обнаружил, что никто из них не знает о готовящихся событиях, ничего не ведал об этом и резидент ГРУ.

Будет успех в смене власти в пользу «парчамистов», подумал я, – все лавры достанутся КГБ, окончится дело провалом – в ответе также окажется КГБ. Через несколько дней у меня сложилось вполне определенное мнение, что представительство и резидентура КГБ в Кабуле своими силами оказать решающую помощь «парчамистам» не в состоянии. Об этом мы с Б.С. Ивановым и докладывали в Центр. Но еще много дней руководство СССР не решалось поставить в известность главного военного советника и других должностных лиц высокого ранга о готовящемся перевороте и предрешенном вводе наших войск в Афганистан.

Ближе к дню «Х» Виктор Семенович Папутин почувствовал какое-то движение и, обращаясь к нам с Борисом Семеновичем, сказал

однажды: «Ребята, я вижу, что вы здесь что-то затеваете... Оставьте меня в Кабуле, я вам пригожусь с нашим отрядом «Кобальт». Мне в Москву не хочется возвращаться. Там в МВД, на самом верху, творятся плохие дела».

Знал он уже, конечно, что на замену ему министр внутренних дел Щелоков приготовил зятя Брежнева – Чурбанова – и хотел поэтому оттянуть свое унизительное отстранение. И оно вскоре действительно состоялось. Папутин не вынес этой несправедливости и пустил себе пулю в лоб как раз на следующий день после совершения переворота.

Примерно за неделю до переворота представительству КГБ, главному военному советнику и старшему представителю МВД было предложено общими усилиями, по единому плану и совместно с «парчамистами» произвести смену власти. Посол СССР и резидент ГРУ так и не получили никакой информации по поводу грядущих событий.

Вместе с несколькими армейскими генералами мы с Б.С. Ивановым начали окончательную ревизию своих сил и возможностей «парчамистов» и после двухдневных изнурительных дебатов написали коллективную телеграмму Брежневу и своим министрам о том, что без войсковой поддержки мы не можем ручаться за успех переворота и что в случае его неудачи Афганистан будет для нас потерян навсегда, а посольство СССР будет разгромлено.

Лишь после этой телеграммы Москва поставила нас в известность, что поддержка армии будет обеспечена. Одна воинская часть будет из Баграма направлена для «защиты» дворца Амина в окрестностях Кабула во исполнение его просьбы (на самом деле – для штурма дворца), а 103-я гвардейская воздушно-десантная дивизия высадится на Кабульском аэродроме 25 декабря, для чего нам следовало обеспечить контроль над аэродромом.

В составе «защитников» дворца находились спецподразделения ГРУ ГШ и отряд КГБ во главе с моим коллегой и товарищем, заместителем начальника ПГУ КГБ СССР генерал-майором Юрием Ивановичем Дроздовым.

Заместитель начальника Воздушно-десантных войск Н.Н. Гуськов и я вместе с небольшой группой из Министерства обороны начали составлять план боевых действий.

Было выделено 8 объектов, которые должны были быть заняты боевыми группами 103-й гвардейской воздушной дивизии в первую очередь, а сотрудникам КГБ и МВД совместно с «парчамистами» было предписано провести предварительную работу на этих объектах, чтобы склонить работающих там людей отнестись спокойно к перемене власти.

Привожу по памяти эти объекты:

1. Дворец Амина.
2. Генеральный штаб афганской армии.
3. Тюрьма для политических заключенных в Пули-Чархи.

4. Служба разведки и контрразведки.
5. Министерство внутренних дел.
6. Министерство иностранных дел.
7. Радио и телевидение.
8. Телефонная станция.

Дворец Амина было поручено взять армейскому десантно-штурмовому подразделению и отряду Ю.И. Дроздова.

Поскольку при взятии дворца предполагались потери, на территории посольства мы развернули медицинский пункт.

После высадки воздушно-десантной дивизии на Кабульском аэродроме я выехал туда вместе со старшими разведывательно-диверсионных групп «Каскада» для прикомандирования их к дивизии. Это было 26 декабря 1979 года.

При знакомстве с командиром дивизии последний представился нам по всей форме: «Командир 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии генерал-майор Рябченко». Познакомившись с комдивом, я спросил у него, почему он не назвал свою дивизию полным титулом: «Краснознаменная, ордена Кутузова 2-й степени». Рябченко удивился этому вопросу и спросил: «А Вы-то откуда это знаете?» «В этой дивизии я воевал, и в ней же закончил военную службу», – пояснил я.

После этого мы зашли в штабную палатку, разбитую здесь же, на аэродроме, и распределили группы «Каскада» по частям и подразделениям 103-й дивизии.

Рябченко вызывал своих командиров, я знакомил их со старшими групп, совместно мы уточняли и ставили задачу, и наши товарищи тут же вливались в боевые порядки моей родной дивизии. Вот такая была неожиданная встреча с ней через 33 года.

Во время движения к объектам и в момент их занятия старшие групп «Каскада» были обязаны докладывать по рации в представительство КГБ (в здании посольства) о том, как развивается операция.

Мы же с Б.С. Ивановым должны были координировать их действия и информировать о развитии событий Москву по специальному телефону.

Вечером 27 декабря с наступлением темноты колонны 103-й дивизии ВДВ во главе с нашими группами (в некоторых из них были «парчамисты») двинулись по разработанным маршрутам. К утру 28-го все операции должны были быть завершены.

Борис Семенович Иванов решил, что ему будет полезнее находиться не в штабе КГБ, а в штабе военного командования. Он заблаговременно туда выехал и находился там до утра следующего дня.

Таким образом, вся информация о движении войск, взятии объектов докладывалась мною в Москву, а в ходе докладов приходилось одновременно заниматься и вопросами координации, чтобы наши колонны по ошибке не начали стрелять друг в друга. Такая опасность все время возникала.

Сотрудники представительства КГБ, резидентуры и бойцы отряда «Каскад» отлично подготовились к операции и обеспечили на большинстве объектов бескровный переход власти к «парчамистам». Самыми трудными объектами для взятия оказались дворец Амина и помещение Генерального штаба. К сожалению, наши оценки, что без боя овладеть этими объектами не удастся, подтвердились.

Раненых и убитых увозили в посольство.

Наверное, это была самая тяжелая ночь в моей жизни. Во время Великой Отечественной войны, на фронте были и дни, и ночи пострашнее этой, но тогда я был младшим командиром, отвечавшим за решение какой-то частной задачи, а здесь на мою голову свалилась большая доля ответственности за успех многоплановой военно-политической операции.

Несмотря на то что разговоры по войсковым рациям велись практически в открытую, никто их не услышал. И жители столицы, и сотрудники посольств иностранных государств мирно спали, а утром проснулись уже при новой власти. Спокойному сну поспособствовали и наши разведчики из отряда «Каскад» – примерно за час до штурма дворца Амина в некоторых узлах они вывели из строя телефонную сеть.

Правда, в различных частях города время от времени слышались выстрелы, но здесь это давно никого не смущало. Думали, наверное, что аминовцы расстреливают очередных своих противников.

Посол Ф.А. Табеев, когда раздались первые выстрелы и на территорию посольства стали привозить раненых, всполошился, спросил у меня по телефону гневным голосом, что происходит в Кабуле, и потребовал объяснений.

Я сказал, что идут бои, власть переходит к «парчамистам», и сейчас у меня нет возможности беседовать. Подробно обстановку доложим утром.

Многое уже забылось, но основные эпизоды прочно сохранились в памяти.

Среди ночи раздался звонок по внутреннему телефону и чей-то голос сказал: «Вадим Алексеевич, я такой-то, Вы работали одно время с моим отцом... Я получил несколько ранений и, возможно, скоро умру. Я хочу проститься с Вами. У меня здесь больше никого нет!»

Фамилия эта ничего мне не говорила, я хотел было ринуться в медпункт, но вспомнил, что не могу покинуть командный пункт и сказал в трубку: «Милый мой, извини... Идет бой, и я не могу отлучиться ни на минуту! Потерпи и не теряй мужества!»

Так я и не знаю, что стало с этим человеком. И фамилию его я забыл, и не знаю, выжил он или нет, а совесть до сих пор неспокойна.

Москва же хотела знать подробности, и в первую очередь, что стало с Амином. Доложил, что, по предварительным данным, он убит во время штурма дворца.

Утром, после подведения первых итогов, я поехал осматривать дворец. Убитых афганцев, в том числе и Амина, уже захоронили, и землю разровняли бронетранспортерами. В одном из помещений дворца я подобрал большую фотографию диктатора. Сохранил ее для истории.

Когда мы не имели еще подтверждений гибели Амина, радио Кабула начало передавать сообщения о том, что по решению революционного трибунала предатель Хафизулла Амин приговорен к смертной казни и что приговор приведен в исполнение.

Вслед за этим радио передало обращение Бабрака Кармаля к народу Афганистана, заранее записанное на пленку, а сам он начал движение из Баграма в Кабул в сопровождении одного из отрядов, сформированных нами еще в ноябре.

28 декабря 1979 года весь день подводили итоги операции.

Я уже упомянул, что сотрудники представительства КГБ, резидентуры и отряда «Каскад» действовали профессионально, грамотно и прекрасно ориентировались в обстановке.

Вечером 27 декабря, перед выступлением войск к намеченным объектам, многие наши разведчики разъехались по министерствам, ведомствам и службам, чтобы уговорить служащих сохранять спокойствие и принять новую власть. Большую работу в этом направлении провели и сами «парчамисты». Одним из сложных объектов, подлежащих нейтрализации, был ХАД (Служба государственной безопасности). Туда направился заместитель руководителя Представительства КГБ Владимир Александрович Чучукин. О том, что там произошло, через некоторое время рассказал мне старший группы «Каскад», которая шла впереди армейской колонны:

«Подхожу к зданию ХАД... Тихо, только в одном из помещений горит свет. Думаю, притаились гады. Приготовил гранату и тихо подкрадываюсь к двери. Сейчас шарахну... Приоткрыл дверь, а там сидит Владимир Александрович, пьет чай с руководителями ХАД. Идет оживленный разговор и временами раздается смех. Граната не понадобилась».

Освобожденные из тюрьмы Пули-Чархи политзаключенные стали назначаться на ответственные посты в государстве.

Бабрак Кармаль со своими соратниками разместился в кабульском дворце Арк и через день после переворота принял руководителей представительства КГБ и отличившихся офицеров из отряда «Каскад». Б.С. Иванов, Ю.И. Дроздов и я также принимали участие в этой встрече. Бабрак Кармаль горячо нас поблагодарил как спасителей Афганистана и заявил, что без помощи Советского Союза «парчамисты» не смогли бы утвердиться у власти.

У меня было чувство облегчения от того, что большинство наших оперативных планов оказались хорошо разработанными и подготовленными и успешно осуществились. Но при всем этом смерть не-

скольких наших товарищей при штурме дворца Амина представлялась неоправданной.

Их гибель послужила, кстати, толчком к сооружению на территории Службы разведки в Ясенево памятника сотрудникам, отдавшим жизнь во имя Родины. По прошествии многих лет ясно, что все наши жертвы в Афганистане, увы, были напрасными.

30 декабря 1979 года пришло указание мне и Ю.И. Дроздову вылететь в Москву для доклада о проведенной операции.

31 декабря 1979 года, уже после окончания рабочего дня, мы предстали перед Ю.В. Андроповым и отчитались за свою работу.

В семье была большая радость – Новый год удалось встретить всем вместе, дома, а с души свалился тяжелый груз ответственности.

В первые дни нового, 1980 года радостные чувства не покидали меня. Все теперь пойдет хорошо в Афганистане – у власти там утверждаются разумные люди без всяких экстремистских завихрений. Афганистан остается нашим большим другом, и к тому же единственным на всем протяжении южных границ СССР. Всех участников событий председатель КГБ пообещал щедро наградить.

Но вскоре стали раздаваться тревожные голоса.

Мой большой друг и старший товарищ Иван Алексеевич Маркелов (в то время он был, как и я, первым заместителем начальника разведки) на первой же встрече после возвращения из Афганистана спросил меня с тревогой в голосе: «А зачем мы туда вообще влезли? Добром для нас эта экспедиция не кончится!»

Затем пошли отклики из США. Там радостно потирали руки: «Советы попались – не учли нашего плачевного опыта. Афганистан станет для СССР тем же, чем стал Вьетнам для США».

Потом зашевелились и востоковеды – специалисты по Афганистану и вообще по этому региону. Они стали высказывать критические замечания о бесперспективности пребывания наших войск в Афганистане, и от них пошла впоследствии утвердившаяся в средствах массовой информации фраза: «Влезли в Афганистан, не зная его географии».

Наступили времена сомнений и раздумий. А руководство КГБ требовало решительных действий по оказанию помощи режиму Бабрака Кармаля и ликвидации «бандитского движения». Началось массовое наводнение Афганистана советниками всех мастей. Их и до переворота было много, а теперь и подавно началась «оккупация» страны советниками из СССР. Как будто партия бросила клич: «Советников для Афганистана не жалеть!».

Их деятельность в наших средствах массовой информации в перестроечный период подверглась не только критике, но и просто осмеянию. Они, мол, делали все по нашему образцу: создавали не только машинно-тракторные станции, но и комсомольские, женские и даже пионерские организации. Нет, конечно, слепого копирования не было.

Наоборот, все время раздавались призывы о необходимости действовать сообразно с местными условиями и обычаями, с учетом средневековости Афганистана и его племенного уклада.

Но попытки прямого перенесения нашего опыта, естественно, имели место. Это относится в какой-то мере и к области разведывательной и контрразведывательной работы. В конце концов, понимание национальных особенностей страны – это одно, а конкретный личный опыт каждого советника – это совсем другое. Изобретать что-то совершенно новое на базе своего опыта – дело чрезвычайно сложное.

В Москве началась целая эпоха совещаний и заседаний по Афганистану, начиная от комиссии ЦК КПСС до ведомственных и межведомственных...

Довольно часто для решения внешнеполитических вопросов, связанных с Афганистаном и нашим военным присутствием там, собирались дипломаты, военные и разведчики. Чаще всего эти встречи имели место в МИД СССР, у первого заместителя министра Георгия Марковича Корниенко. Обычно там присутствовали С.Ф. Ахромеев, В.И. Варенников, а от Комитета госбезопасности или я, или Я.П. Медяник.

Понятно, что афганские дела систематически обсуждались и у Ю.В. Андропова.

Были совещания у других министров, и в том числе у военного министра Д.Ф. Устинова. Последний проводил совещания неторопливо, с чаепитиями и всевозможными отвлечениями от главной темы. Иногда разговор принимал характер, далекий от повестки дня.

Для разведки Афганистан стал главной задачей: мы укрепляли органы безопасности Афганистана, направляли своих советников во многие афганские провинции, сотнями стали готовить афганских разведчиков и контрразведчиков на территории Советского Союза и в Кабуле. Делали все, вплоть до открытия в нашей стране детских домов для афганских детей-сирот.

Приказы руководства КГБ были однозначны: для Афганистана ничего не жалеть, все их заявки удовлетворять немедленно. Следующий год (а в дальнейшем каждый следующий) должен был стать годом «решительного перелома в борьбе с душманами».

В руководстве ПГУ четыре человека с утра до вечера занимались афганскими делами – сам начальник В.А. Крючков, я, заместитель начальника разведки по этому району Яков Прокофьевич Медяник и заместитель начальника разведки – начальник Управления «С» Юрий Иванович Дроздов.

Я курировал, в частности, работу представительства КГБ, участвовал в многочисленных совещаниях по Афганистану и в КГБ, и за его пределами, и очень много времени уделял беседам с нашими сотрудниками, побывавшими в Афганистане – и в Кабуле, и в различных провинциях. В этих беседах решались различные текущие дела,

но я, помимо этого, хотел понять перспективу развития событий. К сожалению, в своем подавляющем большинстве эти доклады были неутешительными. По-прежнему режим удерживал свои позиции только в Кабуле, а на периферии власть переходила из рук в руки, и нигде не было и намека на стабилизацию режима и поддержку его населением.

Примерно через год после переворота я понял, что пребывание наших войск в Афганистане не дает ощутимых результатов, а через два пришел к выводу, что оказание нашей политической, экономической, военной и всех остальных видов помощи режиму Бабрака Кармаля не спасет этот режим и не приведет к стабильности в Афганистане.

Разочаровавшись в Бабраке Кармале (он действительно был слабым организатором при больших амбициях), советское руководство (по предложению и при помощи разведки) пошло на замену афганского руководителя Наджибуллой.

Утверждение Наджибуллы в качестве афганского лидера на какое-то время породило надежды на улучшение обстановки в Афганистане, но скоро все пошло по-прежнему. Афганистан продолжал нас съедать, армия не понимала, за что она воюет, иностранное вмешательство в дела Афганистана нарастало, в своей основной массе афганцы считали нас оккупантами, а Наджибуллу – ставленником Москвы.

Руководство КГБ, однако, не допускало мысли о нашем поражении в Афганистане и постоянно выступало с новыми инициативами по оказанию помощи Афганистану во все возрастающем объеме.

Даже отдаленные намеки на то, что нам надо уходить из Афганистана, считались антигосударственными, антипартийными и крамольными.

Видя всю обреченность нашего участия в афганских делах, трудно было сохранять хоть какой-нибудь энтузиазм. Потери нашей армии и громадная военная и экономическая помощь, сгоравшая в Афганистане, вызывали чувство протеста и действовали угнетающе.

Парадокс этого явления состоял в том, что КГБ, и в первую очередь разведке, удалось создать действительно работоспособные органы госбезопасности, которые вели успешную работу не только на всей территории Афганистана, но и проникали на территорию Пакистана, а пришедший с нашей помощью к власти Наджибулла был, несомненно, самым достойным лидером из бывших когда-либо в Афганистане. Я знал его лично и встречался с ним и когда он возглавлял органы безопасности, и когда стал президентом.

Он был хорошим организатором, высокообразованным человеком, противником проведения репрессий в стране, да и сама его специальность – врач – уже предполагала гуманное начало в его характере. Наджибулла искренне хотел счастья и процветания своему народу и не щадил своих сил, чтобы как-то улучшить обстановку в Афганистане.

Однажды я сопровождал его вечером на пути из центра Москвы в Ясенево. Мы ехали по Ленинскому проспекту и, глядя на освещенные окна домов, Наджибулла сказал: «Когда же будут такие современные дома в Афганистане, когда же у нас будет такая счастливая и спокойная жизнь, как у вас? Доживу ли я до этого времени?» Тут была и боль за Афганистан, и понимание того, что путь в более или менее цивилизованное общество в его стране будет долгим и мучительным.

Вера в Наджибуллу и в надежность его органов безопасности порождала в руководстве КГБ иллюзии, что раз на этом участке можно добиться успехов, значит, можно и должно добиваться их в масштабах всей страны.

Эти опасные иллюзии, нежелание взглянуть правде в глаза задержали вывод наших войск на несколько лет. И большая доля вины за это ложится на КГБ. Следует сказать, что на должности руководителей представительства КГБ в Кабуле выдвигались руководящие работники разведки, положительно проявившие себя на оперативной работе и очень хорошо разбиравшиеся в делах Ближнего и Среднего Востока. Помимо Б.С. Иванова, представительство последовательно возглавляли Л.П. Богданов, В.Н. Спольников, Н.Е. Калягин, Б.Н. Воскобойников, В.П. Зайцев. Трое из них, Богданов, Спольников и Зайцев, были востоковедами и ранее работали в странах этого региона.

Последним нашим представителем в Кабуле был В.А. Ревин. У него сложились особо близкие отношения с Наджибуллой, он оказывал на него самое разнообразное положительное влияние и, как мог, подбадривал его.

Следует также сказать, что все наши руководители представительства имели прямой доступ к Бабраку Кармалю и Наджибулле, которые принимали их по первой же просьбе.

Очевидно, уместно отметить, что Афганистан обернулся поражением не только для нас. Во многом просчитались и США. Именно они были инициаторами создания на территории Пакистана вооруженных формирований моджахедов, которые вели вооруженную борьбу с советской армией. Именно США вооружали их и направляли на борьбу с «неверными». США по существу открыли путь террористам, которые, прикрываясь знаменем ислама, наводят страх и ужас во многих странах и в настоящее время. То, что происходит сейчас в Алжире, – это тоже результат прежней деятельности США по поддержке моджахедов. Организаторы резни мирного населения в Алжире прошли подготовку в пакистанских лагерях, созданных при помощи американцев. И гражданская война в Таджикистане, и братоубийственная война в самом Афганистане – это тоже в известной мере следствие политики США, которые были готовы сотрудничать с самыми темными и реакционными силами, лишь бы ослабить влияние Советского Союза.

Десятилетняя война в Афганистане разлагала нашу армию. Военные действия в чужой стране с малопонятными целями вызывали ненужную жестокость в обращении с населением, которое не без основания рассматривалось в качестве пособников моджахедов – душманов. Грабежи и насилия стали обычным, повседневным явлением.

Так все-таки зачем мы влезли в Афганистан? Некоторые наши политики и высокие в прошлом должностные лица ссылаются на важные стратегические интересы Советского Союза, но в чем они заключались, как правило, не объясняют.

Вообще словосочетание «важные стратегические интересы» всегда покрыто тайной. Раз стратегические, значит, это не всем дано понять и не всем положено знать, и нечего лезть с вопросами.

Самым понятным и приемлемым объяснением были высказывания о том, что мы заинтересованы в сохранении дружественного нам Афганистана и спокойной советско-афганской границы. Кроме того, было желание продемонстрировать перед всем миром, и прежде всего перед США, нашу решимость отстаивать государственные интересы не только посредством дипломатических акций, но, в крайнем случае, и путем применения военной силы. Тем более, что американцы действительно все время давали повод. Они не только демонстрировали свою военную силу, но и реально и повсеместно ее наращивали.

Конкретных подтверждений этому было более чем достаточно: проволочки с ратификацией Договора ОСВ-2, новые долгосрочные программы вооружения армии США, создание американских «сил быстрого развертывания». Предположение о том, что если мы пустим развитие событий в Афганистане на самотек, то там могут появиться ракеты, нацеленные на Советский Союз, тоже не было лишено оснований. Плюс к этому затяжной конфликт с Китаем и многое другое (пограничная Турция – член НАТО, возможное вмешательство США в дела соседнего Ирана и т.д.).

Рассуждения же о том, что Советский Союз через свою военную акцию в Афганистане хочет выйти к «теплым морям», расширив зону своего влияния вплоть до Индийского океана, не выдерживают серьезной критики. Наше политическое руководство не было до такой степени наивным и уверенным в своих собственных военных, экономических и политических возможностях, чтобы совершать такие авантюрные действия.

Я думаю, что, принимая решение о вводе войск, Брежнев, Андропов, Громыко и Устинов просчитали только одну сторону из всего комплекса наших военно-политических интересов, а именно – положение в Афганистане и на наших южных границах. Другие аспекты международной политики в расчет не принимались, не говоря уже о политике внутренней.

Введя войска в Афганистан и оставшись там на долгие годы, мы дали хороший повод США для более активного вмешательства в дела

этого региона и обеспечили ему надежных союзников в проведении антисоветского курса.

Высшее советское руководство не предусмотрело реакцию мусульманского мира на ввод войск. В одночасье мы потеряли в этом мире друзей и приобрели много врагов, да и движение неприсоединения отвернулось от нас.

Но главное – это то, что при принятии данного решения были полностью проигнорированы вопросы внутреннего положения в СССР.

Похоже, что высшие руководители продолжали верить в монолитность нашего общества, национальное единство, надежность армии и неисчерпаемые экономические возможности.

То, что наше вооруженное вмешательство в Венгрии и Чехословакии было крайне негативно встречено частью советской интеллигенции, предпочли забыть, а этого не следовало бы делать.

Самое же прискорбное состояло в том, что не была учтена реакция населения на гибель наших солдат в Афганистане. Смерть и увечья тысяч молодых людей во имя непонятных «стратегических интересов» с каждым днем подрывали доверие населения Советского Союза к своим руководителям. Только полным параличом высшей власти можно объяснить то, что наша разлагающаяся армия целых десять лет оставалась в Афганистане.

Горькие плоды афганской трагедии мы пожинаем и по сию пору.

7

Гуманная миссия разведки

Международная жизнь человечества сложна и многообразна. В процесс реализации естественной потребности различных стран и народов в поддержании взаимных многоплановых отношений вовлечены миллионы людей. Однако далеко не всегда он протекает спокойно, гладко и конструктивно. Даже в сравнительно мирное время то и дело на планете возникают «горячие точки», полыхают так называемые локальные войны, вспыхивают кризисы, тлеют и разгораются конфликты разной интенсивности. И, к сожалению, никогда не обходится без жертв, без того, чтобы жизнь простых людей не подвергалась опасности, а сами они не лишались насильственно свободы. Выручать соотечественников, попавших в беду на чужбине, ставших пленниками или заложниками, подвергающихся лишениям, истязаниям и унижениям, – святая обязанность как официальных государственных структур, так и общественных организаций каждой страны. Но когда их возможностей, равно как и полномочий различных международных организаций, оказывается недостаточно, то для выполнения упомянутых задач приходится прибегать к неординарным методам и средствам. Как свидетельствует международный опыт, в таких случаях обязательно вспоминают о специальных службах, в первую очередь о разведках. И в большинстве ситуаций именно им и, пожалуй, только им решение этих гуманных проблем по плечу.

В истории нашей страны много случаев, когда разведчики выручали из беды советских (российских) граждан, командированных в зарубежные страны с многообразными профессиональными миссиями и попавших в опасные для жизни чрезвычайные ситуации. Перечень стран, в основном афро-азиатских, где наши соотечественники были жертвами конфликтов, преступлений, провокаций, достаточно длинен. Например, можно упомянуть такие страны, как Ангола, Бангладеш, Бирма (ныне Мьянма), Ливан, Пакистан, Сомали, Эфиопия и, конечно, Афганистан.

Проблемы, связанные с исчезновением и поисками граждан в Афганистане, возникали в прошлом неоднократно. То незадачливые рыбаки или охотники увлекались своим добычливым промыслом и теряли ориентировку на почти незнакомой местности, то партия геологов, мелиораторов или строителей из-за непогоды или других непредвиденных обстоятельств не выходила на связь в заданное место и в урочное время. Но до начала 1980-х годов не припоминается ни единого эпизода с захватом советских граждан в заложники или с агрессивным враждебным нападением с целью нанесения физического, материального или морального ущерба. Напротив, местные жители обычно произносили слово «шоурави» (советский) уважительно и доброжелательно и почти никогда не отказывали в помощи. Достаточно красноречив в этом смысле случай, о котором поведал один из наших ветеранов генерал-майор Костромин Лев Петрович. По его словам, однажды в глухой афганской глубинке группа сотрудников посольства СССР, не пожелав остановиться на ночлег в кишлаке, расположилась в чистом поле у дороги и устроилась спать в автомашине. Проснувшись утром, увидели на некотором расстоянии чинно восседавших прямо на камнях аксакалов в чалмах и халатах.

– Ассаламо алейкум, уважаемые, – вежливо поздоровались русские дипломаты. – А как же вы здесь оказались?

– Мир и вам, дорогие шоурави, – прозвучало в ответ. – А мы вас охраняем от недобрых людей, саибы (господа).

И вот после ввода в Афганистан ограниченного контингента Советской Армии (40-й армии) в декабре 1979 года обстановка стала быстро меняться к худшему. Началась долгая и жестокая война, каждая из сторон в которой отстаивала свою собственную правду. А на войне не обходится не только без убитых и раненых, но и без пленных, и без вести пропавших. Их розыском и вызволением занимались с советской стороны практически все наши заграничные учреждения: посольство СССР, торговое представительство, аппарат экономического советника и т.д. Но основная тяжесть в этих сложных и деликатных делах выпадала на плечи органов военной контрразведки, представительств КГБ и МВД СССР и резидентуры внешней разведки. За годы военных действий (1980–1989 гг.) в Афганистане оказались в плену у моджахедов различной религиозно-политической окраски или пропали без вести 417 советских солдат и офицеров. Из них удалось разыскать и освободить 119 человек. Нельзя не отметить, что солидный вклад в успешное завершение этих дел внесли также афганские органы безопасности и ряд официальных государственных учреждений и ведомств Демократической Республики Афганистан (ДРА).

По состоянию на 15 февраля 1989 года, то есть дату начала вывода советских войск из ДРА, оставалась неясной судьба 298 военнослужащих. Их последующий розыск стал обязанностью не только советских государственных структур, но и моральным добровольным

долгом различных общественных организаций Советского Союза. Некоторую помощь оказывали и международные гуманитарные миссии, например Красный Крест. Что касается афганской стороны, то ее содействие неуклонно сокращалось, а с падением режима Наджибуллы и захвата власти талибами полностью иссякло.

Но наша внешняя разведка ни на минуту не останавливала своей систематической работы по вызволению пленных и установлению судьбы без вести пропавших. В этих целях в Первом главном управлении КГБ СССР, а затем в Службе внешней разведки Российской Федерации была создана и функционирует специальная рабочая группа во главе с генерал-лейтенантом в отставке Голубевым Александром Титовичем. Среди ее сотрудников заслуживает особого упоминания полковник Бирюков Леонид Игнатьевич, который за свой самоотверженный труд на этом нелегком поприще удостоился неформального, но уважительного прозвища среди соотечественников и афганцев – Леонид-освободитель. В своей работе наши разведчики поддерживают постоянные тесные контакты не только с соответствующими российскими ведомствами, но и с государственно-политическими и общественными структурами стран – членов СНГ. Наиболее ценными и результативными следует признать контакты группы А.Т. Голубева и в целом СВР с Комитетом по делам воинов-интернационалистов, учрежденным в соответствии с решением саммита глав государств СНГ. Поистине братское взаимодействие осуществляется с белорусскими, таджикскими, туркменскими, узбекскими и украинскими коллегами.

Мероприятия разведки на данном направлении ее деятельности находятся на контроле у Президента России и его администрации.

За последние годы усилиями наших разведчиков удалось вернуть на Родину или установить места захоронения 22 человек. Кропотливая работа по розыску оставшихся 276 бывших военнослужащих 40-й армии продолжается. Среди них русские, украинцы, узбеки, казахи, белорусы, туркмены, азербайджанцы, грузины, молдаване, таджики, армяне. Наверняка кто-то из них еще жив и хотел бы подать весточку о себе своим родным и близким. Так что гуманная миссия нашей внешней разведки еще далеко не исчерпана. Она продолжается.

Достаточно уникальный опыт по вызволению советских граждан из заложников накоплен и другими резидентурами КГБ – СВР. С ним читатели могут ознакомиться в двух нижеследующих очерках.

Похищение в Бейруте

30 сентября 1985 года ближневосточные информационные агентства передали сенсационную новость: неизвестная организация, назвавшая себя «Силы Халеда бен аль-Валида», захватила в ливанской столице заложниками четырех сотрудников советских учреждений.

В этот день на бейрутских улицах были совершены вооруженные налеты на две автомашины посольства СССР и похищены сотрудник торгпредства Валерий Мыриков, атташе посольства Олег Спирин, работник консульства Аркадий Катков и врач Николай Свирский.

Захват иностранцев в этой стране, охваченной тогда многолетней гражданской войной, не был чем-то чрезвычайным. Подобные случаи постоянно происходили на фоне ожесточенных внутриливанских распрей. Государство и его столица оказались разделенными на многочисленные зоны влияния между различными политическими и религиозными группировками. Центральные ливанские власти, включая армию и спецслужбы, были ослаблены. Значительная часть страны находилась под контролем Сирии, а юг был оккупирован Израилем. Кроме того, во внутренние дела государства в то время активно вмешивался Иран, используя в этих целях организацию шиитов «Хизбаллах», в которую входили ливанцы и палестинцы – шииты по вероисповеданию.

Все эти факторы способствовали тому, что похищение противоборствующими сторонами своих противников и иностранцев (главным образом граждан США, Франции, Великобритании и некоторых других западных стран) стало обычным явлением. Многие из таких заложников находились в заключении долгие месяцы и даже годы, другие живыми вообще не возвращались. Одновременно в стране обычным явлением были грабежи, устраивались многочисленные диверсионно-террористические нападения. Подвергались этой опасности и советские граждане. Однако захват сотрудников посольства и торгпредства СССР был осуществлен впервые и на фоне дружественных арабо-советских связей даже в этих условиях оказался неожиданным.

Для сбора информации об организаторах и исполнителях террористической акции, а также о ее целях и месте нахождения заложников были немедленно задействованы возможности практически всех посольств и спецслужб СССР в странах Ближнего и Среднего Востока. А основная нагрузка легла на сотрудников внешней разведки КГБ в Ливане. Это объяснялось фактическим отсутствием возможности использовать официальные каналы в этой стране для освобождения заложников из-за слабости и раздробленности ливанских государственных структур. Используя накопленный оперативный и информационный потенциал, а также создав в сжатые сроки дополнительные разведывательные позиции, резидентура КГБ в Бейруте сумела уже к середине октября 1985 года установить организаторов и непосредственных исполнителей акции похищения граждан СССР, а также собрать данные о задачах, которые они стремились реализовать в результате этой террористической операции. В последующем была получена информация и о местах содержания заложников.

Анализ добытых сведений дал основание сделать вывод о том, что теракция, объектами которой стали советские люди, не была на-

правлена непосредственно против СССР. Экстремисты требовали от Москвы оказать давление на Сирию с целью прекращения военных действий Дамаска против палестинских лагерей и формирований мусульманских радикальных организаций на севере Ливана. В бейрутское бюро агентства Рейтер было подброшено письмо с предупреждением, что в случае невыполнения требований организации «Силы Халеда бен аль-Валида» она приступит к поочередной ликвидации захваченных заложников. К нему террористы приложили ксерокопии с их фотографиями, на которых к голове каждого был приставлен пистолет. Демонстрируя непреклонность своих намерений, экстремисты расстреляли раненого при захвате Аркадия Каткова и бросили его тело близ разбомбленного израильтянами столичного стадиона. В других подметных письмах они также пригрозили взорвать при невыполнении их условий советское посольство в Бейруте и ликвидировать весь его персонал.

Из Москвы пришли шифротелеграммы МИД и Комитета государственной безопасности, настаивавшие на срочной временной эвакуации из страны большинства посольских работников и специалистов, что было незамедлительно сделано. Остались лишь сотрудники, которые могли внести реальный вклад в проведение операций по спасению заложников и обеспечению безопасности совзагранучреждений. К тому времени прояснилось, что судьба заложников во многом зависит от позиции в этом вопросе руководства Сирии и ООП. Было принято решение направить в Дамаск и Тунис ответственных представителей КГБ для непосредственных деловых встреч с президентом САР Хафезом Асадом и лидером палестинцев Ясиром Арафатом.

Первые встречи с руководящими деятелями САР, в частности с вице-президентом Рифаатом Асадом – родным братом сирийского президента, показали, что решение вопроса о прямом участии сирийцев в освобождении заложников зависело лично от Хафеза Асада. Как было установлено, хоть он и был заинтересован в их вызволении, в то же время предпочитал не спешить. Это объяснялось тем, что в октябре 1985 года X. Асад вел очень сложные переговоры с американцами и ливанскими правохристианскими силами по вопросу о признании находящихся в Ливане сирийских войск в качестве международной миротворческой группировки, а не «оккупантов», как писали некоторые СМИ.

В этой обстановке слишком активное участие Сирии в освобождении советских заложников с участием САР, по мнению сирийского руководства, могло вызвать ревнивую реакцию Вашингтона, неоднократно обращавшегося к сирийцам с просьбой помочь освободить захваченных ранее ливанскими террористами американских граждан, но не всегда получавшего позитивные отклики. В частности, в период проведения мероприятий по спасению заложников из числа совграждан экстремистами в Ливане был убит ранее захваченный

там резидент ЦРУ Уильям Бакли. Прибывший в Дамаск из Москвы специальный представитель советской внешней разведки передал Хафезу Асаду имеющуюся разведывательную информацию, касающуюся похищения граждан СССР в Бейруте, и просьбу советского руководства прекратить обстрелы палестинских лагерей в Триполи.

На главу сирийского государства произвел впечатление тот факт, что внешняя разведка СССР располагала гораздо более подробными и точными сведениями о похитителях и местах содержания заложников, чем сирийские и ливанские спецслужбы. В тот же день посланца Москвы принял начальник Генштаба Шехаби и руководитель военной контрразведки САР Али Дуба. От них стало известно, что Х. Асад дал указание добиться освобождения советских граждан, начав при необходимости даже военные операции против любых сил, причастных к похищению.

Сирийцы, по их заявлениям, готовились провести «чистку» палестинских лагерей в Бейруте и его южных пригородах, где одно время, по данным резидентуры КГБ, находились пленники. Но этот вариант оказался неприемлемым, ибо бои в густонаселенных районах могли привести к гибели множества людей, не гарантируя при этом освобождения заложников. В Центр ушло убедительное предложение по предотвращению планируемой военно-полицейской акции сирийских войск. После этого из Москвы в адрес Х. Асада было направлено специальное послание, и президент САР согласился с ним. Операцию отменили.

Еще один путь к освобождению захваченных граждан СССР лежал через интенсивные контакты с руководством Организации освобождения Палестины. Один из сотрудников Центра был направлен к председателю Исполкома ООП Ясиру Арафату, чтобы вести с ним регулярные переговоры и консультации по этой проблеме. По распоряжению Министерства иностранных дел и высшего руководства Советского Союза с палестинскими лидерами встретился также временный поверенный СССР в Тунисе Караханов, после чего Я. Арафат дал указание подключить к операции по спасению советских людей спецслужбы ООП.

Сотрудники внешней разведки КГБ в Бейруте установили контакты с представителями военного командования Палестинского движения сопротивления в Ливане. После затяжных и сложных переговоров с ними, а также получения свежих агентурных материалов стало очевидно, что захват заложников совершила экстремистски настроенная группа палестинцев без какого-либо сговора с высшим руководством ПДС. Узнав о подоплеке этой акции, Я. Арафат попытался решить вопрос о быстром освобождении пленников, но к тому времени их передали непосредственно вооруженной группировке «Хизбаллах». Таким образом, Арафат сам оказался в какой-то мере заложником радикальной мусульманской организации, которая служила

проводником политических интересов Тегерана в Ливане. Решение проблемы захваченных советских людей пришлось искать на иных направлениях.

Примечательно, что в те тревожные дни многие ливанцы проявили солидарность с Советским Союзом, настолько велик был авторитет СССР среди арабов. Установить местонахождение похищенных заложников инициативно пытались и правые христиане, и местные коммунисты, шииты и сунниты, друзы. Ряд организаций изъявил готовность использовать свои вооруженные отряды для штурма места, где содержатся заложники, в случае его установления, и на определенном этапе такие варианты обсуждались. Особую роль в успешном исходе операции сыграли Прогрессивно-социалистическая партия Ливана (ПСП) и ее лидер Валид Джумблат. Именно они встали без всяких условий на защиту советского посольства в Бейруте. По решению руководства ПСП ее сторонники всего за одну ночь возвели вокруг комплекса зданий советского посольства линию бетонных укреплений и на наиболее опасных направлениях поставили несколько танков, выставили круглосуточные наряды вооруженной милиции, что практически исключало проезд и даже бесконтрольный проход мимо посольских построек.

Под наблюдением офицеров боевых подразделений В. Джумблата подошли самосвалы с песком. Были воздвигнуты мощные брустверы, скрывшие и защитившие уязвимые точки неподвижных танков от возможного обстрела. Над насыпями возвышались бронебашни с пушками, которые надежно держали под прицелом все подходы к танкам.

Такие меры безопасности отнюдь не были излишними, так как в предыдущие годы экстремистам удавалось взрывать здания американского, иракского, французского и других иностранных посольств в Бейруте, казармы многонациональных сил и т.д., при этом жертвы исчислялись десятками и сотнями.

Внезапное появление этого заградительного вала мгновенно стало достоянием прессы и, таким образом, всего Ливана. «Русские готовы к обороне. Их защищает Валид Джумблат, взяв под опеку посольство», – на разные лады сообщили газеты и телевидение. Эффектно сработал тот факт, что советских охраняют именно боевые отряды ПСП, имевшие военное превосходство в Западном Бейруте. Штурм посольства СССР оборачивался малопривлекательным делом. Быстро возникли блок-посты ПСП и ливанских коммунистов, охранявшие и другие советские учреждения в Ливане.

Тем временем важные для поиска сведения предоставили по каналам сотрудничества разведки Германской Демократической Республики, Алжира, Ирака, НДРЙ, Чехословакии, Венгрии, Болгарии и др. Однако далеко не все шло гладко даже там, где, казалось бы, не должно было возникать особых проблем.

Работа поисковой группы разведки осложнялась в значительной мере тем, что некоторые враждующие политические группировки в Ливане преднамеренно путали «карты», пытаясь в черном цвете представить роль своих противников, а похитители – перевалить ответственность за похищение, что называется, с больной головы на здоровую. Как уже потом стало известно, в первые дни совпосольство с выражением сочувствия и предложением помощи посетил даже один из главных организаторов и вдохновителей теракции. Поэтому разведкой прорабатывались и постоянно корректировались версии совершенного преступления. Уточнялось, насколько в нем замешаны конкретные организации мусульманских экстремистов, имеют ли все-таки отношение к случившемуся палестинцы и какое, кто имеет наибольшее влияние на похитителей и т.д.

Поисковая группа не могла себе позволить отбросить, не проверив, ни один из появлявшихся вариантов дела. Шел скрупулезный анализ деятельности экстремистских мусульманских организаций. Параллельно с различными версиями о возможной причастности той или иной организации к похищению прорабатывались и аргументы об их непричастности к этому. Все заносилось на пространную схему поисковых мероприятий. Дело осложнялось тем, что каждый выезд сотрудников в город и за его пределы в условиях объявленного похитителями ультиматума был сопряжен с риском для жизни и поэтому осуществлялся с оружием и в бронежилетах. В наиболее опасных случаях сотрудников резидентуры прикрывали советские пограничники из охраны посольства. Неоднократно после очередной угрозы приходилось выезжать в морги госпиталей для опознания обнаруженных трупов, но они оказывались телами посторонних лиц. Что касается самого поиска, то он вышел на новую качественную основу: по указанию президента Ливана Амина Жмайеля был создан специальный координационный комитет по спасению заложников, в который одновременно вошли офицеры ливанской армии и различных ливанских политорганизаций и сотрудники посольства СССР.

Временный поверенный в делах Советского Союза в Ливане Юрий Сусликов вручил заместителю председателя Высшего исламского совета страны Шамсэддину послание мусульманских авторитетов СССР. Руководство Сирии договорилось со своими политическими союзниками в Ливане о создании совместной комиссии по спасению захваченных советских граждан. Представителям сирийской разведки в Ливане были даны указания войти в контакт с представителями посольства СССР. Наши разведчики в Бейруте продолжали свой поиск между перманентными артиллерийскими дуэлями и уличными перестрелками противоборствующих ливанских группировок. Одно из интенсивных вооруженных столкновений застало резидента и еще двух сотрудников резидентуры в километре от советского посольства. Прошло более часа, прежде чем им удалось проник-

нуть в посольство по крайне опасному «коридору», образованному на несколько минут противоборствующими сторонами по обоюдной договоренности специально для проезда советских дипломатов.

Порой казалось, что успех рядом, еще небольшое усилие – и заложники будут на свободе. Но в последний момент что-то мешало довести дело до конца и приходилось поиск продолжать. Поступала информация о готовности террористов освободить заложников, но вдруг следовали данные об ужесточении ими позиции. Некоторые задействованные для получения оперативных данных и осуществления оперативных «игр» с похитителями источники разведки сами оказывались под угрозой, но самоотверженно продолжали работу. Один из них настолько близко был в окружении похитителей, что они даже советовались с ним, как поступать дальше.

Кстати, в те же дни – хотя и не столь интенсивно, как СССР, – Соединенные Штаты, Великобритания, Франция и другие западные державы продолжали проводить в Бейруте консультации для освобождения своих заложников. При этом они не первый раз предлагали за освобождение их соотечественников миллионы долларов. Такие предложения только раззадоривали потенциальных похитителей. Советский Союз такого торга не вел. Более того, через специально созданные каналы до экстремистов доводилась информация о полной бесперспективности ведения дел с СССР таким образом.

В Ливане продолжалась кропотливая работа разведчиков. Выяснив агентурным путем, что похищенные граждане СССР удерживаются организацией «Хизбаллах», резидентура в Бейруте запросила у Центра разрешение на встречу с ее духовным лидером Мухаммедом Фадлаллой. Москва дала «добро». Таким образом, резидент пошел на неординарный и в той обстановке весьма рискованный шаг, ибо шейх никогда не принимал представителей иностранных государств. Он жил под охраной своих боевиков в окраинном районе Бейрута, где европейцы не рисковали появляться. Встреча с ним состоялась при посредничестве руководителя службы безопасности ПСП Абу Саида.

Советскому резиденту было известно, что шейха Фадлаллу высоко чтят в шиитской общине Ливана. Титул аятолла ему присвоил сам вождь исламской революции в Иране Хомейни, сделав его равным себе. Трудно было поверить, что этот внешне благообразный человек, авторитетный теоретик и толкователь ислама, мог стоять за спиной похитителей. И тем не менее это было так! И то, что заложники удерживались именно этой организацией, к тому времени стало несомненным.

Не раскрывая уже известных достоверных фактов, резидент в беседе с Фадлаллой подчеркнул, что удерживаемые заложники страдают, хотя они представляют страну, дружественную арабам. И главное – эта трагедия не изменит политику великой державы. Советский Союз понимает, что похитителями и их вдохновителями совершена ошиб-

ка, и поэтому терпеливо ждет ее исправления. Резидент выразил надежду, что шейх тоже понимает это и его авторитет, которым он может воспользоваться, обратившись в адрес налетчиков во время очередной пятничной проповеди, возможно, решит вопрос об освобождении заложников. Шейх Фадлалла внимательно посмотрел на резидента и пообещал, что будет молиться за то, чтобы заложники были освобождены.

С просьбой оказать воздействие на «Хизбаллах» Москва обратилась и к королю Иордании Хусейну. Монарх дал понять, что он попытается использовать свое влияние на фундаменталистов, с тем чтобы облегчить судьбу заложников. В устах короля это означало многое, несмотря на внешнюю неопределенность будто бы вскользь оброненных слов. Аналогичные по смыслу послания были направлены лидеру Ливийской Джамахирии Каддафи и руководству Ирана. Эти страны заверили в «искренней» дружбе и готовности помочь.

В то время как кольцо поисковых работ сужалось, судьба удерживаемых советских заложников усложнилась. Однажды на рассвете их перевезли с повязками на глазах и со связанными руками в небольшой гараж. Там пленников обмотали с ног до головы широкой клейкой лентой, как египетские мумии. В сплошной ленточной поверхности оставили только маленькую щелку для ноздрей.

В таком замотанном виде их поместили в потайной плоский контейнер для перевозки людей и, возможно, оружия, размещенный под кузовом маленького грузовичка. По высоте он с трудом позволял втиснуть «упакованного» таким образом человека.

Маршрут движения лежал вдоль морского побережья, а затем через горный хребет в долину Бекаа. Это чувствовалось по работе двигателя и по характерному воздействию на уши возрастающей высоты. Пленникам стало понятно, зачем их так «запаковали». Без подобных предосторожностей проехать с ними через горы, минуя многочисленные посты ПСП, Сирийской национальной партии Ливана и САР, было невозможно. Заложников обмотали так плотно для того, чтобы они не могли обнаружить себя голосом, стуком или даже шевелением при проезде через эти посты.

В долине Бекаа их выгрузили на перевалочной базе – в каменном ангаре, заставленном ящиками с артиллерийскими снарядами и минами. После этого всех троих загрузили в багажники двух машин и вскоре доставили в большой деревенский дом. Он стоял на отшибе, вдали виднелись горы. Заложников поместили в сарай, пристегнув к ноге каждого по метровой железной цепи, крепящейся на замке к полу.

В конце октября Центр рекомендовал резиденту советской разведки в Бейруте встретиться еще раз с духовным лидером «Хизбаллах». В телеграмме из Москвы было указано, что в беседе с шейхом при необходимости следует даже оказать на него психологическое давле-

ние. Получив карт-бланш, резидент заявил в напряженно протекавшей беседе с шейхом Фадлаллой, что в сложившейся обстановке Советский Союз проявил максимум терпения, но от выжидания может перейти к серьезным действиям... Аятолла напрягся, крепко задумался, а затем ответил, что очень надеется на помощь Аллаха в освобождении заложников. После острого диалога сопровождавший резидента руководитель службы безопасности ПСП Абу Саид на обратном пути заметил, что он беспокоился, смогут ли они вообще выбраться из штаб-квартиры «Хизбаллах».

Прошло совсем немного времени. Вечером 30 октября 1985 года пограничник, дежуривший на главном входе в посольство СССР в Бейруте, всмотрелся в телеэкраны, отражающие подходы к советскому дипломатическому представительству. Трое бородатых незнакомцев в спортивных костюмах настойчиво звонили в дверь. Их узнали не сразу – бывших заложников Валерия Мырикова, Николая Свирского и Олега Спирина.

Накануне они были привезены с завязанными глазами на пустырь вблизи совпосольства. Похитители потребовали не снимать повязок, пока не утихнет шум отъезжающего автомобиля. Когда гул мотора стих, наши соотечественники, сняв с глаз широкие полотенца, немедленно устремились к посольству.

Заслуживает отдельного внимания тот факт, что вскоре после этого освобождения граждан СССР некоторые западные газеты публиковали домыслы о том, что советская разведка в целях освобождения своих заложников захватывала и пытала связанных с похищением лиц, даже якобы кастрировала одного из них и пригрозила поступить так же и в отношении других террористов. Якобы только после этого экстремисты и освободили советских заложников. Эти слухи не соответствуют действительности. Более того, необходимо подчеркнуть, что советская сторона и после освобождения заложников никаких репрессивных мер против организаторов и исполнителей похищения не принимала. Однако те, кто за этим стоял в то время, поняли, что разговаривать с нашей страной такими методами не только бесполезно, но и в ущерб себе.

Следует также отметить, что политическая и оперативная работа по освобождению советских заложников сопровождалась специальными мероприятиями информационно-пропагандистского характера, проводимыми по линии ТАСС, АПН и советской разведки. В результате коллективных действий «информационная война» против террористов была выиграна. В Ливане и большинстве арабских государств известие об успешном и в самые сжатые сроки освобождении советских граждан было воспринято с большим удовлетворением.

А в столице Ливана начался настоящий салют! На улицах Бейрута возникла пальба, продолжавшаяся повсеместно не менее часа. Дикторы центрального телевидения были даже вынуждены успоко-

ить граждан, объявив, в чем дело и что это не начало новых вооруженных столкновений.

В этой связи примечательно высказанное после освобождения заложников и прозвучавшего салюта доверительное признание в беседе с сотрудником совпосольства его американского коллеги: «Теперь я убедился и поражен, сколько же у вас здесь друзей!».

На одном из дипломатических приемов президент А. Жмайель, оценивая операцию по освобождению совграждан, сказал: «У нас вообще не было бы заложников либо число их сведено до минимума, если бы поиск и вызволение велись так, как это сделали русские».

Пленники «Золотого треугольника»

На стыке Южной и Юго-Восточной Азии, между Индией с северо-запада, Китаем с северо-востока и Таиландом с востока лежит древняя и самобытная страна Бирма[1].

Сложные исторические пути прошло бирманское государство – вело затяжные кровопролитные войны с соседями, в XIX веке стало колонией Великобритании, после Второй мировой войны, в 1948 году, вновь обрело независимость.

В середине 50-х годов стали развиваться политические и экономические связи Бирмы с СССР.

В последующие годы в Бирме произошли серьезные внутриполитические события. Попытки привить на бирманской почве основы парламентской демократии не принесли успеха. Жесткое соперничество политических партий завело страну в тупик и поставило ее на грань гражданской войны и раскола.

В этот сложный период высшее командование бирманской армии во главе с генералом Не Вином в 1962 году взяло власть в свои руки, восстановив решительными действиями относительную политическую стабильность в стране.

Бирмано-советское сотрудничество в этих условиях не только сохранилось, но и получило дальнейшее развитие. Завершилось строительство всех намеченных соглашениями объектов, в том числе и госпиталя в г. Таунджи – административном центре Шанской национальной области, где стали работать несколько советских специалистов.

Выбирая Таунджи для размещения нового госпиталя, бирманское правительство исходило из политики привлечения на свою сторону населяющих этот регион многочисленных национальных меньшинств, значительная часть которых находилась под влиянием сепаратистских элементов.

Таунджи – небольшой город, находящийся примерно в 700 км от Рангуна, в западной части Шанского нагорья. Юго-восточная часть нагорья, где сходятся границы Бирмы, Китая, Лаоса и Таиланда, из-

вестна как «Золотой треугольник». Это один из самых крупных в мире центров производства наркотиков. Здесь в труднодоступных горных районах местное население уже многие годы занимается выращиванием опиумного мака – фактически единственного товарного продукта, дающего ему средства к существованию.

Опиумное сырье скупается действующими в районе мафиозными группировками, которые на месте вырабатывают из него героин, переправляя затем наркотики через Таиланд к побережью Сиамского залива, где они вливаются в каналы международной контрабандной наркоторговли. Все попытки властей насильственно ликвидировать производство наркотиков или с помощью ООН заменить опиумный мак подходящими для этих мест сельскохозяйственными культурами дают ограниченный и временный эффект из-за дороговизны осуществляемых мероприятий и яростного сопротивления наркомафии.

До поры до времени в Таунджи было все спокойно, хотя наличие «букета» потенциальных опасностей для наших граждан, работавших там, вызывало озабоченность руководства посольства и внешней разведки в Рангуне. Сотрудники нашей резидентуры периодически выезжали в Таунджи для ознакомления с оперативной обстановкой и проведения соответствующей работы с советскими гражданами. Однако беда все же случилась, и пришла она из «Золотого треугольника».

В выходной день 15 апреля 1973 года врачи госпиталя Борис Пятницкий и Станислав Виноградов прогуливались с семьями по улице недалеко от своих коттеджей на окраине Таунджи. Неожиданно с ними поравнялся отряд солдат в форме британской армии. Это никого не насторожило, поскольку присутствие военных в таком «прифронтовом» городе, как Таунджи, было явлением обычным.

Однако дальше произошло непредвиденное. Люди в военной форме, а их было около двадцати человек, оттеснили Бориса и Станислава от жен, надели на врачей наручники и повели в сторону поросших лесом гор.

Обескураженные женщины сначала не могли понять, что случилось. Надеялись, что вот-вот недоразумение благополучно разрешится и их мужья вернутся домой.

Когда они подняли тревогу и обратились за помощью к местным властям, было уже поздно. Прочесывание местности в районе похищения не дало результатов. Похитители вместе с их жертвами скрылись в джунглях.

Сообщение из Таунджи о похищении Виноградова и Пятницкого вызвало большую тревогу и озабоченность в коллективах совпосольства и нашей резидентуры. После соответствующих консультаций с Центром резидентура приступила к реализации дополнительных мер по обеспечению безопасности советских граждан, работавших в Бирме. Одновременно в работе с агентурой и оперативными связя-

ми был сделан упор на получение информации о местопребывании наших людей и возможных путях воздействия на их похитителей.

Определенные надежды возлагались на имевшиеся доверительные контакты в среде вышедших из подполья и легализовавшихся бывших членов левых и националистических организаций, ранее базировавшихся на территории Шанского нагорья. Однако на проработку этих мероприятий уходило много времени и усилий, а отдача от них была незначительной. По линии совпосольства на всех уровнях поднимался вопрос об обеспечении безопасности советских граждан и принятии срочных мер бирманскими властями для освобождения Виноградова и Пятницкого. Однако бирманская сторона в первые дни после случившегося пребывала в неведении относительно исполнителей этой террористической акции и фактически бездействовала. Вся тяжесть работы по освобождению советских людей легла на посольство, а практически – на резидентуру.

В Таунджи сразу же вылетел заместитель резидента внешней разведки для выяснения на месте деталей происшествия. Первое, что ему предстояло сделать, – это выяснить, кто и с какой целью осуществил похищение советских граждан.

В беседе оперработника с командующим правительственными войсками, дислоцированными в этом регионе, выяснилось, что воздушной разведкой в нескольких десятках километров от города в джунглях обнаружен караван вьючных лошадей, двигавшийся в направлении границы с Таиландом. Военные предположили, что люди из этого каравана и похитили врачей. Но это было лишь предположение.

Вопрос о том, какая конкретно группировка пошла на захват заложников, какова цель похитителей, оставался открытым, хотя ответ на него имел большое значение для выяснения обстоятельств дела и последующих действий по освобождению Виноградова и Пятницкого. Первые сведения об этом были получены неофициальным путем.

Оперативный работник, прибывший в Таунджи, поселился в единственной в городе гостинице. Вечером в холле гостиницы ему удалось разговориться с бирманцем из Рангуна, который, как оказалось, часто бывал в Таунджи по делам и располагал здесь хорошими связями. Опытный оперработник интуитивно почувствовал, что бирманец мог бы помочь прояснить многие вопросы.

Однако собеседник оказался резко настроенным против бирманского военного режима и упрекал Советский Союз за оказание помощи Не Вину. Пришлось долго доказывать ему, что СССР оказывает помощь не просто правящему режиму, а народу Бирмы, свидетельством чего была и самоотверженная работа советских врачей в госпитале Таунджи.

В результате продолжительной беседы бирманец наконец согласился с высказанными доводами и вызвался помочь в выяснении подробностей происшествия и судьбы наших врачей.

Интуиция не подвела разведчика – следующим вечером новый знакомый сообщил ему, что, по данным из местных деловых кругов, советских граждан захватили люди шанского наркобарона Кун Са. Резидентуре эта фигура была достаточно хорошо известна. Кун Са – глава шанских сепаратистов, известный авантюрист и крупный мафиозный деятель, промышлявший контрабандой наркотиков и драгоценных камней из Бирмы. Располагая значительными денежными средствами, он содержал хорошо вооруженные отряды своих сторонников, обеспечивавших безопасность его преступного «бизнеса». Главные базы и опорные пункты «войска» Кун Са располагались в горной местности на северо-востоке Бирмы – в районе «Золотого треугольника».

В течение нескольких лет «армия» Кун Са по соглашению с бирманским правительством занималась «охраной» большого участка северо-восточной границы Бирмы. Такое положение давало Кун Са свободу действий в приграничных районах и позволяло безопасно заниматься наркобизнесом.

В конце концов правительство Бирмы, поняв бесполезность сотрудничества с Кун Са, решило навести порядок в Шанской области. Кун Са был арестован и помещен в рангунскую тюрьму. Бирманская армия развернула военные действия против формирований шанских сепаратистов, стремясь взять под свой контроль всю территорию Шанского нагорья, включая и район «Золотого треугольника».

Тем не менее полностью выполнить эту задачу правительственным силам не удалось. Действия бирманской армии затрудняли людям Кун Са занятия наркобизнесом, но не могли парализовать его. Отряды боевиков Кун Са чаще всего уходили из-под ударов армии и скрывались в своих лесных лагерях, устраиваемых в отдаленных, труднодоступных местах Шанского нагорья, куда правительственные войска не решались втягиваться без поддержки военной техники.

Итак, Кун Са оказался за решеткой. В условиях военного режима пребывание в заключении могло затянуться надолго. В такой ситуации сторонники Кун Са, очевидно, с его ведома, и предприняли акцию по захвату заложников-иностранцев, чтобы в обмен на них добиться от бирманского правительства освобождения своего предводителя.

Полученные разведчиком в Таунджи сведения оказались чрезвычайно полезными в переговорах с бирманскими властями. Вскоре Министерство иностранных дел было вынуждено официально признать, что наши врачи похищены шанскими сепаратистами, которые предложили правительству Бирмы обменять их на Кун Са. Одновременно со ссылкой на мнение высшего бирманского руководства было заявлено, что бирманская сторона решила не принимать условий сторонников Кун Са и начать новую военную операцию против наркоторговцев-террористов, в ходе которой и освободить заложников.

Это не сулило ничего хорошего для наших людей. Для бирманцев главное было разгромить сепаратистов, а не освободить их пленников.

Как рассказали после своего освобождения Виноградов и Пятницкий, отряд шанов с заложниками все время был в движении. Дни проходили в переходах от одной стоянки до другой. Останавливались боевики в горных деревнях, где всегда находили хижины для ночлега, воду, пищу.

Стоянки в деревнях были непродолжительными. День-два, иногда дольше, а затем снова переходы, лесные тропы. Лишь в одном месте, вероятно, в каком-то базовом лагере, отряд простоял почти месяц.

Станиславу и Борису выдали полувоенную форму – куртки и брюки, солдатские ботинки. Кормили однообразно: рис, какие-то овощи, немного мяса.

Охраняли постоянно и тщательно. У хижин, где ночевали заложники, стояли часовые, один из охранников всегда находился внутри помещения. Приставленный к пленникам «опекун», говоривший по-английски, периодически сообщал, что шаны ведут переговоры о судьбе захваченных врачей и скоро их освободят. Но проходил день за днем, и ничего не менялось. Отряд с заложниками продолжал кружить по Шанскому нагорью, уклоняясь от столкновений с частями бирманской армии, которые действительно предпринимали активные действия с использованием авиации.

В конце мая отряд неожиданно разделился, и Бориса со Станиславом закрепили за разными небольшими группами, которым легче было уходить от бомбардировок бирманской авиации. Они ненадолго увиделись снова месяца через четыре, когда их группы встретились на стоянке в одной из деревень, а затем еще раз – уже в 1974 году, недели за две до освобождения Станислава Виноградова.

В связи с четко определившейся тенденцией перемещения наших граждан в направлении никем не охраняемой бирманско-таиландской границы и реальной возможностью выхода групп шанских сепаратистов на территорию Таиланда руководство внешней разведки приняло решение подключить резидентуру в Бангкоке к работе по получению информации о местонахождении похищенных советских граждан и поискам путей их освобождения. Коллектив резидентуры воспринял это задание Центра серьезно и ответственно. Разведчики вместе обсудили проблему, наметили первоочередные шаги.

Началась долгая и кропотливая работа. В результате резидентура вышла на представителей высших военных кругов Таиланда, которые поручили одному из генералов непосредственно заняться проблемой освобождения наших врачей.

Таиландские военные службы установили, что наши врачи живы и находятся в относительной безопасности, поскольку их содержат в стороне от основных сил шанов, против которых ведут боевые действия бирманские правительственные войска.

Из-за жесткой негативной позиции бирманских властей шаны потеряли надежду обменять заложников на Кун Са. Поэтому тут весьма кстати оказалось сформулированное нашей резидентурой предложение таиландских посредников обсудить условия освобождения советских врачей за денежный выкуп.

До шанского руководства было доведено следующее предложение Москвы: шаны выводят заложников к бирмано-таиландской границе и передают их таиландским властям; деньги получают от посредников после освобождения обоих врачей.

Из-за специфики условий, в которых находились договаривающиеся стороны, переговоры шли медленно и долго. А время шло, каждая неделя в неволе давалась пленникам трудно, и чем дальше – тем тяжелее. Наконец на исходе 1973 года шаны дали согласие на освобождение захваченных ими советских граждан за выкуп в размере 250 тысяч американских долларов.

К этому времени бирманские войска, не добившись своей цели, практически уже свернули операции против шанов. Путь на юг стал свободен. Шаны начали комплектовать караван с контрабандными товарами для похода к таиландской границе.

Тем не менее новый, 1974 год Борис Пятницкий и Станислав Виноградов встретили в джунглях «Золотого треугольника».

В начале января отряды, в которых находились заложники, вновь сошлись в одной из горных деревень. Все говорило о том, что шаны готовятся к большому походу: шла упаковка тюков с поклажей, приводили новых лошадей, увеличилось число вооруженных боевиков.

Врачам объявили, что их скоро освободят. Один пойдет к таиландской границе с этим караваном, второй – со следующим. Какими соображениями руководствовались при этом шаны – неизвестно. Но поступили они именно так.

Первым выпало идти Станиславу Виноградову. Борис Пятницкий написал и передал Станиславу письмо своим родным. Теперь в заложниках оставался он один.

К концу месяца караван вышел к таиландской границе, но признаков границы здесь не было и в помине. Все те же невысокие горы, покрытые лесами, долины, речки. Никаких пограничных сооружений, столбов, полос, заграждений и постов, никаких пограничников.

Станислав Виноградов понял, что находится в Таиланде, только тогда, когда в один из дней около стоянки его отряда сел вертолет с незнакомыми опознавательными знаками, и из него вышли подтянутые военные в форме, отличавшейся от бирманской.

Старший из таиландских офицеров о чем-то коротко переговорил с шанами, спросил у Станислава его фамилию, что-то записал. Вскоре вертолет улетел. Станислав понял, что освобождение действительно близко.

Через два томительных дня тот же вертолет возвратился с военным явно генеральского звания, судя по погонам и той почтительности, с какой относились к нему окружающие.

Виноградова пригласили в вертолет. Винтокрылая машина взлетела, оставив внизу лагерь шанов, и после примерно часового полета приземлилась на лужайке около аккуратного коттеджа в черте довольно большого населенного пункта.

После короткого отдыха Станислава вместе с генералом повезли на автомашине в Бангкок.

Ехали долго, часов одиннадцать-двенадцать. Приехали в таиландскую столицу уже ночью, прямо к вилле генерала. Станиславу отвели комнату, где он и переночевал.

К полудню к вилле подъехала машина с советским консульским работником, и Виноградов простился с гостеприимным домом генерала. Меньше чем через час Станислав прибыл в посольство СССР в Таиланде. Здесь он провел несколько дней в ожидании рейса «Аэрофлота» на Москву.

Настал день отлета на Родину. 11 февраля 1974 года один из оперативных работников бангкокской резидентуры привез Виноградова на ту же виллу, где Станислав ночевал после прибытия в Бангкок. Там они пересели в машину хозяина виллы, доставившую их прямо к трапу советского самолета ИЛ-62, готового к вылету в Москву.

Станислав распрощался со своими спутниками и поднялся в салон авиалайнера. Впереди была Москва, встреча с родными в аэропорту «Шереметьево» и возвращение домой.

Борис Пятницкий же оставался в плену у шанов. Им понадобилось еще долгих четыре месяца, чтобы снарядить новый караван и вывести его к границе с Таиландом.

14 июня 1974 года Борис оказался на таиландской территории, а вечером 18 июня – в Бангкоке, на той же вилле, где в свое время ночевал Станислав Виноградов.

На этот раз таиландское руководство решило передать советского врача посольству СССР официальным путем.

20 июня 1974 года Бориса Пятницкого доставили в штаб-квартиру Центрального командования сил безопасности в Бангкоке, где уже находились министр обороны Таиланда Тави Чуласап и посол СССР Борис Ильичев. Состоялась пресс-конференция в присутствии почти 40 местных и иностранных журналистов, в ходе которой Тави Чуласап объявил об освобождении Бориса Пятницкого и передаче его советскому посольству, подчеркнув, что это является актом доброй воли со стороны таиландского правительства.

После пресс-конференции Пятницкий и посол Ильичев приехали в посольство СССР. Главные волнения остались позади.

21 июня резидент внешней разведки встретился с представителем таиландских военных кругов, непосредственно занимавшимся

проблемой освобождения наших врачей, и в соответствии с имевшейся договоренностью вручил ему для передачи шанам 250 тысяч американских долларов.

Так завершилась операция по освобождению Станислава Виноградова и Бориса Пятницкого из шанского плена.

25 июня 1974 года Борис Пятницкий на рейсовом самолете «Аэрофлота» вылетел из Бангкока на Родину. В Москве его ждала встреча со Станиславом Виноградовым, небольшой отдых и возвращение в сибирский город Кемерово, где Борис работал до командировки в Бирму и где жила его семья.

Хотя в описываемые здесь времена внешняя разведка еще не имела большого опыта непосредственной борьбы с террористами (похитителями заложников) в условиях заграницы, ее сотрудники в резидентурах в Бирме и Таиланде работали над решением поставленной Центром задачи оперативно, грамотно, терпеливо и настойчиво, и в результате добились освобождения наших граждан из неволи. При этом разведчикам удавалось сохранять достаточный уровень конспирации в ходе проведения этой операции, что помогало избегать возможных осложнений.

---

[1] Географические и политические термины, упоминаемые в тексте, даются в вариантах, использовавшихся в описываемый период.

8
Уроки аварии на Чернобыльской АЭС

В истории научно-технической разведки есть примеры операций, которые не подходят под категорию разведывательных, но также заслуживают внимания общественности. Пример такого рода, в частности, – участие НТР в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Эта авария, как известно, произошла 26 апреля 1986 года. 29 апреля руководство разведки поручило НТР срочно запросить у ряда резидентур информацию об опыте тушения пожаров на атомных электростанциях, прежде всего на американской АЭС «Три Майлз Айленд». Почти в это же время по телевидению было передано официальное сообщение об аварии. На следующий день НТР запросила разрешение руководства Комитета госбезопасности СССР послать на место аварии своего представителя и подключиться к проводимым там работам. Бывший в то время председателем КГБ В.М. Чебриков дал указание использовать все возможности НТР для помощи в проведении работ в Чернобыле.

2 мая в Чернобыль для работы в аппарате правительственной комиссии по ликвидации последствий аварии на АЭС вылетел сотрудник НТР, специалист в области физики плазмы, кандидат физико-математических наук А.В. Белов[1]. К этому времени в Чернобыле собралась большая группа ученых-специалистов Академии наук СССР, Министерства энергетики и Министерства среднего машиностроения. Эта группа анализировала ситуацию на месте аварии, проводила экспертизу предлагаемых решений и готовила предложения для комиссии. Необходимая информация поступала к ним от различных министерств и ведомств. В задачу нашего сотрудника входило прежде всего обеспечение комиссии зарубежной научно-технической информацией.

Авария породила множество сложнейших научно-технических проблем, в решении которых комиссия полагалась не только на высокую квалификацию и опыт советских ученых и специалистов, но и

учитывала опыт зарубежных экспертов, результаты научных и технических достижений Запада.

По прибытии в Чернобыль сотрудник НТР был принят председателем комиссии, заместителем Председателя Совета министров СССР И.С. Силаевым, который, в частности, сказал: «Мы придаем большое значение информации разведки. Несмотря на то, что у нас здесь собраны прекрасные специалисты и в нашем распоряжении находятся практически все лучшие научные силы страны, проблема, с которой мы столкнулись, настолько сложна, а главное, чересчур ответственна, что будет правильно, если мы сможем получать рекомендации по интересующим нас вопросам ведущих специалистов Запада. Нам нужна информация для сопоставления, ну и, конечно, любая другая информация, которая поможет справиться с этой бедой».

Ответы на вопросы комиссии специалисты разведки искали в материалах, имевшихся в банке данных НТР или поступавших по нашим запросам из резидентур. Информационный поиск проводился одновременно в нескольких странах. Были задействованы все оперативные возможности, кроме того, наши сотрудники беседовали с зарубежными специалистами и с официальных позиций. Понимание за рубежом серьезности угрозы последствий чернобыльской катастрофы во многих случаях способствовало благожелательному отношению к нашим просьбам при обращении за информацией. Все получаемые сведения обобщались и передавались телеграфом в адрес комиссии или нашему представителю в Чернобыле. Параллельно высылались документальные материалы, использовавшиеся при подготовке обобщенной информации. Наиболее важные сведения докладывались правительству.

С представителем НТР в Чернобыле А.В. Беловым поддерживалась связь по телефону ВЧ. В аэропорту «Внуково» постоянно дежурил сотрудник НТР, который по договоренности с Министерством гражданской авиации мог направлять информацию с экипажем рейсового самолета в Киев, откуда эти материалы автотранспортом доставлялись в Чернобыль.

Круглосуточное дежурство специалистов – офицеров разведки осуществлялось и в центральном аппарате НТР в Москве.

Особенно интенсивная работа проводилась в первой декаде мая. В этот период оперативно обобщалась и направлялась в Чернобыль зарубежная информация по широкому кругу проблем, связанных со строительством, эксплуатацией и обеспечением безопасности атомных электростанций. Надо сказать, что к середине 80-х годов в США и ряде стран Западной Европы были завершены серьезные исследовательские работы и накоплен значительный объем информации по этим вопросам.

На одном из первых заседаний комиссии потребовалось ответить на вопрос, чем засыпать аварийный реактор, чтобы понизить темпе-

ратуру процесса и предотвратить возможность развития цепной реакции. Серьезное беспокойство вызывала у Комиссии опасность того, что шестиметровый железобетонный поддон аварийного реактора мог прогореть и расплавленная радиоактивная масса проникла бы в верхний слой грунта под реактором. Плотность радиоактивных элементов при этом возрастет, и в расплаве образуется критическая масса, находящаяся под большим давлением, результатом появления которой будет атомный взрыв.

НТР направила в Чернобыль результаты зарубежных расчетов скорости прогорания поддона для различных материалов и температур, которые убедили комиссию в необходимости создания специальной системы охлаждения поддона. Не менее важно было определить температуру внутри реактора. Сделать это можно было лишь с помощью специальных самых современных приборов, которыми наша страна в то время не располагала. Приобрести образец такого прибора было поручено НТР, что и было выполнено в предельно сжатые сроки.

Беспокоила комиссию и возможность попадания зараженных грунтовых вод в реку Припять. Радионуклиды накапливались в иле и оседали на дно реки. С началом паводка затопление прибрежных территорий грозило заражением больших площадей. Увеличение потоков грунтовых вод в этот период еще более усиливало опасность радиоактивного загрязнения. НТР обобщила западную информацию по этой проблеме и направила в комиссию, правительствам Украины и Белоруссии сообщение о зарубежном опыте строительства прибрежных заградительных дамб для защиты рек от зараженных грунтовых вод.

Большая работа была проведена по сбору зарубежных норм допустимых доз радиоактивного облучения людей, животных, а также заражения продуктов питания и окружающей среды. 10 мая в Чернобыль был отправлен обобщенный на базе зарубежных материалов документ «О зарубежных нормах облучения различных групп населения и допустимых уровнях радиоактивного заражения почв, воздуха, воды и сельскохозяйственных продуктов».

Разведка информировала комиссию и по таким вопросам, как механизм и оценка процессов распространения радиоактивных элементов в почве, зарубежные методы лечения больных при больших дозах облучения радиацией, проблемы использования зараженных участков территории для выращивания сельскохозяйственных продуктов, ожидаемый уровень заболеваний населения после аварии и ее отдаленные последствия. Материалы НТР оказались, в частности, полезными и при решении вопроса о предотвращении переноса радионуклидов с пылью и песком при сильных ветрах с зараженных участков. Используя эти материалы, комиссия организовала производство на месте специальной полимерной жидкости, которая при

распылении покрывала зараженные участки поверхности почвы тонкой полимерной пленкой.

Примерно в это же время НТР подготовила и разослала в заинтересованные министерства и ведомства ряд обобщенных документов по вопросам предотвращения и ликвидации последствий аварий на АЭС.

Эффективность участия НТР в информационном обеспечении работ по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС объясняется тем, что в сферу ее информационных интересов входил, помимо других проблем, широкий спектр вопросов атомной энергетики и сопутствующих ей областей науки и техники. Поручения комиссии, как правило, не выходили за пределы компетенции разведки. В ее распоряжении имелись информационные фонды по большинству интересующих комиссию проблем. Кроме того, в центральном аппарате разведки и в составе зарубежных резидентур было много квалифицированных специалистов в области ядерной энергетики.

Накопленный НТР в процессе работы по ядерной проблематике опыт обеспечивал ее специалистам знание ситуации с информацией в этой области за рубежом. Они хорошо знали, где искать нужные материалы и к кому обращаться. Важным фактором, обеспечившим успех работы НТР в Чернобыле, являлось присутствие на месте аварии А.В. Белова, квалифицированного специалиста в области ядерной энергетики. Он возвратился из Чернобыля, пробыв там несколько недель, и за свою работу был награжден орденом.

Свой положительный опыт НТР использовала еще раз, участвуя в работах по ликвидации последствий землетрясения в Армении. Туда выезжал сотрудник НТР – врач по специальности. Помимо координации обеспечения работ информацией, приборами и техникой, поставляемой по каналам разведки, он оказывал и медицинскую помощь пострадавшим.

Рассказывая об участии НТР в работах по ликвидации последствий катастрофы в Чернобыле, уместно будет еще упомянуть об одной беседе, которая произошла там между сотрудником НТР и членом комиссии, заместителем директора Института атомной энергии имени И.В. Курчатова АН СССР, ныне покойным академиком В.А. Легасовым. Он, в частности, сказал: «Авария в Чернобыле явилась серьезным уроком и предупреждением всем тем, кто связан с ядерной энергетикой и в нашей стране, и за рубежом. Думаю, что соответствующие выводы из этой катастрофы будут сделаны всеми. Но меня в не меньшей степени беспокоит то, что в нашей стране сегодня существует большое множество производств, которые потенциально опасны и, если там произойдет что-либо подобное Чернобылю, последствия могут оказаться более ужасными, чем в данном случае. Я имею в виду прежде всего химические производства и некоторые предприятия чисто оборонного значения. Будем надеяться, что и к этим проблемам

чернобыльская катастрофа привлечет внимание тех, кому положено этим заниматься».

Прошли годы. Чернобыльская катастрофа и ее последствия получили широкий общественный резонанс. Стали известными ранее не публиковавшиеся факты. Масштабы постигшей страну беды были очень значительными. В то же время появились признаки того, что внимание правительства страны, государственных структур и ряда должностных лиц, обязанных сделать все необходимое, чтобы помочь пострадавшим людям и быстрее ликвидировать ущерб от аварии и ее последствия, ослабло. Многие важные вопросы практически не решались.

Стало известно, что расположенный в Киеве Всесоюзный научный центр радиационной медицины и ряд других аналогичных учреждений на Украине и в Белоруссии испытывали серьезную потребность в зарубежных информационных материалах. Совершенно не обеспеченной такими материалами оказалась и Брянская область России, серьезно пострадавшая от Чернобыльской аварии. Там обсуждался вопрос о создании крупного исследовательского центра для борьбы с последствиями катастрофы, а материалов для развертывания его работ недоставало. Сотрудники НТР выехали в Чернобыль, Киев, Минск и Брянск, выяснили потребность местных специалистов в информации. Через некоторое время им были направлены необходимые материалы по широкому спектру технических и медико-биологических проблем.

Накопленный в результате сотрудничества отечественной науки и специалистов с научно-технической разведкой России опыт позволил сопоставить различные пути борьбы с последствиями чрезвычайной ситуации на АЭС и избрать наиболее эффективные способы преодоления ущерба для населения и экологии страны, по-новому взглянуть на особенности развития современной атомной энергетики и смежных с ней областей, принять меры к предупреждению подобных катастроф в будущем.

Этот опыт явился немаловажным вкладом СВР в обеспечение безопасности жизненно важного сектора деятельности нашего общества, помог извлечь уроки для будущего.

---

[1] Фамилия изменена.

9

Юрий Владимирович Андропов

Писать об Андропове сложно и ответственно. Сложно потому, что сам он был человек непростой и вряд ли с кем-нибудь до конца откровенный. Ответственно потому, что он стоял у руля нашего государства, а это само по себе требует серьезного отношения пишущего к оценке таких лидеров. Поэтому мои страницы об Андропове – это лишь наброски, попытка воссоздать некоторые черты его характера, вспомнить обстоятельства встреч и бесед с ним, а также высказать свое суждение об отношении Андропова к разведке.

Начну с того, что Комитет госбезопасности явно нуждался в приходе человека такого масштаба, как Андропов. С одной стороны, нужен был опытный государственный деятель, а с другой – человек, которому эта служба была бы интересна и который был бы способен в своей работе дойти до низов, до понимания проблем рядовых исполнителей. Андропов, на мой взгляд, в наибольшей степени обладал такими качествами. Где он находил время для всестороннего охвата деятельности КГБ, остается загадкой. Здесь, конечно, проявились и особый дар, и настрой на такую работу. Но при этом каждый человек сам по себе был ему интересен, он постоянно вел поиск деятельных и содержательных людей, чтобы использовать их наиболее эффективным образом.

Каждый из предшественников Ю.В. Андропова проработал на посту председателя КГБ всего по нескольку лет, и лишь он поставил абсолютный рекорд – возглавлял службу безопасности государства в течение почти 15 лет. Этот период целиком приходится на так называемые застойные годы, но для сотрудников Комитета госбезопасности это были годы известной стабильности, организованности и порядка.

Первый председатель КГБ И.А. Серов не был свободен от груза прошлых преступлений, тяготевших над органами государственной безопасности, и плохо вписывался в изменения в стране, происходившие в 50-е годы.

А.Н. Шелепин, по общему впечатлению сотрудников, чувствовал себя на посту председателя человеком временным и не пустил глубоких корней в Комитете, а его преемник В.Е. Семичастный еще далеко не сформировался как государственный деятель, в нем было больше комсомольского задора, чем политической мудрости.

Что касается Ю.В. Андропова, то к моменту его назначения в КГБ в мае 1967 года за плечами у него был уже солидный послужной список: руководящая партийная работа в Карелии, посты посла СССР в Венгрии, заведующего отделом и секретаря ЦК КПСС. И он, как это почувствовалось довольно быстро, пришел в КГБ всерьез и надолго.

Получив известие о назначении Андропова председателем, сотрудники разведки, естественно, попытались выяснить у знакомых в аппарате ЦК КПСС, что он собой представляет. Ответы были обнадеживающими, однозначными и весьма лаконичными: «Ребята, вам повезло».

Однако для самого Юрия Владимировича приход в КГБ не был простым. Он серьезно беспокоился, как его здесь воспримут, очевидно, еще не сознавая в полной мере, какие изменения произошли в госбезопасности к 1967 году, когда в системе осталось лишь незначительное количество сотрудников, начинавших работу в органах в 30-е годы.

В Комитете Ю.В. Андропова встретили с надеждой на то, что при нем будет больше порядка, организованности, определенности и меньше сумасбродства, злоупотреблений и нарушений законности. Андропов привел с собой из аппарата ЦК КПСС небольшую команду, не более десяти человек. Держались они на первых порах тесной стайкой и все старались выяснить, нет ли вокруг Юрия Владимировича недоброжелательности или, не дай Бог, не зреет ли какая крамола. Эта группа была предана ему лично и стремилась всеми доступными средствами работать на повышение его авторитета, что порой выглядело даже смешным и наивным из-за прямолинейности в восхвалении достоинств нового председателя, в чем вообще не было никакой нужды. Надо сказать, что и Андропов заботился о своей команде. Из нее выпали, может быть, два-три человека, а остальные стали генералами и заняли ключевые посты в системе госбезопасности.

Пока команда врастала в жизнь КГБ, Андропов сам вел постоянный поиск новых людей для выдвижения на ответственные посты. Был он на первых порах склонен к быстрым очарованиям и разочарованиям. Смелый в суждениях, эрудированный человек сразу привлекал внимание Андропова, он его быстро двигал вверх, а потом, случалось, проявлялись организаторские изъяны и еще какие-нибудь негативные качества выдвиженца. Такого работника он быстро смещал с ключевой должности, переводя на менее ответственную. При этом Юрий Владимирович не таил зла, неприязни и сохранял благожелательность по отношению к тем, кого он двигал сначала вверх, а потом вниз. Порой он сетовал на то, что человек бывает трудно

предсказуем. На своей должности вроде бы хорош, а передвинь его на одну ступеньку повыше, он уже растерялся и запаниковал или – еще хуже – неожиданно превратился в грубияна и диктатора.

О том, что Андропов не был злопамятен и не стремился сводить личные счеты с людьми, причинившими ему когда-то неприятности, говорит такой факт. Однажды в разговоре со мной он поинтересовался, как чувствует себя и как работает один наш сотрудник старшего поколения, и рассказал с грустной усмешкой, что этот человек в момент, когда было сфабриковано так называемое ленинградское дело, выделил его, Андропова, вопрос в отдельное производство, что означало на практике неминуемый арест. Юрий Владимирович не только не пытался как-то наказать этого человека, но даже не увольнял его на пенсию, поскольку понимал, что не конкретный человек был повинен в подобных делах, а время тогда было жестокое.

Особое внимание Андропов уделял изучению руководящих сотрудников разведки и, надо сказать, преуспел в этом. Он достаточно хорошо знал руководителей крупных резидентур КГБ, регулярно общался с заместителями начальника Первого Главного управления, а также с начальниками ведущих подразделений разведки, в первую очередь с руководителями информационно-аналитической службы, управления внешней контрразведки, научно-технической разведки, службы активных мероприятий, начальниками географических отделов.

Сила Андропова состояла в том, что он с одинаковой активностью и вниманием руководил всеми звеньями КГБ, постоянно укрепляя их и уточняя задачи по ходу меняющейся обстановки в государстве и тщательно учитывая при этом международную обстановку.

Но что касается разведки, то с уверенностью можно сказать, что ее делами он интересовался особо. Это, впрочем, и понятно, так как последние годы до прихода в КГБ Андропов как раз и занимался внешнеполитическими вопросами (посол СССР в Венгрии, заведующий отделом социалистических стран ЦК КПСС).

И конечно, сами разведчики вызывали у него пристальный интерес. Он вел тщательный поиск среди них авторитетных людей, которые могли бы служить опорой в проводимых внешнеполитических акциях.

Юрий Владимирович полностью доверял начальнику разведки В.А. Крючкову, которого привел с собой в КГБ из аппарата ЦК КПСС и назначил его в 1971 году первым заместителем, а в 1974 году – начальником разведки.

Из числа ветеранов разведки он особо выделял Ивана Ивановича Агаянца и довольно часто повторял фразу: «Агаянц – это Дзержинский!». Смысла этого определения он не раскрывал, но с уверенностью можно полагать, что он имел в виду фанатичную преданность Ивана Ивановича делу разведки, его целеустремленность, высокий профессионализм и высочайшую работоспособность, несмотря на очень слабое здоровье (болезнь легких).

Иногда Андропов, правда, заводил разговоры несколько двусмысленного свойства, проверяя, как люди относятся к тому или иному руководителю. Он вдруг начинал слегка поругивать какого-нибудь начальника, втягивая в обсуждение своего собеседника. Я сам не раз подвергался подобным испытаниям, когда Юрий Владимирович позволял себе критические высказывания в адрес человека, к которому, как я доподлинно знал, он относился с большим доверием. Подобный метод, возможно, оправдан, если председатель КГБ нуждается в дополнительной информации об отношении к тем людям, которые стоят вокруг него, но мне лично такие игры не очень нравились.

Беседовать с Андроповым было совсем не просто. Он совершенно не терпел нудных докладов, построенных по стандартной схеме. Раздражался, перебивал докладчика, задавал множество неожиданных вопросов, и обычно такой неудачный доклад кончался вежливой выволочкой и занимал минимум времени. И наоборот, если докладчик попадался содержательный и рассказывал интересные вещи, сопровождая их оригинальными выводами и предложениями, беседа затягивалась и по увлекательности своей становилась сродни, выражаясь языком литературных критиков, интеллектуальному пиршеству.

Участвуя в переговорах Андропова с иностранными делегациями, присутствуя при докладах резидентов разведки, обсуждая бесконечные проблемы вроде афганской, я нередко покидал кабинет председателя с чувством неудовлетворенности самим собой, так как его уровень мышления, знания, умение нестандартно и увлекательно вести беседу заставляли осознавать, и иногда довольно остро, собственную некомпетентность в ряде вопросов, неспособность так же досконально разобраться в существе каких-то проблем. Иначе говоря, Андропов подавлял собеседника не своим положением, ибо держался просто и большей частью приветливо, а своей эрудированностью, знаниями и оригинальным видением вещей и событий.

Если, принимая в своем кабинете иностранные делегации, советских представителей, сотрудников КГБ, Андропов вел беседы свободно, не сковывая их рамками строго заданной программы, то в подготовке своих публичных докладов и выступлений отличался особой тщательностью и пунктуальностью. Получив от помощников составленный по его тезисам материал, он на два-три дня отключался от текущих дел и со всей скрупулезностью работал над текстом, тщательно выверяя все его положения.

Зная динамичную и даже резкую манеру бесед Андропова, я предупреждал резидентов, что к докладам и отчетам надо готовиться очень основательно, что необходимо знать все детали обсуждаемых вопросов и ориентироваться на ведение диалога, а не на спокойное повествование. «Учти, он не даст тебе спокойно говорить больше пяти минут, а будет задавать самые неожиданные вопросы», – примерно такую давал я «вводную» идущему «на ковер» к председателю.

Андропов был человеком скромным, но твердым. Он поставил себя так, что люди, как правило, не решались делать ему комплименты, пытавшийся нарушить это табу получал резкий отпор и мог потерять его расположение. Для человека такого уровня неприятие лести, несомненно, редкое качество, тем более что атмосфера вокруг Брежнева изобиловала обратными явлениями. С коррупцией и расточительством он боролся всегда, а одним из первых его актов после занятия поста генсека стало снятие с должности министра внутренних дел Щелокова. Вручаемые ему подарки Андропов, насколько мне известно, сдавал в государственную казну и требовал того же от своих заместителей.

Умел он и считать государственные деньги, решительно отвергая различные дорогостоящие проекты в КГБ и требуя сокращения расходов даже на разумные и оправданные разведывательные мероприятия. По некоторым делам, требовавшим его председательского согласия, приходилось делать к нему по три захода, пока он не давал добро или окончательно не отказывал.

О своем положении в высшем эшелоне государства он никогда не говорил, не подчеркивал своей значимости и лишь иногда, рассказывая о какой-либо сложной тяжбе с кем-то из высоких должностных лиц, употреблял такую фразу: «Я ему в ответ и сказал: “Я ведь тоже не самый последний человек в государстве”».

Юрий Владимирович, сколь ни банально звучит это утверждение, любил людей. Казалось бы, рвавшиеся в его служебный кабинет посетители и подчиненные должны были ему порядочно надоесть, и при его состоянии здоровья естественнее было бы ожидать стремления на время уединиться и передохнуть от бесконечных проблем и разговоров, а он тянулся к людям, постоянно испытывал желание расширить круг знакомств. Эту его общительность, умение слушать и рассказывать я хорошо почувствовал во время поездки 28–29 декабря 1981 года в Венгрию, куда он совершил свой последний официальный визит в качестве председателя КГБ. Там состоялись подписание очередных рабочих документов о сотрудничестве, вручение государственных наград СССР сотрудникам венгерского МВД, встреча уже больного Андропова с одряхлевшим Кадаром.

Делегация ехала поездом в двух специальных вагонах. Ехали весело и дружно. Обедали и ужинали все вместе в вагоне Андропова. Разговоры велись на разные темы – от высокой политики до элементарных анекдотов, общение было неформальным», а путешествие – по-настоящему приятным. К сожалению, в веселый и непринужденный разговор все время вторгалась тема о болезнях. Дело в том, что и в КГБ Юрий Владимирович пришел уже больным человеком, и его быстрое угасание происходило на наших глазах.

На приемах по случаю пребывания различных делегаций он ничего крепкого не пил, а лишь пригубливал легкое вино. Соблюдал он и строгую диету. А когда-то у него был отменный аппетит, да и теперь

иногда возникало большое желание поесть какой-нибудь настоящей «мужской» пищи.

Кто-то из близких к его дому людей рассказывал, как однажды Андропов твердо вознамерился съесть хорошего шашлыка и дал команду повару изготовить это блюдо по всей форме. Повар доложил о полученной команде врачу. Врач молча показал повару кулак. После этого повар с согласия врача изобразил из отварного мяса что-то по виду напоминающее шашлык – кусочки вареного мяса на шампурах с луком и помидорами. Юрий Владимирович обиделся и не стал есть это блюдо.

Общеизвестны суровая в последние годы критика в адрес бывшего КГБ, обвинения в беззакониях, творившихся органами госбезопасности, в пособничестве террористам. Здесь уместны несколько фраз об отношении Ю.В. Андропова к соблюдению законов. Законы и порядки, существовавшие тогда в нашем государстве, Андропов чтил и безукоризненно выполнял. Он жестко требовал от сотрудников всех рангов абсолютного законопослушания. Поэтому критику в адрес бывшего КГБ, как мне кажется, не следует отрывать от критики законов и порядков всей существовавшей тогда системы. Так было бы правильнее.

Кстати сказать, Андропов был человеком очень осторожным и никогда не брал на себя лишнего, того, что могло быть истолковано как превышение полномочий. По всем мало-мальски серьезным вопросам писались бумаги в ЦК КПСС или непосредственно Генеральному секретарю для получения согласия на то или иное предложение.

Объективности ради надо сказать, что и либералом или пацифистом Андропов, конечно, не был. Он требовал, чтобы в подразделениях КГБ царил боевой дух, чтобы личный состав был готов к действию в экстремальных и кризисных ситуациях, умел владеть средствами оперативной техники и оружием.

За время пребывания Андропова на посту председателя КГБ значительно вырос уровень профессиональной подготовки разведчиков и контрразведчиков. В рядах сотрудников КГБ не было коррупции, крупных злоупотреблений материально-финансового порядка. Особенно ценно то, что именно так об этом публично высказался и академик А.Д. Сахаров, в нелицеприятности мнения которого о КГБ никто, кажется, не сомневался.

Вернемся, однако, к самому Андропову... Немалую часть времени в последние годы своей жизни Юрий Владимирович находился в Кунцевской больнице, где проводились многочисленные обследования и процедуры по поводу нефрита, хронической почечной недостаточности, а также гипертонии, сахарного диабета и других недугов. По существу, у него была там как бы вторая квартира. Последние два десятилетия он совершенно не занимался спортом и был чужд какой-либо физической активности – даже гулять не любил, превратился в кабинетного затворника и, как говорится, не нюхал свежего воздуха.

Однажды Юрий Владимирович назначил прием для доклада в Кунцево в 12 часов дня в воскресенье, в разгар зимы. Прежде чем ехать к председателю, я хорошо покопался в снегу – расчистил дорожку от дачи к сараю. Ярко светило солнце, и чуть-чуть вьюжило. Небольшой мороз, солнце и приятный свежий ветерок. Бодрый, разогревшийся от работы на солнце и с хорошим настроением я прибыл в Кунцево, поздоровался и начал с погоды:

– Юрий Владимирович, сегодня погода замечательная! Вы уже гуляли?

– Какое там гулянье! Нос высунуть нельзя, ветер с ног валит!

Что было первопричиной и что следствием, судить не берусь: то ли болезнь отлучила Андропова от общения с природой, то ли, наоборот, пренебрежение к прогулкам и спорту привело к многочисленным болезням. Но не только набор всевозможных болезней осложнял деятельность Андропова на посту председателя КГБ, были еще и особые обстоятельства, мешавшие сосредоточиться на деле.

Известно (и об этом уже писали), что Брежнев приставил к Андропову на должности вторых лиц в Комитете госбезопасности своих близких друзей – С.К. Цвигуна и Г.К. Цинева, из-за чего ситуация в Комитете сложилась непростая: Юрий Владимирович должен был постоянно оглядываться на этих заместителей, искать к ним особые подходы и заниматься дипломатией вместо того, чтобы уверенно требовать от них рабочей отдачи как от своих главных помощников. Оба они все время что-то докладывали лично Брежневу, и это ставило Андропова в неудобное и щекотливое положение. О непростой ситуации в верхах были осведомлены все более или менее ответственные работники Комитета и сочувствовали Андропову.

В общем, отношения с ближайшими помощниками были весьма непростыми, и при всей своей сдержанности Андропов иногда жаловался своим близким и даже относительно близким собеседникам на условия, в которых ему приходилось работать.

Я встречался с Юрием Владимировичем довольно часто и работая в Каире, и в бытность свою начальником нелегальной разведки, и тем более с 1979 года в качестве первого заместителя начальника ПГУ, когда мне приходилось периодически исполнять обязанности начальника разведки. Запомнился последний доклад Юрию Владимировичу. Это было 25 января 1982 года, незадолго до его ухода из КГБ.

Уже тяжело и неизлечимо больной, Андропов рассматривал дела без прежней живости. Ему было трудно читать. Просмотрев несколько документов, он попросил меня зачитывать ему короткие бумаги, а содержание длинных – просто излагать. Иногда он отвлекался на телефонные звонки, а время от времени заводил беседы на темы, не связанные с докладом: ему просто нужен был отдых и переключение внимания. Вдруг раздался один телефонный звонок, а потом одновременно зазвонили несколько телефонов. Андропову докладывали

из разных мест, что умер М.А. Суслов. Я попросил разрешения прервать доклад, чтобы не мешать Андропову обсуждать создавшуюся ситуацию, и он отпустил меня на десять минут. Я вышел в кабинет напротив, к начальнику секретариата, сообщил ему новость, и он не моргнув глазом сказал: «Все... Юрий Владимирович уходит от нас в Политбюро!». Как я понял, это было давно решенным делом: Андропов садится в кресло Суслова. Затем доклад продолжился. Юрий Владимирович совсем как-то расслабился и сказал:

– Ох и надоели мне все эти бумажки, живого голоса за ними не слышишь. Давай лучше поговорим на другую тему. Вот, например, пытаюсь я читать перевод Корана и ни черта не понимаю, что там написано. Или я совсем уж поглупел?

Я рассказал Андропову, что и мусульмане, даже образованные, далеко не все понимают Коран и что разобраться в нем можно, лишь специально изучая этот предмет. Затем речь зашла о пророке Магомете, его жизни и окружении, о различных направлениях в исламе, о роли ислама в политике и жизни арабского общества. Юрий Владимирович неожиданно оживился и задавал, как в былые времена, очень много вопросов. Беседа на эту тему заняла более часа. В заключение он сказал:

– Спасибо тебе огромное за интересную беседу. Теперь это случается все реже и реже!

Так закончилась наша последняя встреча. Потом был еще прощальный телефонный звонок. Я позвонил Юрию Владимировичу, поблагодарил за все, что он сделал доброго для коллектива разведки, сказал, что все мы искренне сожалеем о его уходе от нас. По его ответу чувствовалось, что ему тоже тяжело отрываться от коллектива и переключаться на новую работу. А в самом конце разговора он неожиданно посоветовал: «А ты все-таки будь более осторожен!».

Этим загадочным пожеланием и завершилось наше многолетнее общение. В чем же следовало быть более осторожным? Скорее всего, в острых ситуациях, когда приходилось давать резкие оценки коекому из сотрудников, имевших родственные связи в окружении Брежнева. Наверное, именно это имелось в виду.

Эпоха Андропова в Комитете государственной безопасности закончилась, но сам он остался в памяти сотрудников живым человеком и великим работником.

И еще одно. В наш бесцензурный век, когда в средствах массовой информации и в книжной продукции дозволены все виды глумления и цинизма, так и не появились публикации, выставляющие Андропова в глупом виде по примеру прочих бывших руководителей государства. Кто-то его не любил, кто-то, может быть, ненавидел, но все видели в нем умного человека, крупного государственного деятеля, сторонника осторожных реформ, которому, увы, не было отпущено времени на их осуществление.

10

Наджибулла — руководитель органов безопасности Афганистана и президент страны

Наджибулла как государственный и политический деятель был и остается одной из наиболее выдающихся и трагических фигур в афганской истории. Его по праву можно поставить сразу вслед за эмиром Амануллой (1919–1929 гг.) и за М. Даудом, сначала премьер-министром Афганистана (1953–1963 гг.), а затем главой государства (1973–1978 гг.), проводившими курс на модернизацию отсталой азиатской страны.

В годы глубочайшего военно-политического и социально-экономического кризиса Наджибулла, находясь у власти, делал все в рамках возможного, чтобы вывести Афганистан из тупика, остановить войну, вернуть население к мирной жизни, облегчить его страдания. Однако внешнеполитическая и внутриполитическая обстановка, тяжелейшие условия, в которых он оказался и был вынужден работать, противостоявшие ему враждебные силы не позволили добиться успеха. Восхождение его на олимп власти, политика, которую он проводил, падение с вершин руководства, личная трагедия и страшная гибель неразрывно связаны с судьбой советского государства. Драма Наджибуллы была не только его личной, но драмой для судеб Афганистана и по большому счету – СССР, да и его правопреемницы – России.

Мохаммад Наджибулла родился в Кабуле 6 августа 1947 года, его отец Ахтар Мохаммад, зажиточный человек, одно время был афганским консулом в Пешаваре, пользовался авторитетом среди пуштунских племен, сам происходил из влиятельного пуштунского племенного объединения гильзай, клана ахмадзай, племени сулейманхейль в провинции Пактия. Наджибулла был рослым, плотного телосложения, физически сильным человеком. Со студенческих времен за ним закрепилось прозвище «Бык», отчасти из-за его внешности и походки, отчасти из-за его личных качеств: он был волевым, энергичным, напористым, иной раз шедшим напролом для достижения тех или

иных целей. По образованию он был врачом-хирургом, и наши советники, дипломаты и военные обычно между собой называли его «Доктор».

В 1964 году по окончании престижного лицея «Хабибия» он поступил на медицинский факультет Кабульского университета, где приобщился к левому антиправительственному движению, стал его активистом. В 1965 году вступил в только что созданную Народно-демократическую партию Афганистана (НДПА), связав себя с ее «парчамистским» крылом, которое возглавлял Б. Кармаль. Вскоре он уже был в составе руководства нелегальной партийной организации университета. Дважды подвергался арестам и тюремному заключению «за участие в противозаконных забастовках и демонстрациях».

В 1975 году окончил университет и, получив диплом врача, работал в лечебных учреждениях столицы. По поручению партии занимался созданием первичных структур демократической организации молодежи Афганистана и зарекомендовал себя активным функционером. В июле 1977 года стал членом ЦК НДПА, некоторое время возглавлял Кабульский горком партии. С приходом к власти Х. Амина был направлен послом ДРА в Тегеран, но вскоре за принадлежность к «парчамистскому» крылу решением Пленума ЦК его исключили из рядов партии, сняли со всех государственных постов. До декабря 1979 года жил в Югославии на положении политического эмигранта.

После того как Афганистан возглавил Б. Кармаль, в декабре 1979 года Наджибулла вернулся в Кабул. По решению ЦК НДПА в скором времени возглавил Службу государственной безопасности – ХАД, переименованную потом в Службу государственной информации – СГИ, а затем – МГБ. Ему было присвоено воинское звание генерал-лейтенанта. С июня 1981 года – член Политбюро ЦК НДПА, в ноябре 1985 года был избран секретарем ЦК, курировал работу госорганов с пуштунскими племенами, то есть один из важнейших участков государственной деятельности в стране. На XVIII Пленуме ЦК партии по инициативе и настоянию Москвы был избран Генеральным секретарем ЦК НДПА вместо Б. Кармаля. В октябре 1987 года стал Председателем высшего государственного органа – Ревсовета ДРА, а 30 ноября того же года в соответствии с Конституцией был избран депутатами парламента с одобрения Совета улемов (собрание видных и авторитетных мусульманских деятелей страны) президентом Афганистана.

При своих левых взглядах Наджибулла прежде всего был сыном своего народа, афганцем-пуштуном из большого и влиятельного племени. Как личность он сформировался под непосредственным влиянием мусульманской религии, национальных традиций, вековых и неизменных пуштунских обычаев и уклада жизни. Но при этом он

был образованным современным политическим деятелем, с широким кругозором и обширными познаниями. Он рассказывал: «Каждый год я ездил на каникулы в Пешавар, где служил мой отец, и по пути обычно где-то за Джелалабадом устраивался привал. Все отдыхали. Женщины поднимались чуть выше в гору, а мужчины располагались у водопада в низине. Однажды я увидел, как какая-то женщина бежит вниз по тропинке и кричит кому-то из мужчин: «У тебя сын родился!». Все поспешили наверх. И вот я вижу, как та женщина, которая только что родила, минут через двадцать поднялась на ноги, завернула сына в шаль и вместе со всем караваном тронулась в путь. Я ощутил какой-то внутренний толчок, потрясение, меня била дрожь. Почему, думал я, афганская женщина должна рожать на земле, среди камней, как дикое животное? Тогда у меня, поверьте, и мысли не было ни о какой революции, мне просто было больно и стыдно, гнев душил меня. Ведь я любил свою землю и свой народ. Как же так? Что это? Почему он должен жить хуже всего рода человеческого?»

Эти впечатления и сам эпизод, видимо, глубоко запали в душу Наджибулле, и впоследствии он скажет: «Революция может быть только с народом, а не над народом. Афганская нация – исламская нация. Поэтому афганские революционеры обязаны не только учитывать принципы ислама, но и постоянно руководствоваться ими. Если вы идете к народу не по убеждению, а только по соображениям политическим, тактическим, успех ваш будет недолгим, народ быстро разберется, с кем вы – с ним или хотите просто добиться выгоды и власти за его счет». Объясняя мотивы, которыми он руководствовался в своей революционной деятельности, он говорил: «Некоторые думают, что мы ринулись в революцию за личной карьерой. А ведь иные из нас могли бы жить в достатке и при прежних режимах, да и высокими постами многие не были бы обижены. Но если в человеке преобладает человеческое, то он думает не только о своей тарелке, он смотрит на мир шире. И чужие боли воспринимает как свои». Этому нравственному выбору Наджибулла остался верен до последнего часа жизни.

Говоря о нем, нельзя обойти еще одну сторону его политической биографии: его судьба и становление личности оказались тесно связанными с КГБ СССР в целом и внешней разведкой в частности. Здесь нет преувеличения. С Наджибуллой неоднократно встречались, беседовали и уделяли ему постоянное внимание Ю.В. Андропов, В.А. Крючков, другие руководители КГБ. В Кабуле в бытность его начальником органов госбезопасности с ним практически ежедневно вели деловые беседы представители КГБ В.Н. Спольников, Б.Н. Воскобойников, Н.Е. Калягин, В.П. Зайцев, В.А. Ревин, их заместители, другие опытные разведчики, работавшие тогда в Афганистане. Причем встречи эти проходили как в официальной, так и в неформальной обстановке. Советники по линии внешней разведки, как

правило, были не только работниками с большим опытом специальной службы, но и востоковедами, знавшими специфику Востока и Афганистана не понаслышке, а на практике. Они быстро устанавливали деловые и личные контакты с Наджибуллой, всегда имели темы для интересных бесед, знали, как лучше подойти к решению профессиональных задач.

Нет сомнения в том, что все это вместе оказало заметное влияние на формирование Наджибуллы как руководителя органов безопасности, как политического и государственного деятеля, будущего президента Афганистана. Есть и еще один важный аспект в этом вопросе. С Наджибуллой довольно часто общались и обсуждали актуальные политические и международные проблемы первые лица советского руководства, ЦК КПСС, Министерства обороны, МИД, МВД, других ведомств СССР. В Москве его хорошо знали. В отличие от Б. Кармаля, любителя ораторствовать, рассуждать и говорить на отвлеченные темы, Наджибулла был прежде всего человеком дела, это его качество много раз подтверждалось на практике, когда он возглавлял органы госбезопасности, да и впоследствии. Оно, думается, во многом определило выбор Кремля для продвижения его на высший государственный пост Афганистана. Лучшей кандидатуры тогда найти было просто невозможно.

Вклад советской стороны в строительство, становление, развитие и укрепление афганских органов безопасности, без преувеличения, очень велик и, главное, конструктивен. При прямом участии КГБ и под руководством Наджибуллы они превратились из карательных, какими были при Н.М. Тараки и Х. Амине, в современную, квалифицированную и дееспособную спецслужбу, которой было по плечу решать насущные вопросы обеспечения безопасности государства в сложной обстановке, в условиях войны. Репрессивные ее функции в целом носили ограниченный характер, хотя, понятно, в годы войны без них также нельзя было обойтись. Число арестованных и осужденных при Наджибулле резко сократилось. За те годы, что он возглавлял органы безопасности, он стал настоящим профессионалом, не только руководил Службой со знанием дела, пользовался заслуженным авторитетом ее сотрудников, но и сам лично принимал участие в отдельных операциях, работал с агентурой.

На счету афганских органов безопасности того времени было немало успешно проведенных операций разведывательного и контрразведывательного характера, а также военно-диверсионных мероприятий. Противники режима были вынуждены с ними считаться. ХАД–СГИ–МГБ сумели создать обширный и работоспособный агентурный аппарат, в том числе в «исламских партиях» и боевых отрядах моджахедов, воевавших с кабульским правительством. В контакте с советниками КГБ Наджибулла лично занимался планированием и реализацией специальных операций, контролировал их ход и резуль-

таты. Сведения, добытые Службой, учитывались командованием Ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) и афганской армии. Важным направлением деятельности Наджибуллы в тот период была его непосредственная работа с вождями многих пуштунских племен, обстановку и расстановку сил в зоне племен он знал хорошо и, можно сказать, детально. Участие органов безопасности в осуществлении политики национального примирения (ПНП) он считал обязательным и приоритетным. Много внимания он уделял формированию и подготовке боеспособной национальной гвардии, отрядов спецназа, службы охраны, лично занимался налаживанием политико-воспитательной работы в органах безопасности. Он сам и органы безопасности под его руководством немало сделали в борьбе с детской беспризорностью, оказывали реальную помощь подшефным детским домам.

Негативно настроенные к Наджибулле СМИ западных стран не раз пытались изобразить его жестоким тираном, даже называли его «палачом» из-за его работы в системе органов безопасности. Это не так. Деятельность афганских органов безопасности под его руководством даже близко нельзя поставить с тем массовым, кровавым и бессмысленным террором, который царил в стране при Тараки и особенно при Х. Амине и осуществлялся их спецслужбами.

По своему характеру и личностным данным Наджибулла вовсе не отличался беспощадностью, хотя в нужные минуты мог проявить твердость, а иной раз и жестокость. Он был сыном своего народа, и как афганцу ему, несомненно, были свойственны и хитрость, и коварство, и лукавство. Но факт остается фактом: при нем гуманные дела и терпимость явно преобладали в работе ХАД–СГИ–МГБ над их карательными и репрессивными функциями. Нельзя не учитывать и афганские, в частности пуштунские, обычаи, традиции, устойчивые мерки, которыми они привыкли мерить людей. Они уверены, что начальник должен быть властным, твердым и авторитетным, а при необходимости – решительным и даже жестоким, иначе он не начальник. Если он многословен, если он не приказывает, а уговаривает, а еще хуже – упрашивает, то такой человек не может быть руководителем, не может заслуживать доверия, его будут считать слабым и никчемным начальником. Наджибулла, конечно, учитывал эти особенности афганцев, однако, как правило, не повышал голоса, распоряжения его были краткими и ясными. В глазах и его сторонников, и его противников Наджибулла был сильной личностью, с ним считались, его побаивались. Иметь дело с ним соглашались даже непримиримые противники кабульского режима. Известный полевой командир Ахмад Шах Масуд даже предлагал ему свою помощь, чтобы он не попал в руки наступавших в 1996 году на Кабул талибов. Важно отметить при характеристике Наджибуллы как руководителя тот факт, что он, несмотря на свою принадлежность к «парчамистскому» крылу НДПА,

сумел остаться вне фракционной борьбы и внутрипартийных распрей. Пожалуй, он был одним из очень немногих «парчамистов», которого функционеры «халькистов», занимавшие руководящие посты в армии, МВД, других ведомствах, признавали и с которым были готовы сотрудничать.

Став в свои 32 года во главе органов безопасности, Наджибулла за пять лет, что он проработал на этом посту, приобрел большой опыт государственной, политической и хозяйственной деятельности. Ему приходилось вникать в самые разные проблемы: от организации дела на объектах энергетики, где было много саботажников, налаживания партийной работы на территориях, занятых моджахедами, до распределения спичек и муки, поступавших в качестве гуманитарной помощи. После его вынужденного ухода с политической сцены население страны не раз требовало его возвращения к власти, помня, что при нем наступили некоторая стабилизация положения и оживление экономической жизни, порядок преобладал над хаосом.

К 1984 году в развитии афганского кризиса обозначились перспективы его возможного разрешения с помощью новых подходов, отказа от проводившегося до сих пор курса, когда основная ставка делалась на военную силу и принуждение. В Москве видели, что добиться урегулирования афганской проблемы военными средствами и прямой поддержкой непопулярного режима Б. Кармаля невозможно, ресурс укрепления позиций просоветского правительства практически исчерпан, что нужно с учетом реальности переходить к новой политике. Отметим, что в представительстве КГБ в Кабуле это поняли, быть может, раньше других, и в Москву направлялись предложения о путях поиска новых решений. Советские военные советники также докладывали в Центр, что «операции приобрели характер полицейских, карательных мер, в результате мы втянулись в войну с народом, а она бесперспективна», и были правы, ибо реально оценивали обстановку.

Афганский народ к тому времени устал от войны, политических неурядиц, грабежей, мародерства и гибели мирных граждан. И хотя он в своем большинстве по-прежнему негативно относился к засевшему в Кабуле правительству «безбожников», впустивших в страну иностранные войска, тайно и явно поддерживал моджахедов, считая их своими братьями-мусульманами, борющимися за правое дело, тем не менее, в нем нарастали настроения и готовность искать выход из тупика на путях разумных компромиссов и соглашений с властями. Эти настроения приобрели широкий характер, и лидеры исламских партий, многие полевые командиры да и некоторые поддерживающие их силы за рубежом уже не могли их игнорировать.

Не сразу, но часть руководства СССР осознала назревшую потребность проработки новых идей и подходов к афганскому кризису. Стало ясно, что настало время попытаться расширить социальную

базу кабульского режима за счет привлечения на его сторону умеренной оппозиции, нейтральных элементов, которые могли стать потенциальными союзниками, путем переговоров о разделе власти, прекращении боевых действий, создания коалиционных органов управления в центре и на местах на основе компромиссов. Этот новый курс получил название политики национального примирения (ПНП). Но для его реализации Афганистану был нужен новый лидер, авторитетный, обладающий политической волей, опытом и знающий реальную обстановку в стране не по бумажным докладам, а на практике. Б. Кармаль на эту роль не подходил: он уже исчерпал свои возможности, его ораторские способности уже не были востребованы жизнью, он утратил доверие населения. Нужен был человек дела.

Выбор пал на Наджибуллу, и для этого были веские основания. Именно у него сложились устойчивые контакты с представителями религиозно-политической и вооруженной оппозиции, со многими полевыми командирами, вождями отдельных крупных пуштунских племен по обе стороны «линии Дюранда», разделявшей Афганистан и Пакистан. У него же были возможности негласного общения с окружением бывшего монарха Захир Шаха и кругами афганской умеренной эмиграции. Наджибулла в гораздо большей степени, чем другие деятели кабульского правительства, пользовался определенным доверием у политических противников НДПА. В его руках был достаточно мощный аппарат спецслужб, и он мог гарантировать взятые на себя обязательства.

Став главой государства, Наджибулла официально провозгласил политику национального примирения в начале 1987 года. Он говорил: «Партия, государство и правительство сегодня делают шаг огромного политического мужества, призывая прекратить огонь и начать процесс национального примирения». Надо сказать, что поначалу новый курс в целом встретил понимание и одобрение афганцев.

Политика национального примирения была по сути дела единственно правильной для решения запутанного, осложненного войной афганского вопроса, для поиска выхода из тупика. Она была необходимой как для Кабула, так и для Москвы. Ее сильной стороной было то, что она подчеркивала отказ НДПА от монополии на власть, выражала готовность к компромиссам и призывала положить конец кровопролитию. Новый курс начал приносить плоды: на переговоры с представителями афганского правительства вышли не менее половины полевых командиров вооруженных отрядов моджахедов. По словам Наджибуллы, в переговорах участвовали 417 вооруженных формирований общей численностью до 40 тысяч человек.

Враждебные кабульскому режиму силы внутри страны и особенно за рубежом встретили новый курс в штыки. Они не хотели мира на афганской земле при сохранении дружественного СССР прави-

тельства в Кабуле и при сохранении советских военных частей в Афганистане, хотя решение о его выводе уже было принято в Москве, и об этом было известно. «Только вывод советских войск из Афганистана решит все проблемы», – заявил конгресс США, и такое заявление не было случайным ни по времени, ни по форме. Американцы хотели создать предпосылки для захвата власти военно-политической оппозицией, которую они поддерживали во всех отношениях. Короче говоря, враждебные силы торпедировали национальное примирение. В ноябре 1987 года в Пешаваре лидеры моджахедов Г. Хекматияр и Б. Раббани потребовали сплочения всех сил, противостоящих кабульскому режиму. В вооруженных формированиях исламских партий была заметно усилена контрразведывательная работа с целью выявления и ликвидации лиц, склонных к переговорам с Кабулом. Многие подозреваемые в нелояльности полевые командиры были заменены. Было резко активизировано экстремистско-религиозное движение талибов, которому отводилась роль тарана для свержения Наджибуллы и захвата власти в Кабуле.

15 февраля 1989 года наши войска ушли из Афганистана, но их вывод не привел к разрешению кризиса, а лишь поставил Кабул в очень сложное положение, которое с той поры стало неотвратимо ухудшаться. Усилился разброд в верхах кабульского руководства. Уже 6 марта, то есть сразу после вывода наших войск, в Кабуле вспыхнул вооруженный мятеж против Наджибуллы, поднятый бывшим членом Политбюро ЦК НДПА и министром обороны генерал-полковником Ш.Н. Танаем. Мятеж, однако, поддержки не получил и был быстро подавлен дивизией узбекского генерала А.Р. Дустума, в то время лояльного Наджибулле. Танай бежал в Пакистан, присоединился к талибам и заявил, что продолжит борьбу до свержения Наджибуллы и «покончит с фальшивым примирением». Эти его слова подтверждают, что национальное примирение было ненужным делом для противников Наджибуллы. Однако разгром Таная значительно повысил авторитет Наджибуллы, укрепил его позиции, и он по политическому весу, реальному влиянию в стране начал превосходить даже ведущих лидеров исламских партий, их шансы упали.

Надо сказать, что Наджибулла с нашей прямой помощью за годы пребывания у власти сумел накопить солидный запас прочности, но после вывода наших войск этот запас перестал пополняться. Некоторое время еще в Кабульском аэропорту, будто по инерции, продолжали приземляться советские военно-транспортные самолеты, доставлявшие необходимые Наджибулле грузы, но с каждым днем число полетов сокращалось. Тем не менее, верные ему войска отбили атаку на Джелалабад из Пакистана, нанесли поражение моджахедам в районе Гардеза, разблокировали осажденный город Хост и добились успеха в боях в пригороде Кабула – Пагмане, что, к слову сказать, не удавалось сделать даже советским войскам.

Правда в том, что при продолжении нашей военно-технической помощи и моральной поддержки Наджибулла в тот период времени мог бы повести Афганистан по пути стабилизации и, возможно, к нахождению компромисса. Он сумел консолидировать все имевшиеся у него под рукой силы, превратил национальную гвардию, структурно входившую в состав МГБ, в хорошо вооруженную боеспособную воинскую часть, личный состав ее был доведен до штатной положенности, укреплен профессиональными офицерскими кадрами, она имела на вооружении бронетехнику, артиллерию, ракеты СКАД и «Луна-2М», установки залпового огня «Ураган» и была в состоянии нанести поражение отрядам моджахедов. Важным было то, что начало медленно, но неуклонно меняться в лучшую сторону отношение населения, особенно городского, к центральному правительству, постепенно эти изменения коснулись и сельских районов. Наджибулла удерживал рычаги управления страной, его режим контролировал основные стратегические центры, он не упускал инициативы. Именно тогда его противники пустили в ход таран в виде вооруженных фанатиков – талибов.

Августовские события 1991 года в СССР и его развал предопределили судьбу Афганистана, лично Наджибуллы и его режима. Он был оставлен один на один с превосходящими силами вооруженной оппозиции. Москва, занятая своими внутренними делами, устранилась от оказания ему помощи. Падение Наджибуллы стало вопросом времени. Как всегда в таких случаях, началось повальное бегство бывших его сторонников с тонущего корабля. Опоры режима рушились на глазах. Изменил свою позицию и командир 53-й пехотной дивизии генерал А.Р. Дустум, войска которого дислоцировались в столице и считались верными президенту. Дустум, узбек по национальности, понимал, что в случае захвата власти вооруженной оппозицией, где преобладали пуштуны, его участь будет незавидной, останься он верным Наджибулле. Он вступил в сговор с лидерами «Исламского общества Афганистана» Б. Раббани и А.Ш. Масудом, опиравшимися на северные провинции страны, где этническое большинство составляли таджики и узбеки, и 27 апреля 1992 года поднял мятеж в Кабуле и совершил государственный переворот, предал Наджибуллу и отстранил его от власти. Сопротивление Дустуму оказала только национальная гвардия МГБ, другие воинские части или бездействовали, или разбежались.

Наджибулла во время мятежа находился в бункере президентского дворца вместе с охраной. Понимая, что обречен, он с помощью преданных ему охранников отправил в аэропорт жену, дочерей и сестру, и им удалось вылететь в Индию. С ним остались брат Ахмадзай, начальник управления охраны МГБ, начальник секретариата Тухи и телохранитель Джафсар. Они сумели убедить его тоже покинуть Афганистан, чтобы сохранить себя как легитимного главу государства

и политическую фигуру. Но было уже поздно. Автомобиль Наджибуллы был остановлен у кабульского аэропорта, блокированного частями дустумовского генерала Омара Ака, его охрана разоружена, и он был вынужден вернуться в город. Попыток его ареста не было. С этого дня началось его восхождение на Голгофу.

26 апреля свергнутому президенту было предоставлено политическое убежище в миссии ООН в Кабуле. Утверждали, что Генсек ООН Бутрос Гали гарантировал ему личную безопасность. Наджибулла мог поддерживать телефонную связь с семьей, соратниками за пределами Афганистана. Он был в курсе событий в стране и за рубежом, знакомился с прессой. К России за помощью Наджибулла не обращался, а Москва в этом вопросе инициативы не проявляла.

Новое афганское правительство во главе с Б. Раббани оказалось не готовым к управлению страной. Экономика пришла в полный упадок, царили разруха и голод, с новой силой разгорелись межэтнические конфликты, успокоения в обществе не наступило, Кабул не контролировал положение в провинциях. Начались голодные демонстрации, манифестанты требовали вернуть Наджибуллу к власти, выкрикивали здравицы в его честь, а некоторые даже призывали к возвращению в Афганистан советских войск. Несмотря на все это, правительство Б. Раббани неоднократно требовало от ООН выдачи Наджибуллы, но получало твердый отказ. Бутрос Гали держал свое слово.

Между тем отряды талибов, захватив восточные районы страны и укрепившись в них, приближались к Кабулу и угрожали захватом власти. К 1996 году Б. Раббани фактически утратил контроль за развитием обстановки. 27 сентября того же года отряды талибов ворвались в столицу и овладели ею практически без боя. В считанные часы войска А.Ш. Масуда, Г. Хекматияра и хезарейские отряды оставили Кабул. Фактически это было беспорядочное бегство. Были сведения, что в последний момент А.Ш. Масуд предложил Наджибулле покинуть столицу вместе с его войсками, но тот отказался и решил остаться в Кабуле до конца. Впрочем, в миссии ООН его никто не удерживал, и в наступившей суматохе он мог легко затеряться в толпе отступавших и бегущих из столицы людей, но он этого не сделал. Он только настоял, чтобы бывшие с ним рядом все эти годы преданные ему Тухи и Джафсар ушли из миссии и постарались добраться до Индии, что они и сделали. С Наджибуллой остался только брат Ахмадзай. Кто знает, может быть, Наджибулла все еще надеялся на гарантии, данные ему Бутросом Гали, и на экстерриториальность миссии ООН, которую талибы не посмеют нарушить. Однако экстремисты-фанатики почти сразу же ворвались в миссию, схватили Наджибуллу и его брата, устроили в здании погром.

По рассказам сторонников А.Ш. Масуда, оставшихся в Кабуле, Наджибулла в последние часы своей жизни вел себя мужественно, отверг провокационные предложения талибов, даже применил про-

тив своих мучителей свою недюжинную физическую силу. Своей честью он не поступился. Его подвергли истязаниям и пыткам, полуживого привязали веревкой к автомашине и волокли по улицам Кабула, а потом повесили рядом с братом у ворот резиденции афганских правителей в центре города. Афганский историк Губар сказал: «Жизнь и гибель Наджибуллы сломали преграду к вечному впадению реки его бытия в поток истории Афганистана». Очевидно, что Наджибулла как государственный и политический деятель рос буквально на глазах, и кто знает, как повернулась бы судьба Афганистана, не случись того, что произошло 27 сентября 1996 года.

Но история не знает сослагательного наклонения. Лишь по прошествии многих лет она позволяет в сравнении увидеть истинный масштаб таких деятелей, как Наджибулла, и оценить его мужество и преданность интересам афганского народа.

11

Выбор Гленна Соутера

С 80-х годов в советской внешней разведке под псевдонимом «Уго» начал работать американский гражданин Соутер Гленн Майкл, военноморской разведчик, 1957 года рождения, уроженец города Хаммонда (штат Индиана). С 1977 по 1982 год он проходил службу в разведывательных подразделениях 6-го американского флота, базировавшегося в Италии, и одновременно являлся доверенным лицом по связям с общественностью и личным фотографом адмирала, командовавшего этим соединением. С фотокарточки на удостоверении личности самого Соутера тех лет на нас смотрит старшина ВМС США в традиционной белой флотской форме, у него открытый доброжелательный взгляд, на губах – улыбка. В нем нет ничего напоминающего бывалого «морского волка».

С 1983 года до середины 1986 года он проходил обучение на соискание офицерского звания на военном факультете при университете «Олд Доминион» в Норфолке (штат Вирджиния) и одновременно служил в качестве резервиста на крупнейшей базе ВМС США в том же Норфолке, где занимался обработкой секретных материалов космической разведки. Еще задолго до службы на флоте у него проявилась склонность к размышлениям над смыслом жизни, к анализу положения дел в мире, к поиску истины и осознанию окружающей действительности и выработался свой взгляд на мир, в основе которого лежали «общечеловеческие ценности»: справедливость, равенство, вселенская общность людей и превосходство коллективизма над индивидуализмом. Такое мировосприятие и стало фундаментом формирования личности Соутера и его убеждений.

В начале 80-х годов он посетил одно из советских загранучреждений в Риме. Его встретил и побеседовал с ним опытный резидент советской внешней разведки. Соутер не просил политического убежища, ничего не говорил о каких-либо преследованиях его американскими властями, он просто сказал, что хочет жить в СССР и попросил

ходатайствовать о принятии его в советское гражданство. Впоследствии, вспоминая ту беседу, наш разведчик рассказывал, что «американцу тогда и в голову не пришло предложить нам секретные документы в обмен на наш паспорт... Нет, он не вынашивал решения изменить родине – ему хотелось обрести новую. В этом смысле не могло быть даже речи о каком-то вульгарном предательстве. Например, об обмене по нехитрой схеме: товар – деньги, деньги – товар». Более того, он сказал тогда: «А у меня нет ничего, никаких секретов». Этим заявлением он не пытался ввести нас в заблуждение, он добросовестно заблуждался сам, не придавая значения своим возможностям. На самом же деле все обстояло совершенно иначе: уже сам факт его службы на авианосце «Нимиц», на других американских боевых и особенно штабных кораблях, несомненно, представлял интерес для нашей разведки, но важнее было другое – через его руки проходили документы строгой секретности.

Уже первый контакт с Соутером оставил о нем благоприятное впечатление – было видно, что он не играет, ведет себя искренне, откровенно симпатизирует нашей стране и желает быть ей полезным. Интуиция не подвела нашего разведчика: вскоре Соутер стал одним из результативных источников документальной информации, которая зачастую ценилась буквально на вес золота. Он согласился помогать нашей разведке исключительно из своих убеждений, от материального вознаграждения категорически отказывался. По сути дела, он скорее был нашим добровольным помощником, чем классическим агентом, ибо по своей воле избрал этот путь, по собственной инициативе установил конфиденциальные отношения с разведкой и в агентурной работе проявлял большую трудоспособность, творческий подход, смекалку и конспирацию.

Соутер видел в сотрудничестве с нами прежде всего борьбу против угрозы атомной войны. Служба на флоте окончательно сформировала его мировоззрение, укрепила его в правоте понимания им действительного смысла происходивших в мире событий.

В начале 80-х годов наметилось новое резкое обострение международной напряженности, холодная война набирала обороты, наступательная военная доктрина, принятая в США, фактически ставила мир на грань всеобщей ядерной катастрофы. Соутер по роду службы понимал масштабы опасности, нависшей над миром, видел ее олицетворение в действиях авианосца «Нимиц», набитого вплоть до верхней палубы ядерными боеприпасами. Он хорошо знал, что такое «ядерная зима» и чем она грозит нашей планете. В 1981 году 6-й американский флот был приведен в полную боевую готовность, и это обстоятельство буквально потрясло его воображение. У Соутера созрела решимость активно противодействовать возможности реализации планов ядерных ударов, и он воплотил ее в конкретные дела. Для Соутера началась жизнь, полная тревог, опасностей, большого напряже-

ния. Позднее он признавался, как трудно, а порой почти невыносимо, находясь на боевом посту, ему было переносить в одиночку огромное нервное напряжение, необходимость вести скрытный образ жизни, постоянно быть настороже, не иметь возможности поделиться с кем-либо, даже с матерью, которую он очень любил и уважал, обуревавшими его мыслями и чувствами.

Сознательно идя на риск, он регулярно и своевременно передавал нашей разведке важную информацию военно-стратегического и военно-тактического характера. Без преувеличения можно сказать, что его вклад в предотвращение ядерной войны был значителен. На Западе его впоследствии называли «суперагентом», «искусным агентом экстра-класса». Представитель одной из американских разведслужб даже утверждал: «Из-за Соутера и некоторых других мы могли бы проиграть войну Советам». Пресс-секретарь Пентагона П. Уильямс в июле 1986 года был вынужден признать, что до исчезновения Соутера американские контрразведывательные службы не располагали какими-либо достоверными сведениями относительно его сотрудничества с советской разведкой, хотя вели расследование по поводу некоторых подозрений его в шпионаже. Это признание могло означать только одно: «Уго» работал профессионально грамотно, осторожно, строго соблюдал конспирацию, так что американская контрразведка до последнего момента оставалась в неведении о характере его отношений с нами. Ее сотрудники, разбираясь в деле Соутера уже после его исчезновения из США, никак не могли поверить в добровольный характер его работы на советскую разведку, в его бескорыстность, в то, что он руководствовался при этом моральными соображениями и личными убеждениями, был «бессребреником». Сам же Соутер не раз подчеркивал, что главной для него всегда была не материальная, а нравственная, мировоззренческая сторона.

Поступавшие от Соутера информационные материалы имели первостепенное значение для обороны СССР. После вывода Соутера в СССР в американских СМИ появились также сообщения о том, что во время американской воздушной акции в апреле 1986 года, нацеленной на физическое уничтожение лидера Ливии Каддафи, последнему якобы удалось избежать верной гибели только благодаря переданной Соутером русским соответствующей информации. Соутера также обвиняли в том, что «он передал нам тысячи ядерных целей» по всему миру. Как бы то ни было, но разведывательные сообщения Соутера в Центре всегда оценивали по достоинству.

Казалось, ничто не предвещало туч на горизонте для судьбы «Уго». В июне 1986 года он заканчивал учебу в университете, вскоре должна была состояться церемония выпуска слушателей, а затем предстояли трехмесячные курсы ВМС, после которых выпускники должны были получить офицерские звания. Незадолго до этого Соутер успешно прошел проверку на допуск к секретным документам

с перспективой дальнейшей службы в разведцентре ВМС в Норфолке и чувствовал себя уверенно. Однако в конце мая того года неожиданно последовал его вызов «на беседу» в местное отделение ФБР. Сразу насторожило то, что приглашал его для разговора не обслуживавший его курсы сотрудник спецслужб Шрейдер, а другой человек, некто Холтс.

По версии американской контрразведки, основанием для вызова Соутера в ФБР стали слова его бывшей жены-итальянки, высказанные ею по запальчивости в своем окружении еще в начале 80-х годов, о возможной «связи мужа с русскими». Вздорный характер этой женщины был известен командованию Соутера, сам он пользовался безупречной репутацией, гражданский брак с итальянкой в США официально не признавался, и военно-морская контрразведка в то время особого значения высказываниям сожительницы не придала. Но после ареста в мае 1985 года бывшего дежурного офицера штаба командования ВМС США в Атлантике Джона Уокера, которого обвинили в сотрудничестве с разведкой СССР, в США и на Западе в целом развернулась новая кампания шпиономании, были начаты активные поиски «кротов» в ВМС, подняты все материалы, где содержались хотя бы малейшие «зацепки» на предмет «русского шпионажа». И тут о словах итальянки вспомнили, а личное дело Соутера из военноморской контрразведки было передано ФБР, в руки упомянутого Холтса.

За «Уго» установили наблюдение, оно велось около года, однако не выявило никаких компрометирующих его моментов или улик. Вот тогда-то Соутера и вызвали в отделение ФБР в Норфолке «для выяснения некоторых сомнительных моментов в его биографии». Холтс повел беседу в доброжелательном духе, дал понять, что считает Соутера лояльным и заслуживающим доверия человеком, но затем несколько сменил тон и стал задавать конкретные вопросы, спрашивал, не знает ли Соутер некую «русскую Светлану, прошедшую подготовку в КГБ» и т.п. Когда же контрразведчик подошел к словам бывшей сожительницы-итальянки о его «связях с русскими», доброжелательность окончательно исчезла и начался формальный жесткий допрос. Не добившись желаемых результатов, Холтс заявил, что окончательно развеять возникшие в отношении Соутера сомнения может только проверка на полиграфе, и как бы между прочим поинтересовался, будет ли Соутер оспаривать результаты тестирования на «детекторе лжи» в суде. Для «Уго» в общем-то проверка на полиграфе была не в новинку: ей он уже подвергался не один раз, но то были тестирования по стандартам ВМС, и он неплохо владел навыками подготовки к ним. Полной же уверенности в том, что он сможет выдержать проверку по спецпрограмме ФБР, не было.

Возникшая ситуация обеспокоила Центр: ее анализ говорил об угрозе ареста «Уго». Срочно были разработаны меры по обеспечению его безопасности, предусматривавшие в том числе скорейший его вы-

вод из США. 9 июня 1986 года, приняв необходимые меры предосторожности, Соутер прибыл в аэропорт и на самолете итальянской компании «Алиталия», выполнявшим рейс в Рим с посадкой в Монреале (Канада), навсегда покинул США. На всякий случай он приобрел и обратный билет в США, чтобы показать, что в Италии «по личному делу» он намерен пробыть недолго. В этой стране его «следы» затерялись, и в середине 1986 года он был уже в Москве, в полной безопасности.

Наша разведка сделала все возможное, чтобы на своей второй родине «Уго» не чувствовал себя «чужим». Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1986 года ему было официально предоставлено советское гражданство. Он избрал себе фамилию Орлов, имя и отчество – Михаил Евгеньевич, а в разговоре просил называть его на русский лад – Миша. Свою просьбу о приеме его в советское гражданство Соутер обосновал «политическими и личными соображениями», в частности он писал: «Со всей ответственностью заявляю, что правительство США никогда ничего не сделает из искренних и честных побуждений для установления мира на Земле до тех пор, пока не будет твердо уверено в своем полном военном превосходстве. США пренебрежительно относились и продолжают относиться к судьбам других народов». Соутер-Орлов не лукавил, он написал то, что думал и чувствовал на самом деле: он всегда и во всем был откровенным и честным человеком.

Научившись немного говорить по-русски, он уже употреблял в разговоре «мы», то есть советские люди, и «они», то есть те, кто, по его убеждениям, нес угрозу миру. Он часто говорил «у нас», «здесь», т.е. в Москве, что в его устах означало, что он и его друзья-коллеги по разведке вместе борются со злом, стоят на стороне справедливости и добра. В одной из личных записей, хранящихся в архиве СВР, он отметил: «Здесь я живу среди людей, занятых решением повседневных проблем – они могут быть покладистыми, а могут и по мелочам пререкаться друг с другом, но никто из них не вынашивает глобалистских идей или намерений убивать других. Здесь мои силы находят лучшее применение, чем прежде».

Орлов-Соутер на удивление быстро адаптировался к новым условиям, обычно далеко не легким для иностранцев. По своей натуре он был глубоко порядочным человеком, простым и непритязательным в быту, вел скромный образ жизни, просил, чтобы ему не создавали каких-то особых, привилегированных условий, намеревался приобрести на собственные деньги скромную, «как у всех», говорил он, квартиру в городе и небольшую дачу в Подмосковье, где по утрам можно было бы пробежаться летом, а зимой совершать лыжные прогулки. Будучи человеком деятельным, предприимчивым, жизнелюбивым, он не мог сидеть без дела, усвоив с молодых лет, что главная опора в жизни – общественно-полезный труд. Поэтому уже с конца

1986 года он с энтузиазмом включился в научную деятельность, постоянно расширял круг своих обязанностей и тематику научно-прикладных работ. Он, например, очень гордился лично разработанной им нешаблонной программой обучения английскому языку. Он много гулял по Москве, ездил в другие города страны, заводил знакомства с рядовыми гражданами, вглядывался в особенности нашей жизни, интересовался укладом, бытом простых людей, их нравами и обычаями.

Многое в советском обществе ему нравилось, вызывало симпатию, воспринималось им всей душой: всеобщее бесплатное образование, здравоохранение, социальное обеспечение, развитый общественный транспорт, он даже удивлялся, зачем в те годы понадобилась ускоренная «автомобилизация» Москвы, поскольку хорошо знал все ее негативные последствия на примере США и Европы. Видел он также и иные, более существенные недостатки советского общества и очень скоро пришел к выводу, что хотя оно в целом более справедливое, чем на Западе, но все же еще не соответствует христианскому идеалу, а лишь приближается к нему. Начало перестройки он воспринял положительно, можно даже сказать, с воодушевлением, но происходившее на его глазах – очереди, пустые полки в магазинах и особенно падение нравственных устоев общества – не на шутку его обеспокоило. Он много размышлял и в августе 1988 года сделал такую запись: «Все вокруг становится тревожней. Повсюду начинаешь сталкиваться с нечестностью. Это просто невероятно! Я считаю, что так у нас настоящей перестройки не будет». Еще в США он увлекался поэзией В. Маяковского, который стал для него кумиром, теперь читал его стихи в оригинале, многие из них знал наизусть. Любил он также творчество Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова, ибо в их произведениях находил созвучные своим мысли о справедливом общественном устройстве, о сострадании к судьбам простых людей. Марксистом, конечно, он не был, но хотел видеть в нашей стране, в России, общество, где воплощались бы идеи равенства и братства людей.

У Орлова-Соутера сложились добрые отношения с выдающимися советскими разведчиками Кимом Филби и Джорджем Блейком, жившими в Москве уже много лет. Он очень дорожил дружбой с ними, и они оказали на него большое положительное влияние. У всех троих были схожие судьбы, и Орлов-Соутер был рад получить от Кима Филби и Блейка дельные советы, обменяться с ними мнениями, чтобы глубже понять происходившие у нас в стране процессы, а поиск истины, желание докопаться до существа вопроса были ему свойственны всегда. Он не случайно говорил о себе: «Я всю свою сознательную жизнь провел в постоянном движении и одиночестве», и любая моральная поддержка была крайне важной для него.

В апреле 1987 года он женился на советской гражданке, преподавательнице английского языка одного из московских вузов, у них ро-

дилась дочь Александра, к которой отец относился с большой нежностью и любовью. Жизнь, казалось, налаживалась, все складывалось благополучно, пережитые нервные и физические перегрузки остались позади. В Москве он окружен вниманием и заботой коллег, предоставленная ему работа доставляет удовлетворение, создал новую семью. В середине 1988 года в одном из интервью он сказал так: «Сейчас у меня интересная работа, хорошие условия. Появляются новые друзья и, что немаловажно, серьезные жизненные планы. Я вижу и чувствую, что живу в динамичном обществе, в котором много проблем, но и огромное желание решать эти проблемы. Гласность, демократия, перестройка становятся для меня, американца, близкими и по-новому осознанными понятиями».

В конце того же 1988 года зачисление Орлова-Соутера на действительную службу в КГБ СССР с присвоением офицерского звания «майор» – вообще исключительный случай в истории нашей внешней разведки – открывает перед ним новые широкие перспективы на будущее. А в начале 1989 года руководство разведки ходатайствует о его награждении орденом Дружбы народов с формулировкой «за выполнение важных заданий и значительный вклад в обеспечение и укрепление безопасности нашего государства». Но, увы, вручать эту высокую награду не пришлось: за три дня до торжественной церемонии неожиданно и добровольно он ушел из жизни.

А еще он собирался изложить свои наблюдения, мысли и размышления в книге, сделал наброски глав, заключил договор с издательством о ее публикации. Но написать ее не успел. В ту трагическую ночь на 22 июня он был один на своей даче под Москвой, написал несколько предсмертных писем, адресованных самым близким ему людям: матери, жене, дочери, Джорджу Блейку и коллегам – сотрудникам внешней разведки. «Это решение мое и только мое, – написал он в одном из них, – оно есть следствие полного нервного перенапряжения. Я просто устал». В письме к дочери он просил ее «любить маму и быть для нее и нашей страны хорошим человеком и гражданином, а еще много трудиться». Матери он писал: «Обещай не забывать Сашу и мою жену». Закончив с письмами, спустился в гараж, плотно закрыл двери и включил мотор своего автомобиля.

Даже сейчас, по прошествии полутора десятка лет, назвать какую-то одну причину, толкнувшую его на роковой шаг, по-видимому, невозможно. Что сказалось и наложило трагический отпечаток на его душевное состояние: многолетнее нервное перенапряжение и психологические перегрузки, назойливое внимание к его личности и судьбе со стороны западных средств массовой информации, чувство личной ответственности за доставленные неприятности матери, родным и близким друзьям или увеличивающийся разрыв между его идеалами и реальной действительностью, дрейфом страны к иным берегам, – этого, вероятно, уже не дано узнать, тайну свою он унес с собой. Види-

мо, навсегда. Со всей определенностью можно лишь еще раз утверждать: Орлов-Соутер был глубоко порядочным, честным, отзывчивым, восприимчивым, впечатлительным и легкоранимым человеком.

Попрощаться с Орловым-Соутером пришли руководящие работники разведки, его коллеги-разведчики, в почетном карауле стояли руководители КГБ во главе с его председателем. В последний путь его проводили со всеми воинскими почестями, было исполнено и его последнее желание – его похоронили в форме офицера госбезопасности. Он покоится на Новокунцевском кладбище в Москве рядом с могилой легендарного Кима Филби.

В опубликованном от имени руководства органов госбезопасности СССР некрологе о скоропостижной смерти майора М.Е. Орлова подчеркивалось, что он свою жизнь целиком посвятил тому, чтобы отвести нависшую над нашей страной и всем человечеством угрозу ядерной катастрофы. Имя Михаила Евгеньевича Орлова-Соутера навечно вписано в историю Службы внешней разведки, оно золотыми буквами высечено на Мемориальной доске, что находится в центральном зале Кабинета истории разведки, стоит в одном ряду с именами наших выдающихся разведчиков – Героев Советского Союза и Российской Федерации.

В написанном перед смертью письме, обращенном к коллегам-разведчикам, он с твердостью заявил: «Я ни в коей мере не сожалею о наших отношениях. Они были продолжительными и помогли мне вырасти как личности. Все были терпимы и добры ко мне. Надеюсь, вы, как это было всегда, простите меня за то, что я не захотел пойти в последний бой». Еще раньше, во второй половине 1988 года, М.Е. Орлов-Соутер сделал такую запись: «Россия была для меня тем местом, где я жил в своих мечтах, – страной, очаровавшей меня, невзирая на то, что мне порой бывало трудно и одиноко».

12

Под псевдонимом Патрия

Исторически сложилось так, что в период становления ВЧК–ОГПУ кадровый состав советской внешней разведки в некоторой части комплектовался из иностранцев. Они получали советское гражданство, будучи членами компартий других стран, вступали в РКП(б) – ВКП(б), оформлялись на штатную, нередко руководящую работу в разведке, им присваивались воинские звания. Первым председателем ВЧК был поляк Дзержинский, одним из начальников внешней разведки в начале 30-х годов – швейцарец Артузов.

В разное время кадровыми сотрудниками советской разведки становились граждане или подданные Польши, Венгрии, Болгарии, Эстонии (до 1940 г.), Австрии, Италии, Швейцарии, Китая, Кореи, США, Франции, Англии. Хотя в общей массе штатного состава иностранцы составляли незначительную часть, результаты их работы во многих случаях были впечатляющими.

Добавим, что здесь говорилось преимущественно об иностранцах-мужчинах. Но история российской разведки обогащена исключительным явлением, когда кадровой сотрудницей стала женщина-иностранка. Уже сам по себе этот факт вызывает повышенный интерес к ее личности.

Наш рассказ об испанке Африке де Лас Эрас. Именовать ее будем оперативным псевдонимом Патрия, что в переводе с испанского означает «Родина».

Она родилась в 1909 году в г. Сеута (Испанское Марокко), где ее отец, человек либеральных взглядов, проходил службу в качестве военного архивариуса. Она получила необычное имя – Африка. Вероятно, родители таким образом решили «связать» дочь с континентом, где она появилась на свет. Через некоторое время семья переехала в Испанию, дочь стала учиться в мадридской школе, но вскоре занятия прервались: в результате государственного переворота в 1923 году в стране установилась военно-монархическая диктатура. Оппозици-

онно настроенные к новой власти отец и мать были признаны неблагонадежными. Их выслали из столицы, и они снова оказались в Испанском Марокко в городке Мелилья. Там девушка продолжила учебу в школе при одном из монастырей. В 1926 году скончался отец. Условия жизни ухудшились, временами семья бедствовала. После свержения монархии в 1931 году мать и дочь сумели перебраться в Испанию. Позднее обе подключились к активной политической деятельности в рамках организаций Народного фронта, сформировавшегося в начале 1936 года, и начали сотрудничать с представителями коммунистической партии.

Как свидетельствуют документы, в 1937 году с Патрией установили контакт работники советской разведывательной службы в Испании. Однако Патрию пришлось срочно отозвать в Москву после того, как в июле 1938 года покинул свой пост и исчез резидент НКВД в Испании Орлов, который хорошо ее знал. В 1939 году Патрия уже находилась в Москве.

Началась адаптация к новой жизни в незнакомой ей стране. Довольно успешно пошло освоение русского языка. Труднее было привыкать к особенностям быта и уклада жизни, к работе в коллективе одного из объединений столичных художников («Всекохудожник»), куда ее приняли как имевшую способности к рисованию. Она поддерживала дружеские отношения с некоторыми соотечественниками, оказавшимися в Москве после поражения республиканцев. Из Испании пришла печальная весть: фашисты расстреляли ее мать как активную участницу антифранкистского движения.

Началась Великая Отечественная война. Для организации партизанской борьбы на территориях, оказавшихся под немецкой оккупацией, в НКВД СССР была создана специальная структура. В ее рамках организовали войсковое соединение – отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН).

Патрия сразу же стала проситься на фронт. Ее добровольное обращение учли и направили на обучение в медицинское подразделение ОМСБОН: потребность в медсестрах, санитарах покрывалась за счет женщин-добровольцев. Затем перевели на курсы по подготовке радистов для партизанских отрядов. Она успешно освоила радиодело, прошла курс военной подготовки: стрельба из разных видов оружия, гранатометание, марш-броски на выносливость с полной выкладкой и др. После окончания учебы весной 1942 года попала по распределению в отряд известного партизанского командира Д.Н. Медведева, будущего Героя Советского Союза. После войны он в своих книгах «Сильные духом» и «Это было под Ровно» подробно описал события боевого пути отряда «Победители».

В июне 1942 года Патрия и группа новых бойцов отряда была десантирована на парашютах в глубокий тыл на Украине (она прыгала второй раз в жизни!). Начались тяжелые партизанские будни.

Основные задачи Патрии и ее подруг по радиовзводу исполнялись на высоком уровне. Не произошло ни единого срыва двусторонних радиоконтактов с Центром, надежная связь поддерживалась с тремя десятками боевых групп отряда, действовавших на отдаленных от него территориях. По заданию из Москвы обеспечивалась радиосвязь с партизанским отрядом А.А. Ковпака во время его рейда по Карпатам.

Условия работы и быта радисток были неимоверно трудными. Никакого твердого режима дня. Все зависело от расписаний радиосвязи: рано утром, в течение дня, поздно вечером. Почти каждый сеанс маскировался ложными выходами в эфир на произвольных частотах (вдали от места дислокации отряда), чтобы вводить в заблуждение службы пеленгации противника. Случалось, что немцы засекали места передач, пытались окружать радистов. Возникали перестрелки, приходилось спешно эвакуироваться. Переходы туда-обратно в основном совершались по ночам, отдыхали днем в укромных местах, испытывая при этом климатические невзгоды и чувство голода.

В отряде Патрию любили, ценили и по возможности оберегали. Трогательные отношения сложились у нее с разведчиком-нелегалом Н.И. Кузнецовым, который в тылу выступал под личиной немецкого офицера. Видя, что испанка плохо переносит зимние холода, по возвращении из очередного выхода в г. Ровно Кузнецов подарил ей приобретенную там теплую шерстяную шаль.

В тылу врага она пробыла свыше двух лет. За боевые заслуги награждена двумя орденами и медалями. Особо гордилась медалью «Партизану Великой Отечественной войны» I степени.

В Москву возвратилась летом 1944 года. После некоторого отдыха ей предложили начать подготовку к нелегальной работе за границей. При этом подчеркивалось, что речь о подобной командировке может идти только в случае ее добровольного согласия. Возражений не последовало.

Страной назначения определили Испанию, трамплином для переезда туда избрали Францию. Подготовили необходимые документы, отработали легенду и план действий во Франции. В начале 1946 года Патрия уже находилась в Париже. Для подкрепления легенды, по которой она значилась модельером женского платья, она поступила на курсы художественного шитья, а затем устроилась в ателье мод. (Через несколько лет полученные на этом поприще навыки ей пригодились совсем в другой стране.) Казалось, что намеченный план реализуется успешно. Однако с некоторым опозданием выяснилось, что среди находящейся во Франции испанской эмиграции есть лица, которые знали Патрию по партийной работе на родине и осведомлены о том, что после поражения республиканцев она оказалась в СССР. Также было установлено, что в самой Испании она состоит на полицейском учете как коммунистка и подлежит задержанию, если объ-

явится там. Дальнейшее пребывание Патрии во Франции становилось нецелесообразным. Ее возвратили в Москву.

В Центре разработали новый план. Решили направить ее на длительное оседание в Латинскую Америку. При этом имелось в виду организовать канал двусторонней радиосвязи с Центром.

В Южную Америку Патрия выехала в 1948 году. Обосновалась в столице одного из государств. Началась многотрудная легализация на новом месте: устройство на жительство, поиски работы, приобретение полезных связей и др. Требовалось повести себя так, чтобы окружение узнало и поверило в то, что у прибывшей иностранки имеется кое-какой капитал. В качестве прикрытия, как и планировалось, она открыла ателье мод, служившее одновременно и местом проживания. Напряженный труд позволил приобрести первичную клиентуру, постепенно расширить ее круг. Были наняты две вспомогательные работницы-швеи.

Благодаря упорству и умелому использованию уже приобретенных связей ей удалось решить одну из важных задач легализации – получить местное гражданство. Примерно к этому времени она наладила радиосвязь с Центром, уверенно принимала шифрованные сообщения из Москвы.

На подготовку условий для прочного оседания у разведчицы ушло около четырех лет.

В 1954 году Патрию вызвали в Центр для доподготовки по радиоделу и уточнения разведывательных задач. Уже вовсю шла холодная война. Основным направлением работы в то время стала линия ГП, то есть «главный противник» (в то время – США).

В связи с этим пребыванием в Москве вспоминается эпизод, когда проявилась особо присущая Патрии настойчивость. Ей предстояло освоить новую для нее (и для службы тоже) сложную аппаратуру – радиопередатчик быстрого действия. Контрольные сеансы подтвердили ее умение работать с этой техникой. Учебные передачи велись с конспиративной квартиры в центре Москвы, прием производил радиоузел, расположенный в пригороде. Именно это обстоятельство – близость приемного пункта – и смутило Патрию. Ведь ей предстояло работать «очень издалека». Пройдет ли оттуда радиосигнал, как убедиться, что дальняя связь сработает так же, как сейчас в Москве? С таким вопросом он обратилась к специалистам. Те дружно заверяли: все будет в порядке. Однако по настойчивой просьбе Патрии об этих ее сомнениях доложили начальнику нелегальной службы А.М. Короткову, который всегда с вниманием относился к соображениям своих подопечных. Он посчитал ее колебания резонными и принял решение: для дополнительной тренировки направить ее в командировку подальше от Москвы и сам определил: Сухуми, Абхазия. Как бы обосновывая такой выбор, заметил: «И климат там схож с южноамериканским».

После согласования необходимых вопросов Патрия с инструктором-радистом вылетела в Сухуми. Оттуда была установлена радиосвязь в режиме, приближенном к условиям зарубежной обстановки. Этот опыт оказался полезным для Патрии: она успокоилась, обрела дополнительную уверенность.

Когда в конце войны она стала готовиться к нелегальной работе, ей рекомендовали в интересах соблюдения секретности прекратить контакты с партизанами-однополчанами. Зная ее высокую дисциплинированность, в службе полагали, что так оно и будет. Но буквально за день до выезда из Москвы она попросила связаться с ее московскими друзьями по отряду Медведева супружеской парой Н. (сообщила необходимые координаты) и передать им от нее некоторые вещи – свитер, кофту и др., о чем те были осведомлены.

Что стояло за этим поступком, как его расценили в службе? А.М. Коротков высказался примерно так: «Вот вам свидетельство подлинной солдатской дружбы, скрепленной кровью военных лет, пример взаимного доверия и человеческой искренности». Естественно, ее просьба была исполнена.

Анализируя положение Патрии и обстановку в регионе, Центр счел необходимым направить в Южную Америку еще одного нелегала и тем самым образовать в стране полноценную нелегальную резидентуру. Руководителем был избран опытный кадровый разведчик Марко, итальянец по национальности. В 1956 году он прибыл к месту назначения и столкнулся с теми же трудностями, что поначалу и Патрия, – как иностранцу закрепиться в стране. На первых порах удалось лишь заменить имевшуюся транзитную визу на туристическую, а затем продлить срок ее действия. Но главный вопрос – прочное оседание – оставался открытым.

Решение нашли сами нелегалы. Они предложили: «Мы заключим брак». Законодательство страны предусматривало: если иностранец женится на местной гражданке, то он приобретает право на постоянное пребывание, а в последующем может претендовать на получение гражданства. В Москве инициативу одобрили, и вскоре состоялось бракосочетание. Были выполнены положенные для такого случая формальности – регистрация брака в муниципалитете, свидетели с обеих сторон, поздравления друзей, традиционное застолье и т.п. Перед этим Патрия в своем окружении распространила легенду, согласно которой «молодожены» познакомились еще в Европе, куда она действительно выезжала в 1954 году, затем романтические отношения поддерживались на расстоянии и логически завершились здесь оформлением брака. Недоверия такая версия ни у кого не вызвала.

Упрочение положения Марко предполагало подбор для него подходящей работы, чтобы он не выглядел как иждивенец жены. Изучив обстановку, они решили приобрести в собственность какую-нибудь

торговую точку. Центр эти намерения поддержал, в результате Марко стал владельцем небольшой антикварной лавки.

Таким образом, легализация в основном завершилась. У них имелись безупречные личные документы, собственный жилой дом, автомашина, надежное прикрытие.

Еще до приезда руководителя Патрия выполнила ряд разведывательных заданий за пределами страны. Центр не мог пропустить столь выгодные возможности, которые возникли у нее в связи с получением национального загранпаспорта. Средних лет женщина с документом «спокойной» южноамериканской страны, она не привлекала особого внимания пограничных, таможенных, полицейских властей. Все это в сочетании с оперативной опытностью позволило ей восстановить связь с двумя агентами, контакт с которыми прервался в первые послевоенные годы, и выяснить положение еще одного агента, утратившего связь с нами около 15 лет тому назад. Несколько раз она выезжала к коллегам-нелегалам в страну, где легальной резидентуры нашей разведки не было, и провела с ними предписанную Центром объемную и сложную работу.

Уже упоминалось о местных связях Патрии, которые оказали ей и Марко помощь в легализации. Действительно, знакомств разной степени близости у них было много. Даже чересчур. Центру пришлось рекомендовать им «не гнаться за количеством», а сосредоточиться на оперативно значимых. Они провели разработку двух ответственных чиновников государственных ведомств, которые были завербованы легальной резидентурой и в течение ряда последующих лет успешно сотрудничали с нашей разведслужбой.

От разведчиков регулярно поступала политическая и экономическая информация по странам региона. В большинстве своем она была актуальной и служила полезной добавкой в информационную копилку разведки.

Была выполнена и другая важная задача нелегальной резидентуры: налажена двусторонняя радиосвязь с Москвой. Надо подчеркнуть, что к тому времени опыта подобных радиосвязей из Южной Америки у нашей разведслужбы не было. Успех пришел не сразу. Примерно год ушел на отлаживание техники и выработку приемов работы на передатчике. Регулярная связь функционировала в течение семи лет.

Между тем каждому из нелегалов перевалило за пятьдесят. Давали о себе знать возрастные недуги. У Марко сказывались последствия ранения военных лет, не вполне здоровой чувствовала себя и Патрия. Летом 1964 года случилась беда. Марко попал в больницу с переломом ноги. Поначалу казалось, что серьезной угрозы здоровью нет. Его даже выписали домой долечиваться. Однако возникли осложнения, и он скоропостижно скончался. Так на чужбине, на боевом посту, закончился жизненный путь советского разведчика под-

полковника Марко. Образцовый разведывательный коллектив единомышленников-интернационалистов перестал существовать.

Позже Патрия вспоминала: «По характеру Марко был вспыльчивым, но отходчивым. Со мной был добрым, благородным и спокойным. Когда дело касалось работы, между нами никогда не возникало трений. Мы трудились в тесном взаимодействии и согласии, при полном обоюдном доверии.

Он был моим большим другом и замечательным товарищем. Его смерть для меня – жестокий удар. Не знаю почему, но рядом с ним я всегда чувствовала себя слабой... Ко мне он относился очень хорошо. Однако иногда проявлял упрямство и не хотел говорить мне, о чем Центр сообщал ему по радио его шифром... Когда из госпиталя он вернулся домой, его стали одолевать горькие предчувствия. Он постоянно говорил: «Ты останешься одна, будешь одинокой», и слезы катились из его глаз. Я призывала его не падать духом, но болезнь брала свое».

Марко высоко ценил Патрию и постоянно проявлял заботу о ней. Единственное, по поводу чего они часто спорили, было ее беспечное отношение к собственному здоровью.

Когда Патрию в 1961 году вызвали в Москву для переподготовки по радиоделу, Марко написал в Центр: «Хотелось бы надеяться, что она использует время пребывания дома не только для ознакомления с новой техникой, но и для лечения. В последнюю зиму она очень страдала от ревматизма. Направить ее к врачу было невозможно. В течение длительного времени у нее есть проблемы с сердцем. Если даже не будет времени для лечения, вы должны настоять, чтобы она сделала это, поскольку весьма предубежденно относится к врачам. Если она задержится с возвращением больше месяца, в этом не будет ничего необычного, так как никто отсюда не ездит в Европу меньше чем на три месяца». В Москве она прошла медицинское обследование, немного подлечилась, но решительно отказалась задержаться для основательной поправки. Возвратилась обратно через полтора месяца.

После кончины Марко Центр был готов прекратить командировку Патрии, но она посчитала возможным остаться на некоторое время, чтобы завершить начатые дела. В Москве согласились, и она пробыла там еще три с половиной года. Продолжая заниматься информационной работой, она подготовила легенду своего выезда, продала антикварный магазин, автомашину, некоторое имущество, постепенно свернула работу своего ателье мод.

В конце 1967 года Патрия возвратилась в Советский Союз. Ее командировка длилась без малого двадцать лет.

После отчета и кратковременного отдыха Патрия решительно высказалась за продолжение своей работы в разведке, несмотря на то что уже достигла пенсионного возраста. Она докладывала: «Считаю,

что могу работать инструктором, передавая опыт молодым сотрудникам, оказывать им практическую помощь, сопровождать их при необходимости в зарубежных поездках... В любом случае я полна желания работать и полагаю, что в меру своих возможностей могу и впредь приносить пользу нашей Родине».

Намерения Патрии совпадали с интересами службы, которая готовила молодежь, особенно ее женскую часть, для нелегальной работы. Как носитель иностранного языка и опытный практик-нелегал она удачно подходила на эту роль. Ей дали группу учеников и учениц, и она приступила к занятиям с ними по индивидуальным планам.

В 1969–1970 годах она совершила две многомесячные поездки в Европу и латиноамериканские страны. Позже состоялось несколько загранпоездок с конкретными заданиями.

Сосредоточившись на педагогическо-воспитательной работе, Патрия помогала своим ученикам совершенствовать знания испанского языка, знакомила с принятыми за границей нормами поведения в различных ситуациях, руководила освоением ими науки перевоплощения в иностранца.

Работала она с большой охотой, вдохновенно, высокопрофессионально. Своих подопечных называла «мои дети». Характерен такой эпизод. Будучи в одной из загранпоездок, она писала в Центр: «Если вы разрешите, я хотела бы воспользоваться пребыванием здесь, чтобы приобрести кое-какие материалы для будущих «детей», с которыми буду заниматься по возвращении. У меня уже есть каталоги издательств и другие вещи, абсолютно необходимые для последующей работы».

Вспоминает ее бывшая ученица Т.:

«В 70-х годах мне привелось заниматься с Патрией страноведением и шлифовкой испанского языка. Встречи и тесное общение с ней убедили: Патрия – личность совершенно замечательная и необыкновенная. Наставником она была великолепным. Понятие временных рамок урока для нее не существовало. Зачастую это были встречи-занятия на ее квартире, прерываемые чаепитием, обедами, а иногда и ужинами. Случалось, засидевшись допоздна, я оставалась ночевать. Она рассказывала о событиях своей непростой жизни в Испании, постоянно следила за ситуацией на родине, вспоминала о ней с любовью и некоторой грустью.

Мне предстояло знакомиться с особенностями западного образа жизни. Для расширения таких знаний и получения некоторой практики нас с мужем и Патрию командировали в курортную местность на берегу Черного моря. В течение месяца под ее опекой мы и вели себя «как иностранцы». Очень полезны были ее советы бытового характера, не прописанные ни в каких учебных пособиях: как строить семейный бюджет, как правильно подбирать гардероб, использовать украшения, парфюмерию, соблюдать личную гигиену и т.п. Позже,

уже на самостоятельной работе, мы часто вспоминали и применяли ее рекомендации».

Какими особенностями запомнилась Патрия? Она ценила в людях искренность, обязательность, принципиальность. Именно такой была она сама. С глубоким уважением вспоминала своего первого руководителя А.М. Короткова. С теплотой отзывалась о многих других сотрудниках, с которыми работала в разное время. Для нее совершенно неприемлемы были лицемерие, фальшь, демагогия – от кого бы они ни исходили. Свои суждения не скрывала, откровенно их высказывала. Так, она полагала, что не следовало в такой резкой форме проводить кампанию по разоблачению культа Сталина. Хотя и критиковала недостатки в нашей жизни, но постоянно подчеркивала и доказывала примерами, что у нас много положительного, чего нет даже в самых высокоразвитых западных странах.

Все, кто знал Патрию, отмечают ее широкий кругозор, начитанность, высокий культурный уровень и необыкновенную скромность. Она собрала хорошую библиотеку, занималась живописью. С заинтересованностью следила за развитием событий в мире, охотно их обсуждала, не упуская возможности поспорить. Свое политическое кредо она определила так: «Я испано-русский коммунист-интернационалист». Много лет, как ее уже нет, а все, кому довелось с ней работать, вспоминают о ней с неизменной теплотой и любовью.

Тесную связь Патрия поддерживала с друзьями по партизанскому отряду. Они часто виделись у нее дома, в гостях у вдовы их бывшего командира Медведева. В праздничные дни собирались в традиционных для москвичей местах встреч ветеранов. Она очень дорожила этой дружбой, а партизаны отвечали ей полной взаимностью и глубоким уважением.

Вспоминает жена ветерана службы Л.:

«В 1978 году мы с мужем были в Московском доме журналистов, где отмечалась 80-я годовщина со дня рождения командира партизанского отряда «Победители» Д.Н. Медведева. Там собрались многие партизаны, была и Африка. Встретились мы впервые после знакомства, состоявшегося еще в 1954 году. Муж тогда занимался с ней по работе, а мне разрешили побывать на нескольких неслужебных встречах, чтобы как-то разнообразить ее кратковременное пребывание в Москве. И вот встреча через 25 лет.

Торжественный вечер закончился, и мы направились домой к Африке. С нами была остановившаяся у нее близкая подруга по отряду Валентина Довгер, приехавшая из Воронежа. В завязавшейся беседе Африка живо интересовалась нашими семейными делами: где и как учатся дети, чем увлекаются, какие иностранные языки изучают и др. Чувствовалось: детская тема ее волнует. С горечью заметила, что не имеет собственных детей. Я напомнила ей один случай. Перед отъездом за границу Африка подарила мне флакончик французских

духов (впервые в жизни у меня оказалась подобная парфюмерия). В ответ я передала ей скромный шелковый шейный платок. Дальше произошло неожиданное. Африка вышла в соседнюю комнату и принесла... тот самый платок. Обнявшись, обе мы долго не могли сдержать слез.

После того как из публикаций и телефильмов я узнала о заграничной работе Африки, пришло на память запомнившееся высказывание Л.Н. Толстого: «Герой – это тот, кто на своем месте делает то, что нужно делать». Точно – это сказано про Африку».

Вспоминается декабрь 1985 года, когда в одном из подразделений Главка встречались ветераны – участники Великой Отечественной войны, группа сотрудников среднего возраста, молодые работники. Все с женами. Почетным гостем была Патрия. Выслушали ее с большим вниманием. Все отметили остроту ее мышления, искренность, чувство юмора. Поделились воспоминаниями партизаны, лично знавшие Патрию по военному периоду, и бойцы ОМСБОНа. С волнением «бойцы вспоминали минувшие дни». Ветераны называли общих друзей по партизанским отрядам, рассказывали об их судьбах, восстанавливали отдельные эпизоды боевых операций. Почтили память погибших и ушедших из жизни товарищей. Патрии задавали множество вопросов. Был, к примеру, такой: «Какие самые большие трудности Вы испытывали, находясь в тылу у немцев?» Она ответила: «Морозы русской зимы». Заметьте, не опасения погибнуть в бою, не риск попасть в окружение, не иные невзгоды партизанской повседневной жизни, а лишь холода. Такой вот была Патрия.

В 1976 году за заслуги перед государством Указом Президиума Верховного Совета СССР ее наградили орденом Ленина. Ветераны знают, что такой награды в разведке удостаивались немногие.

В 1979 году в торжественной обстановке отмечалось семидесятилетие разведчицы. Ее сердечно приветствовали друзья-партизаны, многочисленные коллеги по службе.

В 1985 году полковник Африка де Лас Эрас в возрасте 75 лет вышла на пенсию.

В начале 1988 года Патрию представили к награждению знаком «Почетный сотрудник госбезопасности». Это отличие считается высшей ведомственной наградой. Вручение знака приурочивалось к традиционному мартовскому женскому празднику. Однако 8 марта 1988 года Патрия скончалась.

На ее надгробии на столичном Хованском кладбище начертано:

Патрия

Полковник *де Лас Эрас Африка*

13

Жанна и Сеп

В один из морозных зимних дней начала 1970-х годов в московском аэропорту «Шереметьево» приземлился самолет иностранной авиакомпании. Ничем не выделявшуюся среди прилетевших среднего возраста супружескую пару встречал сдержанный молодой человек. Обмен приветствиями и рукопожатиями, посадка в автомобиль, и черная «Волга» понеслась с пассажирами к столице. Объятия и поцелуи, улыбки и дружеское застолье ждали их впереди. После 15 лет работы в особых условиях за границей в Центр возвратились разведчики-нелегалы супруги Михаил и Галина Федоровы.

Все началось со встречи Галины и Михаила в уже далеком 1947 году. Но сначала расскажем немного о жизненном пути каждого из наших героев до этого знаменательного момента.

Михаил Владимирович Федоров родился 1 января 1916 года в городе Колпино под Петроградом в семье питерского рабочего. Отец в то время трудился на Ижорском заводе в сталелитейном цехе, а мать занималась домашним хозяйством. Когда в 1922 году отец вернулся со службы в Красной Армии, семья переехала на жительство в город Ямбург, переименованный вскоре в Кингисепп.

В Кингисеппе прошли детские и юношеские годы Михаила. В школе он увлекался спортом, поэтому после окончания десятилетки в 1935 году поступил на учебу в Ленинградский институт физической культуры имени П.Ф. Лесгафта.

По окончании института 1 сентября 1939 года, в день начала Второй мировой войны, Михаил был зачислен на службу в 5-е управление РККА, как в то время называлась советская военная разведка. А уже в начале октября того же года направлен для прохождения разведывательной подготовки в индивидуальном порядке в отделение разведотдела штаба Западного особого военного округа в город Белосток. Подготовка включала в себя изучение двух иностранных языков, радио-и фотодела, шифров. Заниматься приходилось ежедневно, с утра до позднего вечера, практически без выходных.

Программа подготовки была рассчитана на восемнадцать месяцев. Планировалось, что в конце июня 1941 года он должен был нелегально уйти в Польшу, а затем, обзаведясь там польскими документами, попытаться осесть в Германии. Однако планам руководства не суждено было реализоваться. Когда подготовка разведчика была практически завершена, началась Великая Отечественная война.

Застигнутый вторжением немецких войск в Белостоке, Михаил вместе с другими сотрудниками разведотделения выходил из окружения, прорывался к своим...

В конце июля 1941 года Михаил был направлен в распоряжение разведотдела штаба Западного фронта в район Вязьмы, на станцию Касня.

В качестве заместителя командира группы разведчиков он до декабря 1941 года находился за линией фронта – в Великих Луках и Невеле. Члены группы вели разведку по дислокации и передвижению частей противника, минировали дороги, разрушали средства связи, карали предателей Родины.

В начале сентября 1942 года Михаил в составе разведывательно-диверсионного отряда специального назначения был выброшен с парашютом в районе города Барановичи Брестской области. За участие в боевых операциях награжден орденом Красной Звезды.

В общей сложности в тылу врага Михаил Федоров провел более 27 месяцев. Научился переносить трудности, ориентироваться в сложной обстановке, в совершенстве овладел радиоделом, приобрел навыки конспирации, усовершенствовал немецкий и польский языки.

Опыт военных лет очень помог ему в последующей разведывательной работе.

После возвращения в Москву из-за линии фронта в августе 1944 года М. Федоров был откомандирован в распоряжение Главного разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии. Он прошел необходимую подготовку и в августе 1945 года был направлен на нелегальную работу в Англию. Работал там в дипломатическом представительстве одной из зарубежных стран. Передавал в Центр важную информацию военно-политического характера.

Однако спустя полтора года из-за нелепой случайности разведчику пришлось прекратить командировку. А произошло вот что. В один из обыденных дней Михаил шел по коридору учреждения, в котором работал, и вдруг в его противоположной стороне увидел свою знакомую – бывшую преподавательницу из Белостока, у которой брал уроки иностранного языка. Непосредственного контакта удалось избежать, однако Михаил не был уверен, что женщина его не заметила. На другой день он выяснил, что преподавательница находилась в Англии в командировке и посетила посольство по своим личным делам. В Москву ушла радиограмма о случившемся. Центр решил не рисковать разведчиком...

Уже будучи в Москве, в середине 1947 года М. Федоров переводится из военной разведки на работу в Комитет информации при Совете Министров СССР (так в то время называлась внешняя разведка госбезопасности) и начинает напряженно готовиться к выполнению нового задания за границей. Но в планы подготовки вновь вмешался случай.

Из воспоминаний Михаила Федорова:

«Захожу как-то в столовую. Очередь небольшая, но я куда-то спешил. Вижу – стоят мои коллеги, я к ним:

– Предупреждали, что я буду? – а сам делаю знаки, мол, выручайте. Те только собрались ответить, как сзади раздался тонкий голосок:

– Нет, не предупреждали.

Оборачиваюсь и... встречаю взгляд жгучих черносмольных глаз, смотрящих на меня с вызовом и укором.

Так я познакомился с Галей...».

Галина Ивановна Маркина (в замужестве Федорова) родилась 17 февраля 1920 года в городе Саратове в рабочей семье. Отец был электромонтером-самоучкой. Позднее, после прохождения профессиональной подготовки, он получил должность директора мельницы, где работала и мать Галины. Сразу после революции вступил в партию большевиков. Последние годы жизни находился на партийной работе.

После смерти отца в 1932 году матери стало очень трудно воспитывать четверых детей: старшей сестре Гали было в то время четырнадцать лет, младшим братьям – менее десяти. С двенадцати лет Галина воспитывалась у тети – сестры отца, которая жила в Москве. В 1937 году девушка окончила школу-десятилетку. Стала работать на технической должности в Наркомфине СССР и одновременно учиться на вечернем факультете Московского высшего технического училища имени Н.Э. Баумана.

В январе 1939 года по путевке комсомола Галина пришла в органы государственной безопасности. Вначале работала в Транспортном управлении НКВД, занималась техническими вопросами, но привлекалась и к выполнению отдельных оперативных заданий.

В годы Великой Отечественной войны Галина находилась в распоряжении группы особого назначения Четвертого главного управления НКВД, занимавшейся подготовкой кадров для работы в подполье в тылу врага. Во время войны ей приходилось выполнять тяжелые и ответственные задания. Довелось также и ухаживать за ранеными бойцами в подшефном военном госпитале, который в ту пору находился на 3-й Мещанской улице. Ночные дежурства, подмена санитарок, чтение газет и личных писем раненым – все это в часы, выкраиваемые от основной работы, за счет отдыха. Война закалила Галину как будущего нелегального разведчика.

В 1946 году Галина окончила двухгодичные курсы иностранных языков при Высшей школе Министерства государственной безопасности СССР. Ей предложили перейти на работу во внешнюю развед-

ку, в подразделение, которое занималось разведкой с нелегальных позиций. Беседовал с ней начальник нелегальной разведки полковник Александр Михайлович Коротков.

Рассказывает Галина Ивановна: «С необыкновенным волнением вошла я в кабинет начальника нелегальной разведки. Из-за большого стола в глубине кабинета энергично поднялся высокий широкоплечий мужчина средних лет и с приветливой улыбкой направился мне навстречу. Обратила внимание на его мужественное, волевое лицо, сильный подбородок, волнистые каштановые волосы. Одет он был в темный костюм безупречного покроя. Пронизывающий взгляд серо-голубых глаз устремлен на меня. Говорил низким, приятным голосом, с доброжелательностью и знанием дела. Крепко пожав мою руку, он представил меня находившемуся в кабинете сотруднику. Втроем разместились за маленьким столиком, стоявшим перпендикулярно к большому.

Беседа была обстоятельной и очень дружелюбной. На меня произвели большое впечатление его простота в общении, располагающая к откровенности манера вести беседу, юмор.

После беседы, когда вопрос в принципе был решен, Александр Михайлович пошутил: «Глядя на нее, никто не подумает, что она может заниматься разведкой».

Это был камушек в мой огород. Причиной, видимо, являлся мой невысокий рост, неброский, скромный внешний вид».

Что привело молодую девушку в разведку? Об этом Галина Ивановна рассказывает в своих воспоминаниях:

«Мое представление о такого рода деятельности, как и у многих, было весьма скудным. Слышала, что туда отбирают особо способных сотрудников, что подготовка длится очень долго, что сама работа растягивается на годы и годы. Кроме того, требуется глубокое знание иностранных языков. Тут я имела плюс: языки мне давались легко, я много читала, переводила даже просто так, для себя. Ну и, конечно, волновало: подойду ли для такой службы?

После обстоятельной и очень дружелюбной беседы с начальником нелегальной разведки полковником Александром Михайловичем Коротковым вопрос был решен.

На работу в разведку я пошла сознательно, с полным пониманием значения этой службы для государства и той ответственности, которую приняла на себя. Ни в то время, ни в последующем у меня не возникало ни малейших колебаний или запоздалых сомнений в правильности избранного в молодости пути. Я счастлива оттого, что разведка стала делом всей моей жизни.

Вскоре произошли приятные изменения в личном плане. Как подарок судьбы появился он – Михаил. Сильный, добрый, чуткий, верный и надежный друг. С первых дней знакомства возникло ощущение, как будто мы знали друг друга сотню лет...»

Молодые люди решили пожениться, а сотрудники Центра... вынуждены были изменить планы подготовки Михаила и начали разрабатывать вариант их совместной поездки на нелегальную разведывательную работу.

Среди сотрудников внешней разведки выражение «нелегалами не рождаются, ими становятся» воспринимается как истина, не требующая доказательства. Просто в какой-то момент разведке, исходя из возникших или порученных задач, требуется конкретный человек, пользующийся особым доверием, обладающий определенными личными и деловыми качествами, профессиональной ориентацией и необходимым жизненным опытом для того, чтобы направить его на работу в конкретный регион земного шара. Для Федоровых таким регионом была Австралия.

Перед Сепом и Жанной (такими были оперативные псевдонимы Михаила и Галины Федоровых) была поставлена задача: прочно обосноваться в Австралии, найти подходящую работу и закрепиться в стране на «постоянное» жительство. Начался напряженный период подготовки к выезду за кордон: разведчики вживались в свои новые биографии, изучали шифры, тайнопись, радиодело, совершенствовали иностранные языки. И когда все уже было готово, планы вновь изменились. Один из сотрудников резидентуры внешней разведки в Австралии, который мог знать Сепа, перешел на сторону американцев...

Сена и Жанну направили в промежуточную страну – Польшу. На акклиматизацию в ней им отводилось полгода. Предстояло не только вжиться в образ поляков, но и понять их психологию, изучить историю и географию Польши, от Гданьска до Кракова и от Люблина до Щецина, современное польское искусство, культуру, узнать новинки кино и литературы, посмотреть крупные костелы, магазины, почерпнуть из народной лексики шутки, прибаутки и анекдоты.

Ровно через шесть месяцев в Варшаву прибыл представитель Центра и сообщил о новом задании: выехать на нелегальную работу в одну из стран Западной Европы, на территории которой находились важные объекты блока НАТО. Сепу и Жанне предстояло создать в этой стране региональный пункт нелегальной связи с Москвой, который в случае военных действий против Советского Союза должен был перейти на боевой режим работы.

Глубокое оседание... Сейчас, по прошествии многих лет, можно сказать, что длительное пребывание разведчиков-нелегалов за границей было успешным и прошло практически без проблем благодаря их высокому профессионализму. Но тогда, в середине 1950-х, все только начиналось, и перед Сепом и Жанной простиралась неизвестность. Им практически пришлось начинать жизнь с нуля.

В страну они приехали якобы после долгих лет эмиграции. Война оставила их без родных и близких. На первых порах Сеп работал сле-

сарем в автомастерской. Жанна трудилась секретарем в одной из местных фирм.

Пришлось разведчикам выдержать и серьезный длительный интерес со стороны местных спецслужб. Дело заключалось в том, что местные власти и их спецслужбы с недоверием относились к репатриантам из социалистической Польши. И супругов взяли в проверочную разработку. Местная контрразведка подводила к разведчикам своих осведомителей из числа их знакомых, организовывала внезапные посещения их дома под надуманными предлогами, выставляла за ними наружное наблюдение. Одному из наиболее острых приемов проверки – «с русским текстом» – подверглась Жанна, когда один из ее знакомых подсунул ей записку, написанную по-русски. Жанна хладнокровно среагировала на эту провокацию: повертела листок, выразив полное равнодушие и недоумение.

По каждому факту маневров контрразведки вокруг нелегалов они подробно информировали Центр. Напряжение нарастало. В Москве возникла обоснованная тревога за судьбу разведчиков, следствием которой явилась телеграмма следующего содержания:

«С учетом интенсивности работы спецслужб, продолжительности проводимых мероприятий и принимая во внимание сложную агентурно-оперативную обстановку в стране, полагаем целесообразным рассмотреть возможность вашего возвращения на родину. Оперативные связи просим законсервировать. Рекомендуемый маршрут следования...»

В связи с этой телеграммой было бы интересно привести здесь небольшой отрывок из воспоминаний генерала В.Г. Павлова, бывшего в то время одним из руководителей советской нелегальной разведки:

«Будучи к этому времени заместителем начальника нелегальной службы, я подробно обсуждал проблему безопасности созданной резидентуры региональной связи и с руководством отдела связи. Первоначальный проект указания содержал категорическое предписание выезжать нелегалам домой, так как создавалась реальная угроза их ареста. Но я знал, что Сеп уже прошел хорошую школу нелегальной работы в Англии, был опытным партизаном и разведчиком во время войны и, очевидно, был способен сам определить, когда возникнет срочная необходимость их исчезновения из страны. Поэтому, докладывая начальнику службы, предложил смягчить указание, сохраняя возможность иного решения. С моим мнением Александр Михайлович Коротков согласился, тем более что он лично знал и Сепа, и Жанну и сохранил о них самое положительное мнение. Он разделил мое доверие к Сепу и мою уверенность в выдержке Жанны».

По сути дела, окончательное решение вопроса, продолжить или прервать работу с нелегальных позиций, было передано на усмотрение разведчиков, которые лучше, чем Центр, чувствовали обстановку вокруг себя. И они приняли решение: «Реально оценив обстановку

как в стране, так и вокруг нас, докладываем, что легализация в принципе прошла успешно, положение на работе в известной вам фирме прочное. Проявленное со стороны спецслужб внимание считаем профилактическим, вызванным общим нагнетанием кампании шпиономании. В связи с этим считаем возможным продолжить наше пребывание здесь для решения поставленных задач. Просим вашего согласия».

После тщательного изучения ситуации Центр дал согласие на продолжение работы. Кончился период, когда более трех лет местные спецслужбы держали разведчиков «под колпаком». Навязанный им контрразведкой серьезный профессиональный экзамен был успешно выдержан. «В Москве было однозначно определено, – отмечает в своих воспоминаниях В.Г. Павлов, – что Сеп и Жанна своей выдержкой, правильными поведением и реакцией на мероприятия спецслужб рассеяли их подозрения и, проявив тонкое понимание замыслов, переиграли спецслужбы. Было констатировано, что теперь ничто не мешало выполнению основного задания». И в последующие десять лет разведчики результативно проводили самые острые операции, не чувствуя за спиной беспокойного дыхания контрразведки.

Переиграв контрразведку, Сеп и Жанна продолжали вживаться в окружающую среду, привыкали ко всему и приспосабливались к новой жизни. Первые оперативные задания, которые Центр поставил перед резидентурой, касались розыска в европейских странах агентов внешней разведки, связь с которыми прервалась с началом войны. Разведчикам пришлось совершить многочисленные поездки по странам Европы. В первую очередь это касалось Испании и Португалии, где советская внешняя разведка не располагала в то время какими-либо позициями. Они добросовестно выполняли каждое задание Центра, проявляя целеустремленность в преодолении возникавших порой трудностей.

Рассказывает Жанна: «В жизни разведчика, находящегося в зарубежной командировке, как в калейдоскопе, одно событие сменяется другим, успехи чередуются с неудачами, радости – с огорчениями. Увы, постоянной остается лишь опасность, подстерегающая его на каждом шагу.

Отличительная черта разведчика-нелегала – жесткий самоконтроль, час за часом, день за днем, бодрствует он или спит. Малейшая ошибка или опрометчивый шаг могут обернуться непоправимыми последствиями. И еще, что отличает разведчика, – это почти нечеловеческая выдержка и невероятное долготерпение».

Прошло определенное время, прежде чем они стали владельцами собственной фирмы, приобрели небольшую виллу, удобную для осуществления радиосвязи с Москвой. Денежные суммы, которые были им ассигнованы Центром и которые они задекларировали в местных финансовых органах, позволяли поддерживать реноме состоятель-

Юрий Владимирович Андропов

А.М. Сахаровский, начальник внешней разведки (1956–1971 гг.)

Ф.К. Мортин, начальник внешней разведки (1971–1974 гг.)

В.А. Крючков, начальник внешней разведки (1974–1988 гг.)

Л.В. Шебаршин, начальник внешней разведки (1989–1991 гг.)

Е.М. Примаков, директор Службы внешней разведки РСФСР, а затем Российской Федерации (1991–1996 гг.)

В.И. Трубников, директор Службы внешней разведки Российской Федерации (1996–2000 гг.)

С.Н. Лебедев, директор Службы внешней разведки Российской Федерации с 2000 г.

Разведчики-нелегалы Гоар и Герой Советского Союза Геворк (Амир) Вартаняны. Наши дни

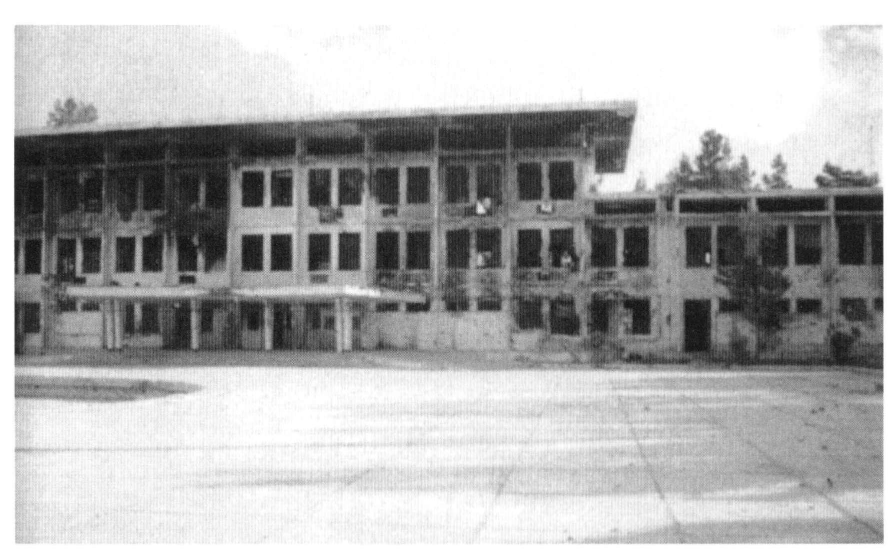

А.М. Козлов, разведчик-нелегал, Герой России

В.А. Кирпиченко (1922–2005), известный разведчик

Во время Ташкентской конференции по урегулированию вооруженного конфликта между Индией и Пакистаном. Январь 1966 г. Слева направо: А.Н. Косыгин – председатель Совета Министров СССР, М. Айюб Хан – президент Пакистана, Л.Б. Шастри – премьер-министр Индии

Это все, что осталось от современного здания посольства бывшего СССР в Кабуле

Майванд сегодня. Некогда самая оживленная деловая улица в Кабуле

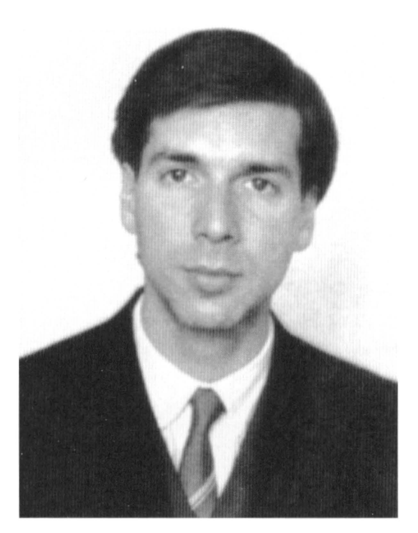

Встреча Ю.В. Андропова с руководителем органов госбезопасности Афганистана М. Наджибуллой. Москва, 26 октября 1981 г.

Руководитель органов госбезопасности Афганистана М. Наджибулла на отдыхе в Ялте с женой (справа) и ее сестрой. Август 1983 г.

М.Е. Орлов (Соутер Гленн Майкл)

В.А. Крючков вручает Соутеру паспорт гражданина СССР

Африка де Лас Эрас (Патрия), разведчица-нелегал

Джиованни Антонио Бертони, разведчик-нелегал

Сеп, разведчик-нелегал, 1948 г.

Жанна, разведчица-нелегал, 1955 г.

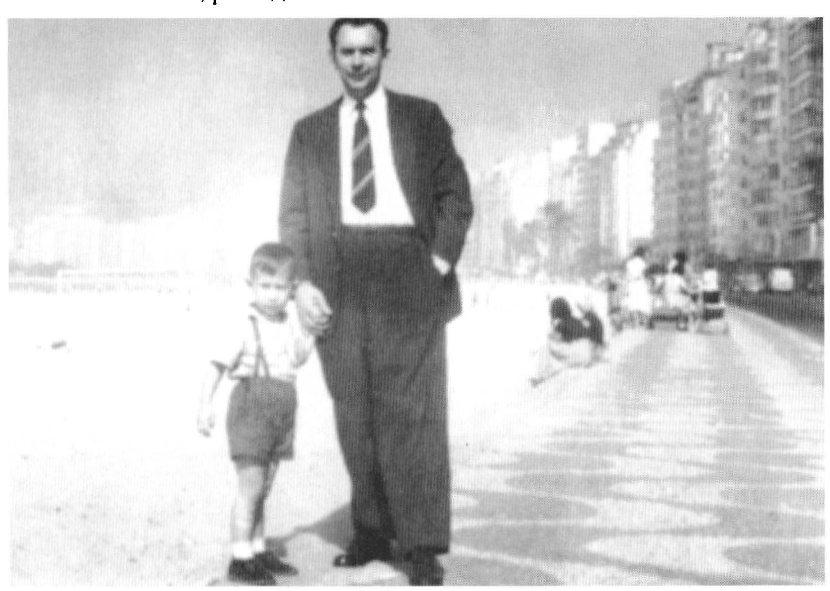

Галина Ивановна (Жанна) и Михаил Владимирович (Сеп) Федоровы. Середина 1990-х гг.

А.Ф. и М.И. Филоненко, разведчики-нелегалы. 1950-е гг.

М.И. Филоненко, разведчик-нелегал

Анна Федоровна Филоненко с детьми

Супруги Шамиль Хамзин (Халеф) и Ирина Алимова (Бир), разведчики-нелегалы

Бир, разведчица-нелегал

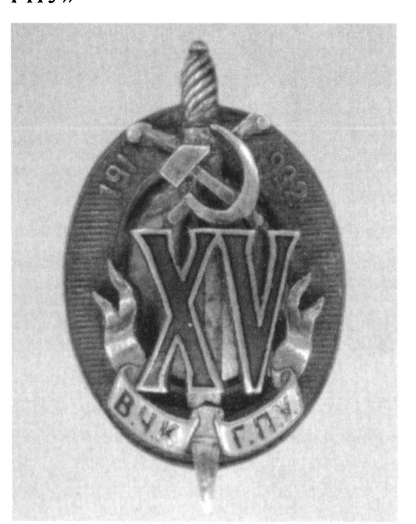

Нагрудный знак «5 лет ВЧК – ГПУ»

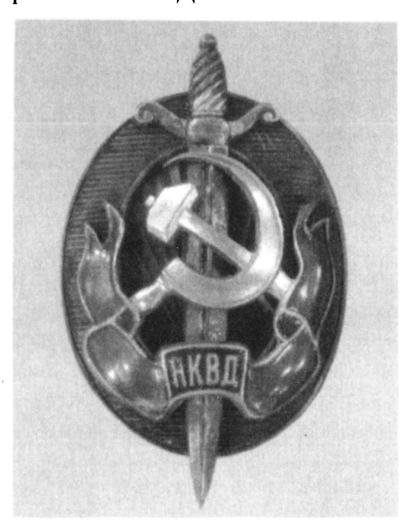

Юбилейный жетон «10 лет ВЧК – ОГПУ»

Нагрудный знак «15 лет ВЧК – ГПУ»

Нагрудный знак «Заслуженный работник НКВД»

Нагрудный знак «Почетный сотрудник госбезопасности»

Нагрудный знак «За службу в разведке»

Нагрудный знак «70 лет ИНО – ПГУ»

Нагрудный знак «75 лет ИНО – ПГУ– СВР»

Нагрудный знак «Заслуженный сотрудник органов внешней разведки»

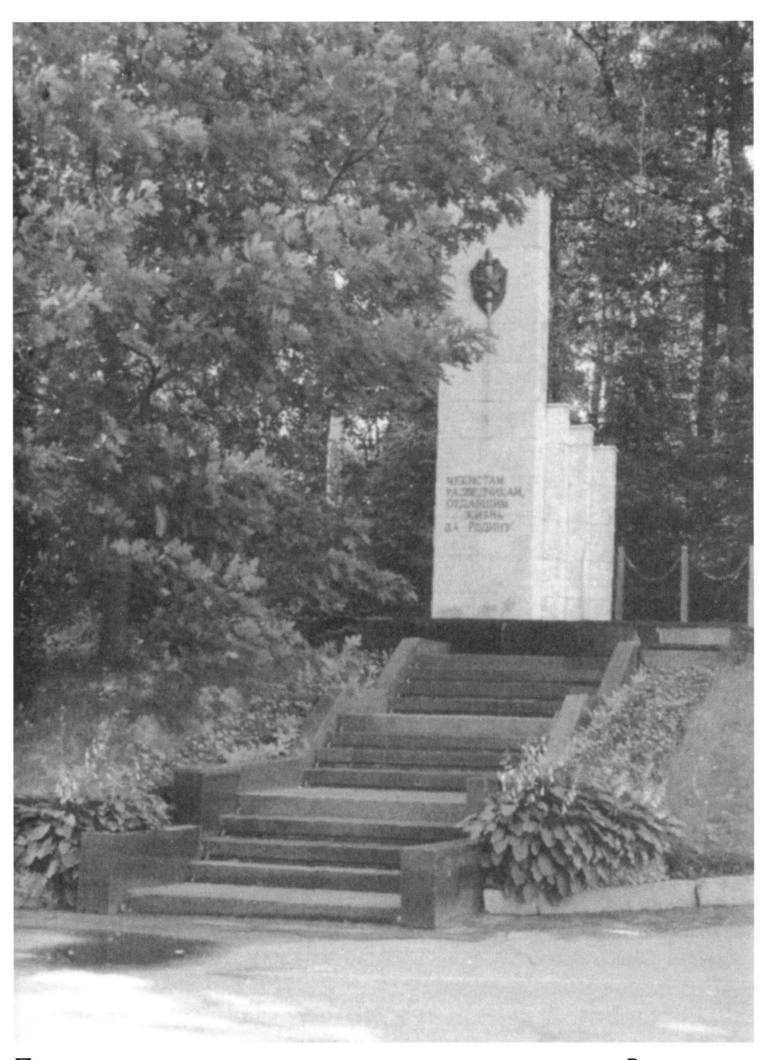
Нагрудный знак
«80 лет ИНО – ПГУ – СВР»

Медаль «За отличие в военной службе»

Медаль «За заслуги»

Памятник чекистам-разведчикам, отдавшим жизнь за Родину.
Москва, штаб-квартира СВР в Ясенево

Эмблема СВР

ных людей. Вскоре удалось установить и опробовать линию радиосвязи с Центром. Можно было приступать к выполнению конкретных оперативных заданий.

За долгие годы нелегальной работы Сепу и Жанне удалось многое сделать. Они обеспечивали бесперебойную связь с Москвой, подбирали места для тайников и проводили операции по закладке и изъятию материалов, изучали людей и осуществляли вербовочные мероприятия, занимались восстановлением связи с агентурой в различных странах Западной Европы, осуществляли сбор информации по широкому спектру проблем, проводили встречи с ценной агентурой и передавали информацию от нее в Центр.

Проходившая через руки разведчиков информация в основном касалась различных сторон деятельности Североатлантического блока, в частности его военной организации, штаб-квартира которой размещалась в небольшом бельгийском городке Монсе близ юго-западной границы с Францией.

Вряд ли следует говорить, что в те годы это была исключительно важная военно-политическая проблема, непосредственно связанная с безопасностью нашей страны.

В Монсе разрабатывались планы превентивного использования ядерного оружия против СССР, определялись способы его доставки к конкретным целям на советской территории, проводились штабные войсковые учения НАТО с максимальным приближением к боевой обстановке. Сеп и Жанна своевременно информировали Центр об оперативных планах натовских генералов.

В начале 1959 года разведчики приняли на связь исключительно ценного источника – высокопоставленного сотрудника НАТО (назовем его «Бриг»). От «Брига» регулярно поступала важная информация о создании, перевооружении и модернизации бундесвера ФРГ, документы Комитета планирования НАТО о задачах отдельных воинских соединений, их боевой оснащенности, о системе управления войсками, их стратегии и тактике, а также по другим военным вопросам, связанным с наступательными действиями этого блока в Европе.

В информационном потоке немалое место занимали подробнейшие сведения о лицах из числа руководящего состава различных натовских структур.

Именно от «Брига», в частности, впервые поступила исключительно ценная информация о создании в рамках блока разведывательных и контрразведывательных подразделений, входящих в самостоятельную спецслужбу, автономную от соответствующих национальных структур и имеющую наднациональный статус.

Накануне ежегодных сессий Генеральной Ассамблеи ООН источник передавал конфиденциальную информацию о предстоящей позиции ведущих европейских стран по ключевым вопросам повестки дня.

Вполне понятно, что эти сведения являлись весьма полезными для советских делегаций, выезжавших в Нью-Йорк.

Исключительно важные данные поступали от «Брига» и во время карибского кризиса, когда между СССР и США сложились напряженные отношения. Оперативная работа резидентуры Сепа и Жанны в этот период была поставлена «на военные рельсы»:

«По данным военного командования НАТО (источник «Бриг»), Белый дом располагает разведывательной информацией о строительстве на Кубе 24 стартовых площадок для ракет малого и 16 – среднего радиуса действия, из числа последнего типа 42 ракеты находятся на острове. По оценке Пентагона и ЦРУ, личный состав советских специалистов насчитывает 5000 человек. Конечное число ракет, намеченных к развертыванию, определяется в 64 единицы».

Спираль кризиса раскручивалась с большой скоростью. «Бриг» сообщал, что в США были подняты по тревоге 40 тысяч военных моряков, а также 5 тысяч военнослужащих, находившихся на военной базе Гуантанамо, что приведены в повышенную боевую готовность 82-я сухопутная и 101-я военно-воздушная дивизии, мобилизованы 14 тысяч резервистов, что общая численность войск, развернутых во Флориде для броска на Кубу, приблизилась к 100 тысячам человек. Вся эта информация немедленно передавалась в Центр. И в том, что в конечном итоге победил здравый смысл, была, безусловно, частица усилий, предпринятых «Бригом», Сепом и Жанной.

...В жизни разведчиков-нелегалов нередко возникают различные, как говорят космонавты, «нештатные ситуации», предусмотреть которые заранее просто невозможно. Они могут произойти и в ходе проведения разведывательной операции, и во время невинной прогулки, и в связи со случайным совпадением каких-то факторов.

Умение хладнокровно взвесить степень реальной угрозы как для себя лично, так и для дела в целом и в зависимости от этого действовать по обстановке является показателем уровня подготовки разведчика, его профессионализма.

Рассказывает Жанна:

«Понятно, что русский разведчик-нелегал, находящийся на работе за границей, во всех случаях тамошней жизни должен использовать только иностранный, местный язык, на нем он должен и думать. Это аксиома, проверить которую мне пришлось на себе.

Однажды у меня неожиданно появилась боль в правом боку. Врач поставил диагноз – воспаление аппендикса и настаивал на немедленной операции, которая должна проходить под общим наркозом.

Как быть? Проблема не столько в хирургическом вмешательстве – врачи там опытные, сколько в моем возможном поведении при выходе из наркоза: не заговорю ли я в полузабытьи на русском языке? Всеми силами внушала, убеждала себя, что мой мозг уже полностью перестроился, мыслю я на местном языке.

Наступил назначенный день, меня повезли в операционную...

Просыпаться я стала от легких хлопков медсестры по щекам, и первое, что произнесла, находясь еще в полубессознательном состоянии: «Где мои очки? Без них я плохо вижу». Медсестра подала мне очки и тепло улыбнулась. Значит, я действительно говорила, как положено».

...Из аэропорта «Шереметьево» разведчиков привезли на «промежуточную» квартиру. За празднично накрытым столом подняли бокалы шампанского за благополучное возвращение. Во время оживленной беседы один из товарищей в шутку спросил:

– Чего бы вам сейчас больше всего хотелось?

Немного подумав, Михаил воскликнул:

– Мне бы хотелось прежде всего попариться в московских «Сандунах».

Все весело рассмеялись.

– А я бы хотела позвонить тете, которая меня с детства воспитывала, и порадовать ее своим возвращением, – с трудом подбирая слова, произнесла Галина.

Однако таким простым желаниям разведчиков суждено было осуществиться значительно позже. Около двух недель им пришлось гулять по Москве, прислушиваясь к живой речи москвичей и обретая утерянные навыки разговора на подзабытом ими русском языке.

Наш рассказ о жизни и работе пары разведчиков-нелегалов был бы неполным, если опустить очень важный и, несомненно, многих интересующий вопрос о создании семьи в период длительного пребывания в стране назначения. Ведь разведчики работают за рубежом в лучшие, молодые годы своей жизни, именно тогда, когда обычно в семье появляются дети.

Рассказывает Галина Федорова:

«Этот вопрос стоял перед нами практически постоянно в нашу бытность за границей. В принципе Центр не возражает против того, чтобы нелегалы обзаводились детьми, и мы знаем случаи, когда разведчики возвращались из заграничной командировки домой, имея даже двоих детей. Однако в своем сознании мы не могли объединить в одно целое два понятия: с одной стороны, нашу работу, ради которой мы прибыли в страну назначения, с другой – рождение детей, наличие и воспитание которых, несомненно, создали бы нам множество дополнительных разноплановых трудностей, что сильно ограничило бы нашу оперативную деятельность. Кроме того, возникал определенный риск в соблюдении конспирации. Ведь дети – известные «почемучки». Мы прекрасно понимали позитивную сторону наличия детей: в глазах западного окружения создается положительный образ семьи и тем самым снижается уровень подозрительности. И все же в своих рассуждениях мы поставили на первое место чувство долга, стремление быть максимально полезными и поэтому всецело отдавались порученному делу, своей нервной и напряженной работе.

Желание принести большую пользу Родине всегда брало верх, поэтому создание полноценной семьи отложили до возвращения домой. Однако судьба распорядилась иначе: мы вернулись в возрасте, в котором обычно воспитывают уже внуков».

После возвращения из командировки служба Галины и Михаила Федоровых в разведке продолжилась. Когда возникала необходимость, они выезжали за границу для решения конкретных разведывательных задач. В общей сложности разведчики пробыли за рубежом около четверти века.

Заслуги перед Родиной почетного сотрудника госбезопасности полковника Михаила Владимировича Федорова отмечены орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, Дружбы народов, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, в том числе медалью «За отвагу», нагрудным знаком «За службу в разведке».

Почетный сотрудник госбезопасности полковник Галина Ивановна Федорова награждена орденами Отечественной войны и Красной Звезды, многими медалями, нагрудным знаком «За службу в разведке».

Наступило время, и Федоровы по возрасту – Михаил Владимирович в 66 лет, а Галина Ивановна в 55 лет – вышли в отставку.

Из воспоминаний Михаила Федорова:

«При оформлении пенсии в районном собесе служащая, просматривая дело Галины, вдруг нахмурила брови и с сожалением произнесла:

– Вот неудача! В данные вашей выслуги лет вкралась ошибка. К сожалению, я должна вернуть дело в пенсионный отдел для внесения поправки. Вам придется зайти к нам еще раз.

– И что же это за ошибка? – поинтересовалась Галина.

– Видите ли, в графе «выслуга лет» указано 50 лет. Так не может быть, ибо самой пенсионерке всего лишь 55 лет, – ответила она.

– Почему не может быть, – возразила Галина и тут же добавила: – я очень долго работала... в Магадане, а там рабочий стаж считается год за два. Вот и набралось столько лет (по существующему во внешней разведке положению, год пребывания разведчика на нелегальной работе за границей засчитывается в выслугу лет за два года. – *Прим. авт.*).

Служащая оставалась некоторое время в нерешительности. Затем после раздумья попросила Галину подождать, а сама ушла куда-то проконсультироваться. Отсутствовала довольно долго. Возвратившись, извинилась за задержку и должным образом оформила пенсионные документы».

Уйдя на заслуженный отдых и став пенсионерами, Федоровы не порвали связи со Службой: они вели большую общественную работу, занимались с молодежью, приходящей в разведку на смену ветера-

нам, делились своим бесценным опытом работы в нелегальных условиях, помогали молодым сотрудникам осваивать «технологию» нелегкой профессии разведчика.

В апреле 2004 года Михаила Владимировича Федорова не стало. Разведчики-нелегалы Федоровы написали две интереснейшие книги («Будни разведки», московское издательство «ДЭМ», 1994 год, и «Вся жизнь – конспирация. История семьи нелегалов», издательство «ОЛМА-ПРЕСС», 2002 год), в которых рассказали о своей деятельности за рубежом.

14

Радистка Кэт из Подмосковья

Основатель и в течение многих лет бессменный руководитель Центрального разведывательного управления США Аллен Даллес в своей книге «Искусство разведки» сокрушался по поводу того, что американское секретное ведомство не имеет таких разведчиков, как Рудольф Абель (Вильям Генрихович Фишер): «Все, что Абель делал, он совершал по убеждению, а не за деньги. Я бы хотел, чтобы мы имели трех-четырех человек, таких как Абель, в Москве». А Санш де Грамон, американский писатель, автор книги «Тайная война», добавлял: «Абель – редкий тип личности... Его идеалом было знание. Мы можем только сожалеть, что такой удивительный человек вышел не из рядов разведки Соединенных Штатов».

Советская разведка, к счастью, располагала целой плеядой разведчиков класса Абеля – скромных, незаметных людей, которые в тяжелейших условиях глубокого подполья трудились в Западном полушарии.

Жизнь разведчика-нелегала – это особая судьба. Одно дело, когда ты «легально» работаешь при посольстве, культурном или торговом представительстве, когда у тебя в кармане лежит паспорт родной страны и ты защищен дипломатической неприкосновенностью. И совсем другое – когда ты должен скрываться под чужой личиной, перевоплощаться в человека иного языка и культуры и можешь рассчитывать лишь на свои силы. Советские разведчики-нелегалы времен холодной войны навсегда войдут в историю как истинные герои. И достойное место среди них занимают супруги Филоненко, чья судьба пересеклась с судьбой легендарного Абеля.

Мало кто знает и о том, что знаменитый и любимый всеми нами многосерийный телевизионный фильм «Семнадцать мгновений весны» родился во многом с их помощью: Анна Филоненко стала прообразом радистки Кэт, а игравший Штирлица Тихонов многое позаимствовал у Михаила Филоненко.

Анна Камаева, которая потом примет фамилию мужа – Филоненко, родилась в суровом 1918 году в подмосковной деревушке Татищево в многодетной крестьянской семье.

Детство, сопровождавшееся, помимо учебы, желанной порой летнего отдыха в родительском доме, пионерскими кострами, участием в сенокосах, работой на огороде, вечерними посиделками с подругами, завершилось с окончанием школы. Затем последовала учеба в фабрично-заводском училище, где Аня осваивала ткацкое мастерство.

В 1935 году 16-летняя девушка поступила на работу ткачихой на московскую ткацкую фабрику «Красная роза», выпускавшую шелковые ткани. По стране гремели имена знаменитых ткачих Марии и Евдокии Виноградовых, призвавших своих подруг активно включаться в стахановское движение. Вскоре и Аня Камаева стала передовиком производства, стахановкой, обслуживала сразу дюжину станков.

Перед ней открывалась дорога в жизнь, о которой рассказывалось в популярном кинофильме того времени под названием «Светлый путь»: коллектив ткацкой фабрики «Красная роза» выдвинул Анну Камаеву кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР, ее прочили на руководящую работу. Однако судьба распорядилась по-иному. Избирком отвел ее кандидатуру, поскольку Аннушке не исполнилось еще 18 лет. И она продолжала трудиться ткачихой на фабрике.

Крутой перелом в жизни Анны произошел в конце 1938 года, когда по комсомольской путевке 20-летняя девушка была направлена на работу в Иностранный отдел (внешнюю разведку) НКВД СССР.

То было трудное время: за время массовых репрессий 1930-х годов среди сотрудников органов государственной безопасности сильно пострадала и советская внешняя разведка. К 1938 году примерно половина ее личного состава была репрессирована: десятки сотрудников центрального и периферийного аппаратов ИНО были арестованы и расстреляны. В результате внешняя разведка органов госбезопасности была крайне ослаблена, в некоторых ее резидентурах оставалось всего один-два оперработника, другие резидентуры вообще закрылись. Репрессиями была перечеркнута большая организационная работа по созданию за границей нелегального аппарата.

В 1938 году Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело вопрос об улучшении работы Иностранного отдела НКВД. Чтобы в кратчайшие сроки восстановить внешнюю разведку, было принято решение об укреплении и расширении ее штатов. Учитывая острую нехватку кадров в разведке, было решено создать Школу особого назначения (ШОН) НКВД для централизованной подготовки разведывательных кадров.

Так в октябре 1938 года Анна Камаева стала слушателем ШОН. График подготовки был плотным и напряженным: она осваивала радиодело, тренировалась в стрельбе из всех видов легкого оружия вплоть до пулемета, усиленно изучала иностранные языки – финский, испанский, польский.

После окончания ШОН в 1939 году молодая выпускница была зачислена в центральный аппарат внешней разведки органов госбезопасности. Она вела оперативные дела разведчиков-нелегалов, действовавших в Европе. Однако проработала на этом участке не так уж долго – пока не грянула гроза 1941 года...

С первых дней Великой Отечественной войны Анну Камаеву включили в состав Группы особых заданий – сверхсекретной структуры, подчинявшейся непосредственно наркому внутренних дел Берии и фактически являвшейся параллельной разведывательному управлению госбезопасности разведкой.

Группой особых заданий попеременно руководили Яков Серебрянский, Сергей Шпигельглас и Наум Эйтингон. Для выполнения заданий руководства страны и органов госбезопасности ею было создано за рубежом 12 нелегальных резидентур. В 1940 году эта «разведка в разведке» под руководством Эйтингона осуществила, в частности, операцию «Утка» по физическому устранению Льва Троцкого.

Следует отметить, что у всех руководителей Группы особых заданий судьба оказалась трагической.

Так, в 1938 году был арестован и приговорен к расстрелу Серебрянский. Только с началом Великой Отечественной войны он по ходатайству начальника 4-го управления НКВД Павла Судоплатова был освобожден из камеры смертников и восстановлен в прежней должности. В августе 1953 года после расстрела Берии Серебрянский был вновь арестован и умер на допросе в прокуратуре.

В ноябре того же 1938 года арестовали первого руководителя Группы особых заданий Шпигельгласа. Он был расстрелян в январе 1941 года.

Эйтингон, руководивший операцией «Утка», а в период Великой Отечественной войны являвшийся заместителем генерала Судоплатова, был арестован уже в 1951 году как участник «сионистского заговора в МГБ». Затем его выпустили на свободу, а в 1953 году вновь арестовали, на этот раз по делу Берии. Из тюрьмы он вышел только в 1964 году и устроился на работу в качестве старшего редактора одного из московских издательств...

Однако вернемся к началу Великой Отечественной войны.

Осенью 1941 года обстановка на фронте стала приобретать критический характер. В ноябре танки Гудериана вплотную подошли к Москве. Началась эвакуация правительственных учреждений в Куйбышев. В столице было введено осадное положение. Захватчики уже готовились вступить в город. Для поднятия духа в германских войсках они вовсю раздавали приглашения для участия в триумфальном параде на Красной площади, принимать который должен был сам фюрер Третьего рейха.

Но советский народ сдаваться не собирался. Это изнеженные французы объявили Париж открытым городом сразу же при прибли-

жении немецких танково-механизированных колонн. Руководители государства распорядились готовить диверсионное подполье, чтобы продолжать борьбу даже в захваченной врагом Москве.

Чекисты приступили к подготовке и реализации диверсионного плана на случай взятия гитлеровскими войсками города. Где Гитлер и другие нацистские бонзы могут устроить торжества по случаю падения советской столицы? Либо в Кремле, либо в Большом театре.

Значит, рассудили в ведомстве Берии, надо готовить взрывы этих объектов. При этом в НКВД исходили из того, что Гитлер и другие руководители Третьего рейха, прежде чем реализовать угрозу «сравнять Москву с землей», непременно примут личное участие в намеченных торжественных мероприятиях.

Сотрудникам Группы особых заданий предстояло вести тайную войну уже на своей земле. Анна Камаева оказалась в самом центре этих оперативных приготовлений. Практической боевой подготовкой чекистов руководил Яков Серебрянский. В условиях абсолютной секретности создавались диверсионные группы. Часть разведчиков и контрразведчиков перешла на нелегальное положение непосредственно в Москве. Сотрудники госбезопасности минировали малоизвестные штольни и подземные тоннели глубокого залегания в центральной части города, израсходовав для этого несколько вагонов со взрывчаткой. Мины были заложены и в Кремле, и под Большим театром. Одного нажатия кнопки минером из НКВД было достаточно, чтобы за несколько секунд превратить эти московские достопримечательности в груды развалин.

Анне Камаевой по личному указанию Лаврентия Берии отводилась ключевая роль – осуществить покушение на... самого Гитлера.

Отрабатывались различные варианты выполнения задания, однако все они однозначно показывали, что шансов уцелеть у разведчицы не имелось. Понятное дело, давая такое задание, глава НКВД посылал девушку на верную смерть, но зато он был уверен: Камаева приказ выполнит.

К счастью, этот план так и остался на бумаге. Москва выстояла под натиском вермахта. Западному фронту под командованием генерала армии Жукова удалось остановить, а затем отбросить гитлеровских захватчиков на несколько сот километров от столицы.

В битве за Москву Анна Камаева снова оказалась в самой гуще событий. Ее забросили в тыл немецких войск в своем родном Подмосковье для проведения диверсионных операций – уже по линии 4-го управления НКВД, которое возглавлял известный Павел Судоплатов. С целью активизации партизанской борьбы за линией фронта руководство НКВД создало тогда в рамках 4-го управления Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН), на базе которой формировались разведывательно-диверсионные группы.

Анна являлась радистом одной из таких групп, действовавшей в тылу врага.

Как отмечалось в рапорте командира ОМСБОН полковника Гриднева, Камаева принимала непосредственное участие в проведении специальных крупномасштабных диверсионных акций против немецко-фашистских войск на ближних подступах к Москве.

В январе 1942 года Анна Камаева была приглашена в штаб командующего Западным фронтом генерала армии Г.К. Жукова для получения награды. В приемной она встретилась со своим будущим мужем Михаилом Филоненко. Он находился здесь, чтобы получить из рук полководца орден за руководство разведывательно-диверсионным отрядом, совершившим беспрецедентный по своей дерзости рейд по тылам врага в Подмосковье. Думаем, что читателям будет интересно узнать некоторые подробности этого рейда.

Из военного дневника старшего лейтенанта госбезопасности М.И. Филоненко, командира разведывательно-диверсионного отряда «Москва», рейд которого по Подмосковью продолжался 44 дня: «День первый – 3 декабря 1941 года. Среда. Температура минус 25–30 градусов. Метель, ветер северный. Утром построил отряд: пятьдесят воинов-чекистов. Больше половины из них фашистов еще в глаза не видели. Напомнили с комиссаром Анатолием Ермолаевым, что рейд тяжелый и опасный, есть возможность отказаться. Никто не вышел из строя.

– Если кто стесняется товарищей, – сказал я, – то после индивидуальных бесед будет полное построение. Не уверенные в себе в строй могут не становиться.

Через час построились все пятьдесят. Я еще пробовал отговаривать восемнадцатилетнюю медсестру Тамару Малыгину, которая пришла добровольцем в отряд. Впрочем, здесь все добровольцы. Тамара отличная спортсменка-лыжница, прекрасно владеет автоматом, пистолетом. Но не женское ведь дело в снежной лесной чащобе устраивать ночлег, быть в холоде и голоде. Тамара сказала твердо:

– Я выносливая. За меня вам краснеть не придется.

Подали три автомашины, и мы выехали в Останкино. Здесь получили и подогнали на всех лыжи. В двенадцать часов выехали в Апрелевку, оттуда в Рогачево.

Поздно вечером отряд миновал боевые порядки танковой дивизии полковника Ротмистрова, перешел линию фронта и растворился в снежных лесах.

Шли всю ночь. Утром начался сильный снегопад, наши следы замело пургой.

День второй – 4 декабря. Минус 25. Пасмурно, сплошная облачность, метель. Утром, когда гасили костры, прибежал Федор Сафонов с двумя своими разведчиками:

– Идет немецкий обоз в десять подвод. Фрицы закутаны с ног до головы. По-моему, сопротивления особого не окажут.

Я принял решение: дать внезапный скоротечный бой. Старшине Сафонову с группой захвата приказал взять одного-двух офицеров в плен, остальных уничтожить.

Гитлеровцы даже не успели поднять оружие, как двенадцать из них полегли на месте, двух офицеров взяли в плен. Отряд на трофейных подводах углубился в лес.

Убито 14 фашистов, из них 4 офицера и 3 унтер-офицера. Захвачено 18 автоматов, 3 винтовки, 4 пистолета, 5000 патронов, 16 карманных часов, 10 000 рублей, пять ящиков боеприпасов, десять ящиков гранат, много продовольствия. Наших потерь нет. Раненых и обмороженных тоже нет.

Ночевали в лесу. Разгребли метровый снег до земли, наломали хвойных веток, настелили на землю, накрыли плащ-палаткой. Ложились по пять-десять человек, прижимались друг к другу, накрывались второй плащ-палаткой, затем снова ветками и снегом. Минут через тридцать в таком снежном «шалаше» становилось тепло. Но через каждый час дежурные будили людей и переворачивали на другой бок, чтобы не замерзли. Часовые менялись через час, на каждом посту – двое. Подходы к месту ночлега заминировали.

День третий – 5 декабря. Минус 22, ночью – 28–30 градусов мороза. Пасмурно, метель, ветер умеренный. С комиссаром и комсоргом отряда поздравили всех с днем советской Конституции, пожелали удачного рейда и быстрейшего изгнания фашистов с нашей земли.

У населенного пункта Ахматово Сафонов вместе с Михаилом Задковым и Иваном Грачевым вышли в поиск. На окраине села без шума захватили повозку с унтер-офицером. Пленный дал хорошие сведения: их рота находится на отдыхе, половина личного состава обмороженные и больные. Указал, в каких домах они разместились.

К Ахматово отряд вышел внезапно, с трех сторон. Сняли часовых, перерезали провода связи, забросали гранатами дома, где располагались фашисты. Весь гарнизон был уничтожен. Водрузили красный флаг над школой, разбросали листовки: «Возмездие фашистов всюду настигнет, и под Москвой им осталось быть считанные дни. Смерть немецким оккупантам!» Собрали документы, оружие у врага и ушли так же быстро, как и появились.

Убито фашистов – 68. Из них 10 офицеров. Захватили 70 автоматов и пистолетов, несколько тысяч патронов, продовольствие и обмундирование. Наших потерь нет.

День четвертый – 6 декабря. Минус 23 днем, ночью – 28 градусов. Пасмурно, тихо, снегопад. Нас разбудила мощная канонада. Били по обороне фашистов тяжелые орудия, минометы, а затем поднялись десятки краснозвездных самолетов и стали бомбить врага.

Началось, видимо, наше контрнаступление. Гитлеровцы бегут в панике, в одних рубахах, некоторые падают в снег и замерзают и уже никто не знает, как поется в песне, «где могилка моя...»

Весь день мы вели наблюдение за отступающими войсками и перегруппировкой живой силы и техники. По железной дороге под охраной бронепоездов шли эшелоны – подвозили свежие силы, чтобы закрепить образующуюся брешь в обороне.

В 22 часа 30 минут заминировали мост и железную дорогу. В 23 часа мост под вражеским эшелоном с солдатами и техникой взорвался. Вместе с мостом погибло около сотни фашистов, в реку слетели 10 танков и 21 орудие, 3 цистерны с бензином. Часовых у моста снимал Федя Сафонов с группой захвата. Минировали мост и подступы к нему пиротехники Феди Кувшинова. Храбрые ребята!

Почти всю ночь уходили на лыжах в глубь леса. И только утром, в тридцати километрах от места диверсии, сделали большой привал.

День пятый – 7 декабря. Минус 18, ночью – 22 градуса. Тихо, слабый снегопад. На соснах, елках образовались огромные белые шапки снега, многие деревья напоминают сказочных витязей. Сегодня дал отдых всему отряду. Нашли спрятанные в лесу запасы продовольствия из обоза фашистов, разогрели на костре тушенку. По плану мы должны разведать город Верею, по возможности парализовать движение войск через реку Протва – взорвать мост и дать знать местному населению, что советская власть – штука прочная: она в состоянии разгромить фашистские полчища.

День шестой – 8 декабря. Минус 15–18, снегопад, метель во второй половине дня, ветер сильный. Три разведчика обморозили себе кончики носов. Это первое обморожение. На привале под присмотром Тамары Малыгиной оттирала «троица» щеки и носы снегом, Тамара смазала их мазью, еще раз подробно проинструктировала всех, как уберечься от обморожения.

У Вереи полно фашистов. Движение непонятное: одни колонны идут в город, другие из него. Вызываю старшину Сафонова, даю задание группе захвата: достать «языка», желательно офицера. Прошло не более двух часов, как Федя привел двух связанных гитлеровских офицеров. Один с рыцарским крестом – оберст, то есть полковник.

Пленные сказали, что в Верее находятся остатки разбитой пехотной дивизии, которая за три дня боев потеряла более восьмидесяти процентов своего состава и всю технику: вместо разбитой дивизии прибывают свежие части, пытаются сдержать наступление русских.

– Ваша проклятая зима нарушила все планы! Но придет весна, и мы свободно займем Москву, дойдем до Урала, – с гонором заявил полковник.

Я приказал Сафонову расстрелять гитлеровцев. Всему отряду объявил тревогу. Надо срочно заметать следы: этих «видных» фашистов немедленно начнут искать.

Более трех часов были в пути. Идти по лесу очень тяжело: снег по пояс, лыжи то и дело слетают с ног, рвутся крепления – они полужесткие. Приходится использовать бинты, ремни, тесемки.

Расположились на ночлег. Заминировали подходы, развели костер.

Разработали план, как вывести из строя железнодорожную ветку. Надо срочно помогать своим частям бить фашистов в хвост и в гриву. Бить беспощадно, жестоко, с ненавистью, так, чтобы запомнили на всю жизнь и наказали своим детям...

День седьмой – 9 декабря. Минус 24–27, метель, ветер северный. Группа разведчиков ушла к населенному пункту Афанасьево. В селе был слышен лай собак, крики. Сафонов со своими людьми незаметно подошел к крайнему дому, вызвал хозяина. Фашисты прибыли неделю назад: злые, избитые, обмороженные. День и ночь пьянствуют, гуляют, насилуют женщин, убивают мужчин, вешают захваченных партизан.

– Сколько немцев в селе? – спросил Сафонов.

– Да примерно взвода три. Ждут танки и подкрепление, – ответил крестьянин Михаил Савельев. – А офицеры вон в том доме, что со ставнями, где свет горит. На ночь они ставни закрывают – боятся партизан – и еще двух часовых у дома ставят. Очень трусят! Им сообщили, что в одном гарнизоне партизаны уничтожили всех.

Из калитки соседнего дома вышли два пьяных и перевязанных гитлеровца, направились к избе Савельева. Разведчики в сенях разоружили и скрутили их. Оказалось: унтер-офицер и ефрейтор. Через час «языки» были доставлены в отряд. Они подтвердили все, что сказал Савельев.

Медлить не стали. Отряд был разбит на пять групп: три по десять человек делают налет на село сразу с трех сторон. Первую группу возглавляет старший лейтенант Казанков, вторую – комиссар отряда Ермолаев, третью – старшина Кувшинов. Группой прикрытия командует сержант Задков, которому сказано, чтобы следил за ходом боя и прикрыл отряд, когда он будет отходить в сторону Шустикова. Разведчики, само собой, идут впереди всех и я с ними.

Операцию решено начать в 23.40, закончить в 0.25. Пароль – «Москва», отзыв – «Штык». Числовой пропуск – 17. Всем быть в маскхалатах – это основное различие «свой – чужой».

Бесшумно подошли к селу. Разведчики первым долгом взорвали дом, где находились офицеры, предварительно сняв часовых. Взрыв был сигналом к атаке.

В селе поднялось нечто невообразимое. Жители быстро сообразили, что к чему: выскакивали из домов с вилами, топорами и добивали фашистов. Гарнизон был полностью уничтожен. Сельчане просились к нам в отряд. Но взять мы их не могли, а посоветовали, как организовать партизанский отряд.

Убито фашистов – 52, из них 5 офицеров. Более сотни единиц оружия роздано населению. Потерь нет. Обмороженных – двое.

День восьмой – 10 декабря. Минус 27–30, ночью до 45, ветер слабый, лес заиндевелый. Ночь шли в Шустиково. Очень морозно. Выставили охрану, решили отдохнуть и согреться в пустой сторожке. После обеда и отдыха совершили переход в Борисово. Шли медленно. Впереди и по бокам – охранение. Встретили крестьян, прятавшихся от фашистов. Сказали, что в Борисове зверствуют гитлеровцы и полицаи.

День девятый – 11 декабря. Минус 26–29, снегопад, тихо. Весь день двигались в направлении Дорохово – Можайск. Всюду немцы. Их столько, что забиты все дороги. Сотни, тысячи убитых, замерзших.

День десятый – 12 декабря. Минус 28. На дороге встретили три повозки фашистов, они везли продовольствие и боеприпасы. Уничтожили трех фашистов и одного полицая. Боеприпасы взорвали, продовольствие спрятали в лесу.

День одиннадцатый – 13 декабря. Минус 23–25, малый снегопад. Совершили переход в Бородино. Встретили легковую машину в сопровождении автоматчиков. Две удачно брошенные противотанковые гранаты – и стрелять было не в кого. Забрали документы и оружие.

В машине, где был фашистский полковник, кроме документов взяли портфель с золотыми и серебряными изделиями, награбленными в нашей стране.

Быстро изменили маршрут и направились в Храброво.

День двенадцатый – 14 декабря. Минус 18–20, сильный снегопад. Совершили переход в Губино. Встретили колонну фашистских танков. Они стояли на заправке. В бой не вступали, удалились в направлении Юрлово.

День тринадцатый – 15 декабря. Минус 17, метель, ветер. Прибыли в Выселово. Немцы привезли в село много раненых и обмороженных. Бить их не стали, они и так из строя выведены.

Вышли в Афанасьево. Разрушили линию связи противника – более 3 км. Сделали засаду, стали ждать немецких связистов. Те прибыли с охраной: 6 автоматчиков. Уничтожили 8 фашистов. Забрали документы и оружие. Направились к Верее.

День четырнадцатый – 16 декабря. Минус 15, ветер сильный. В километре от Вереи три полицая и четвертый в стороне от них преследовали неизвестного человека без верхней одежды. Они в него стреляли, а он все бежал в лес. Трех полицаев и четвертого, который оказался старостой, схватили. Выяснили, что преследовали они приговоренного к смерти партизана.

Фашистских прихвостней тут же, на месте, уничтожили, а партизану выдали немецкую одежду и отправили в лес. Он очень просился к нам в отряд, но неизвестных людей брать категорически запрещено.

День пятнадцатый – 17 декабря. Минус 25–30, снегопад, ветер умеренный, метель. Вышли в Симбухово. Изрубили 300 метров кабельной связи врага.

День шестнадцатый – 18 декабря. Минус 24–27, ветер слабый, метель. Прибыли в Назарьево. Ночью взорвали склад с боеприпасами и сожгли бензохранилище. Всю ночь шли в Таширово.

День семнадцатый – 19 декабря. Минус 26–29, ветер северо-восточный, метель. Колесим по лесу. Метель, даже маленькая, нас здорово выручает.

Встретили немецкий обоз в 50 подвод. Его сопровождали три танка и три бронетранспортера. В бой не вступили – не было возможности.

День восемнадцатый – 20 декабря. Минус 30–33, ветер умеренный, метель. Мерзли сильно. В районе Дорохово – Шаликино пытались совершить железнодорожную диверсию. Не получилось: убили трех гитлеровцев, но подоспело подкрепление. Ушли в лес, заминировали за собой дорогу, ждали преследования. Фашисты очень скоро пытались догнать нас, но подорвались на минах и прекратили преследование.

По пути в Петрищево Федя Сафонов со своей группой захвата добыл «языка», офицера штаба пехотной дивизии. От него узнали, что наши войска освободили Волоколамск и что разбиты полностью самые отборные гитлеровские армии под Москвой. Он все время повторял: «Гитлер капут! Гитлер капут!».

В Петрищево узнали о казни 29 ноября 1941 года партизанки «Тани». Дали клятву мстить беспощадно за нашу юную разведчицу, за кровь многих тысяч ни в чем не повинных советских людей. Каждый рвался в бой...

День девятнадцатый – 21 декабря. Минус 27–30, снегопад, метель. Утром все продрогли до костей, но на душе было радостно: сегодня день рождения товарища Сталина. Миша Задков говорит:

– Надо бы за здоровье Верховного и выпить...

Пришлось разрешить по двести граммов шнапса для обогрева и в знак уважения своего вождя. В бой не вступали.

День двадцатый – 22 декабря. Минус 25–27. При переходе в Колодкино – Петрищево в лесу встретили фашистский обоз. Атаковали внезапно. Убили 7 фашистов, 2 взяли в плен. Заполучили десять подвод с продовольствием, боеприпасами, теплой одеждой и обувью.

День двадцать первый – 23 декабря. Минус 18–21, метель, ветер. Совершили переход в Борисово. Произвели рекогносцировку местности. В бой не вступали. День двадцать второй – 24 декабря. Минус 20–23, ночью до 25.

При переходе к Верее встретили колонну автомашин с бочками бензина, они шли для заправки танков и бронетранспортеров. Все восемь автозаправщиков сожгли, сгорели и фашисты. У нас потерь нет.

Отличились в бою Сафонов Федор, Задков Михаил, Грачев Иван, Правдин Виктор, Сосулькин Александр, Маркин Павел, Дубенский Богдан, Бахметьев Лев и другие. Красивый фейерверк устроили в лесу!..

День двадцать третий – 25 декабря. Минус 21–24, ветер слабый. Вели рекогносцировку местности в районе Афанасьево. Откопали спрятанное продовольствие, отбитое у фашистов две недели назад. В бой не вступали.

День двадцать четвертый – 26 декабря. Минус 20–23, снегопад, ветер слабый, метель. В бой не вступали.

День двадцать пятый – 27 декабря. Минус 21–24. Совершили переход в Шустиково. На дороге убили трех фашистов.

День двадцать шестой – 28 декабря. Минус 22–24, метель. В бой не вступали.

День двадцать седьмой – 29 декабря. Минус 21–23, ветер сильный. Сожгли два бронетранспортера в лесу. При них одиннадцать фашистов – оказали сопротивление. Были уничтожены. Своих потерь нет.

День двадцать восьмой – 30 декабря. Минус 20–24, слабый снегопад, ветер слабый. Немцы решили под Новый год помыться и попариться в бане. И мы решили поддать им жару. Баню взорвали, а выскочивших голых немцев перестреляли.

День двадцать девятый – 31 декабря. Минус 15–17, сильный снегопад, тихо. Мы с комиссаром собрали весь личный состав и после завтрака подвели итоги за весь «наш» 1941-й год. Что мы, как добровольцы, коммунисты и комсомольцы, смогли сделать, как приблизили день Победы над врагом? Все подсчитали. И мы внесли вклад в разгром фашистских оккупантов. Но впереди еще тяжелые и опасные километры.

День тридцатый – 1 января 1942 года. Минус 23–25, во второй половине дня сильный снегопад. Вот уже месяц, как мы совершаем рейд по тылам фашистов. Утром мы вместе с комиссаром Анатолием Ермолаевым поздравили весь личный состав с Новым годом, с новым счастьем. Пожелали еще крепче бить фашистов, быть здоровыми и вернуться на Большую землю с победой!

Потерь в отряде по-прежнему нет. Хотя у половины изломались лыжи, маневренность отряда стала ниже. Несколько человек обморозили пальцы ног, рук... Принимаем меры защиты от мороза.

По-прежнему в населенные пункты на ночлег не заходим – все ночи проводим в снежной «постели».

День тридцать первый – 2 января. Минус 21–24, ночью до 28. Целый день находились в районе Колодкино и Крюково. Вели наблюдение за войсками противника, за их передвижением. Вечером взяли одного «языка». Он сообщил, что прибыло подкрепление в зимней одежде и что командование отдало приказ перейти к обороне. Двинулись в Таширово.

День тридцать второй – 3 января. Минус 22, снегопад, ветер западный, слабый. В Таширово много фашистов. Приближаться опасно. Послал разведку. Через час старшина Сафонов доложил, что немцы выставили КПП и проверяют всех, кто входит в село и выходит из

него. Взяли курс снова в Крюково. Двое разведчиков обморозили пальцы ног, пришлось оттирать снегом и бинтовать. Люди очень устали. Перегрузки страшные. Холод.

День тридцать третий – 4 января. Минус 18–20, ветер сильный. У Крюково мы в декабре спрятали продовольствие после разгрома вражеского обоза, убили несколько лошадей и засыпали снегом – это был наш НЗ. Продукты, которые несли с собой, на исходе. Отыскали НЗ и устроили пир горой: конина, тушенка, шпик, даже сохранился шнапс для обогрева.

День тридцать четвертый – 5 января. Минус 16–23, сильная метель. Прибыли снова к Верее, разведали подходы, захватили двух пьяных фашистов. Они показали, что в Верею прибыл полк СС для борьбы с партизанами: командующий группой «Центр» фельдмаршал фон Бок вызвал еще карательный батальон белофиннов из-под Ленинграда для более эффективной борьбы с партизанами.

День тридцать пятый – 6 января. Минус 20–23, слабый снегопад. Встретили на дороге по пути в Афанасьево две немецкие повозки с грузом. Фашисты оказали сопротивление. Пятерых солдат и офицера уничтожили. Пошли к Вышгороду.

День тридцать шестой – 7 января. Минус 23–25, метель. Боевых действий не предпринимали. Нашли запасы одежды, боеприпасы, взрывчатые вещества – то, что требовало пополнения.

День тридцать седьмой – 8 января. Минус 25–27, метель. Разрушили телефонную линию связи противника, уничтожили две повозки. В завязавшейся перестрелке убиты пять солдат и два офицера. Наших потерь нет.

День тридцать восьмой – 9 января. Минус 26–29, снегопад. Из засады застрелили шестерых немецких солдат и офицера, патрулировавших на дороге.

День тридцать девятый – 10 января. Минус 22–25, метель. Вели разведку. Пополнили боеприпасы и продовольствие. Подошли к Борисово.

День сороковой – 11 января. Минус 22–24, метель, ветер сильный. Атаковали вражеский обоз в 100 подвод. Огнем из автоматов и винтовок убили 45 фашистов. Подожгли два фургона с боеприпасами. Наших потерь нет.

Впервые за весь рейд некоторым фашистам удалось бежать. Надо ожидать преследования.

День сорок первый – 12 января. Минус 21–24, снег, метель. Вырезали два пролета кабельной связи, в другом месте разрушили линию связи на протяжении 600 метров. Убили трех немецких солдат и офицера. Заминировали несколько участков дороги.

Работать приходится все труднее. После диверсии ушли в лес. Подступы к лагерю заминировали, начали ужинать. В это время раздался взрыв – взорвались наши мины.

Сафонов с ребятами обнаружили два трупа гитлеровцев, остальные бежали.

Итак, за нами идут по следу. Но пока фашисты боятся входить глубже в лес.

Вечером направились в Ахматово. Переход трудный. У восьмидесяти процентов состава лыжи изломаны. Завтра возвращаемся на Большую землю. Потерь пока нет.

День сорок второй – 13 января. Минус 23–25, метель. Встали рано – готовились к переходу через линию фронта. Я построил отряд, коротко поставил задачу – вырваться из тыла противника. В это время прибежал наблюдатель: немцы идут по лесу на лыжах.

Даю команду: «К бою!». Решили мы их подпустить на 50–60 метров и ударить прицельным залповым огнем. Разглядели карателей: отряд белофиннов и несколько немцев. Более десятка их подорвались сразу на минах, расставленных накануне. Залповым огнем уложили еще более трех десятков. Остальные бежали.

Наскоро собрав документы и оружие, мы поспешно стали отходить. Не прошли и двух километров, как снова стали нас настигать карательные отряды фашистов. Опять бой. Уничтожили несколько десятков врагов. Но было ясно: надо оставлять прикрытие и отходить – иначе весь отряд погибнет, и пропадут все добытые нами сведения.

Комиссар отряда Анатолий Ермолаев, старшина Федор Сафонов, Федор Кувшинов, старший лейтенант Андрей Казанков добровольно решили прикрыть отряд. Мы распрощались у деревни Ахматово. Я передал им все патроны для пулеметов, автоматов, гранаты. Себе оставил лишь две гранаты и по одному магазину с патронами к автомату и пистолету.

Каждый понимал: прикрывать нас – значит пойти на верную смерть. Силы карателей превышали наши в десятки раз. Натренированные белофинны на лыжах чувствовали себя в лесу, как дома. Наши же разведчики измучены и без лыж. Ни малого отдыха не могла нам дать обстановка, после которого мы снова могли бы успешно бить врага.

Мы отходили, а позади были слышны короткие очереди пулеметов, автоматная трескотня, взрывы гранат. Меня ранило в плечо, от потери крови мутилось сознание, но надо было собрать последние силы, сделать рывок и выводить отряд. Каратели бросились на горстку наших оставшихся товарищей.

День сорок третий – 14 января. Минус 21–23, снегопад, метель, ветер сильный. Шли весь день и почти всю ночь. Измотались в доску. Питание кончилось, боеприпасы – по одной гранате, по 10–12 патронов. Я угодил в большую яму в лесу, она была засыпана снегом. Сам бы я не выбрался – сил не было. Хорошо, Миша Задков заметил. Он отстегнул ремень автомата, кинул один конец мне, и они вместе с Ва-

ней Грачевым вытащили меня. Лежать бы мне в снежной могиле в прямом смысле слова.

Ночью в лесу заметили костры. Посмотрели по карте: эта территория занята гитлеровцами. Послали группу из трех человек разведать, что за люди. Оказалось, наши части заняли уже здесь оборону.

День сорок четвертый – 15 января 1942 года. Минус 20–23. В три часа ночи нам разрешили подойти к кострам наших войск, а затем направили в штаб дивизии, армии и фронта.

Многие старшие военачальники в штабе фронта не поверили, что возможен был такой рейд. Но у нас были вещественные доказательства: принесли полный вещмешок жетонов, снятых с убитых фашистов, мешок офицерских и солдатских документов, мешок советских и немецких денег, около 300 металлических и золотых наручных, карманных и других часов, вещмешок золотых и серебряных изделий, отобранных у гитлеровских захватчиков. Вот только после этого нам поверили.

Наши потери: погибли четверо отважных разведчиков и четверо были ранены в последнем бою. Смертью храбрых погибли: комиссар отряда Анатолий Ермолаев, начальник разведки отряда коммунист Андрей Казанков, заместитель командира отряда по военной разведке комсомолец старшина Федор Сафонов, командир взвода пиротехников коммунист старшина Федор Кувшинов».

Необходимо сказать, что все перечисленные в отчете М. Филоненко погибшие впоследствии были похоронены со всеми воинскими почестями в Москве, рядом с Героями Советского Союза В.В. Талалихиным и Л.В. Доватором.

Рейд отряда «Москва» оказался наиболее результативным по сравнению с рейдами других разведывательно-диверсионных отрядов ОМСБОН, совершенными зимой 1941/42 года. Командир отряда старший лейтенант госбезопасности Михаил Филоненко получил из рук генерала армии Г.К. Жукова орден Красного Знамени.

Когда Михаил, раскрасневшийся от гордости и смущения, вышел из кабинета Георгия Жукова, то поймал на себе любопытный взгляд Анны, сидевшей в приемной на большом кожаном диване. Разглядев петлицы на ее гимнастерке, Михаил подумал: «Какая хорошенькая!

И работаем мы в одном наркомате. Надо будет поближе с ней познакомиться». Тогда он и не предполагал, что видит перед собой будущую жену.

Еще во время учебы в школе, а затем и в институте преподаватели предсказывали Михаилу Филоненко, что свое истинное призвание он найдет на поприще точных наук. А известные шахматисты не сомневались, что он станет гроссмейстером с мировым именем.

Однако судьба распорядилась иначе: после института он пошел во внешнюю разведку органов госбезопасности. Во время войны Михаил, как и Анна, служил в 4-м управлении НКВД, которое, как

мы уже отмечали, занималось организацией и проведением разведывательно-диверсионных операций в тылу противника.

В приемной генерала Жукова состоялось первое свидание Михаила Филоненко с Анной Камаевой. Но их дороги тут же разошлись на долгие месяцы. Анна продолжила службу радисткой в одном из партизанских отрядов, действовавшем в Подмосковье, а Михаила назначили комиссаром в партизанский отряд, который сражался в глубоком тылу врага.

Воевал Михаил на Украине. В оккупированном нацистами Киеве руководил разведывательно-диверсионной группой спецрезидентуры «Олимп» 4-го управления НКВД. Благодаря добытым Михаилом сведениям об обстановке на правом берегу Днепра командованию Красной Армии удалось подыскать оптимальные участки для форсирования реки нашими частями в ноябре 1943 года. Михаила хорошо знали в партизанских отрядах Ковпака, Федорова и Медведева. При выполнении диверсионной операции в Польше Михаил был тяжело ранен. Врачам удалось спасти жизнь отважного разведчика, однако он стал инвалидом второй группы. Из военного госпиталя разведчик вышел с тросточкой, с которой уже не расставался всю жизнь.

С Анной он вновь встретился только после войны. А пока она воевала в партизанском отряде. Когда непосредственная угроза захвата Москвы миновала, Анна была отозвана в столицу и стала вновь работать в центральном аппарате 4-го управления НКВД. С июля по декабрь 1942 года девушка училась в Свердловской школе НКВД, а затем была направлена на курсы иностранных языков при Высшей школе НКВД СССР в Москве. Здесь она совершенствовала знания испанского, изучала португальский и чешский языки. Руководство разведки планировало использовать ее на нелегальной работе за рубежом.

В октябре 1944 года Анна была направлена в нелегальную резидентуру в Мексику, где вместе с другими советскими разведчиками готовилась к проведению дерзкой операции по освобождению из тюрьмы Рамона Меркадера, участвовавшего в ликвидации Льва Троцкого и приговоренного мексиканским судом к 20 годам тюремного заключения. Вместе с товарищами по нелегальной резидентуре она разрабатывала план нападения на тюрьму. Однако в последний момент операция была отменена. В 1946 году Анна возвратилась в Москву.

...А Рамон Меркадер вышел из мексиканской тюрьмы в 1960 году и стал Героем Советского Союза.

После войны Анна и Михаил поженились. Вскоре у них родился сын Павлик. Но спокойной семейной жизни у четы Филоненко уже не было...

Руководство решило направить их на учебу в Высшую разведывательную школу (или, как ее еще называли, Школу № 101), готовив-

шую кадры для внешней разведки. В течение трех лет продолжалась напряженная подготовка будущих нелегалов к работе в Латинской Америке. А затем, с октября 1948 года по август 1951 года, они совершали регулярные поездки в различные страны этого региона под видом иностранных граждан. Одновременно чешскому и испанскому языкам обучался и их малолетний сын Павлик. По решению руководства нелегальной разведки он должен был выехать за рубеж вместе с родителями, чтобы обеспечить подтверждение одного из пунктов специально разработанной для них легенды-биографии. В практике советских разведчиков-нелегалов это был один из первых случаев подобного использования детей.

«Обкатка» разведчиков-нелегалов до их направления в долгосрочную командировку проходила в сложных условиях. Перед переброской в Латинскую Америку они для начала должны были, выдавая себя за «беженцев из Чехословакии», легализоваться в Шанхае, где после войны осело много европейцев. Советско-китайскую границу в ноябре 1951 года супругам Филоненко вместе с четырехлетним сыном пришлось переходить нелегально, через специально подготовленное для них «окно», ночью, в пургу, по пояс в снегу. В то время Анна была снова беременна. Впрочем, до Харбина, где прошел первый и наиболее опасный этап их легализации, они добрались вполне благополучно. Здесь у них родилась дочь. По легенде «беженцы из Чехословакии» были ревностными католиками, поэтому в соответствии с традициями Европы новорожденную окрестили в местном католическом соборе.

Путь в Латинскую Америку занял несколько лет. Из Харбина супруги перебрались в крупнейший портовый и промышленный центр Китая – Шанхай. Здесь с давних пор обосновалась обширная европейская колония, насчитывавшая до миллиона человек. Европейцы проживали в отдельных кварталах, называемых сеттльменты. Эти кварталы пользовались экстерриториальностью и управлялись иностранными консулами – британским, французским, португальским и американским. С победой народной революции в Китае все привилегии иностранцев в этой стране были аннулированы. Начался отток европейцев из материкового Китая. Вместе с ними покинула Китай и семья Филоненко. На календаре был январь 1955 года.

...Накануне отъезда из Москвы в промежуточную командировку, которая должна была стать испытанием прочности их легенды, надежности документов, супругов Филоненко принял министр иностранных дел В.М. Молотов. В то время он одновременно возглавлял и Комитет информации, объединивший под своей крышей военную и политическую разведки.

В.М. Молотов не спеша прохаживался по кабинету, окидывая взглядом огромную политическую карту мира. «Мы, советское руководство, придаем исключительную важность вашей предстоящей

миссии», – сказал министр, напутствуя разведчиков. Он добавил, что проникновение в высшие правительственные и военные эшелоны власти ряда ведущих латиноамериканских стран должно стать трамплином для организации масштабной агентурно-оперативной работы нелегалов на территории Соединенных Штатов.

Такое напутствие министра, разумеется, не было случайным. После окончания Второй мировой войны пути бывших союзников по антигитлеровской коалиции кардинально разошлись. США, применившие в 1945 году атомную бомбу против уже поверженной Японии, стали считать себя хозяевами мира и открыто готовили ядерную войну против СССР. Курс на военную конфронтацию с СССР был откровенно провозглашен в знаменитой речи отставного премьер-министра Англии У. Черчилля, с которой он выступил в американском городке Фултоне 5 марта 1946 года. Запад отгородился от СССР и других стран народной демократии «железным занавесом», ввел ограничения на свободное перемещение дипломатов с Востока, обмен учеными, спортсменами, профсоюзными делегациями.

Кроме того, в результате предательства агента-групповода резидентуры советской разведки в США Элизабет Бентли работа в этой стране в послевоенный период была осложнена. В 1948 году были закрыты советские консульства и другие официальные представительства СССР в Лос-Анджелесе, Сан-Франциско и Нью-Йорке. В сентябре 1950 года в США был принят Закон о внутренней безопасности (закон Маккарена–Вуда), по которому срок тюремного заключения за шпионаж в мирное время был увеличен до десяти лет. Началась «охота на ведьм» – репрессии против тех американцев, кто симпатизировал СССР и левым политическим течениям. В соответствии с законом Маккарена–Вуда десять миллионов американцев – государственных чиновников и сотрудников частных фирм подверглись проверке на лояльность. В конгрессе США была создана пресловутая комиссия сенатора Маккарти по расследованию антиамериканской деятельности, жертвами которой стали более ста тысяч человек.

Антисоветская истерия еще больше усилилась после того, как 29 августа 1949 года в Советском Союзе было проведено испытание атомной бомбы. Власти США были настолько напуганы наступившим концом своей монополии на это смертоносное оружие, что объявили об этом событии только спустя две недели, инспирировав предварительно специальный запрос журналистов. В результате проведенного расследования ФБР США пришло к выводу, что американские атомные секреты Советскому Союзу выдал английский ученый-пацифист Клаус Фукс. Он был передан британским властям и осужден на 14 лет тюремного заключения.

В результате предательства Элизабет Бентли советская агентурная сеть в США была разрушена и ее пришлось создавать заново. Для решения этой задачи в конце 1948 года в США прибыл разведчик-не-

легал Вильям Фишер, ставший затем известным как Рудольф Абель. Нелегалам Филоненко было поручено работать параллельно с ним в Латинской Америке.

Совершив предварительно из Шанхая несколько поездок в ряд латиноамериканских стран с целью закрепления легенды-биографии и проверки документов, в январе 1955 года разведчики выехали в Бразилию, где Михаилу Ивановичу, выдававшему себя за бизнесмена, предстояло заниматься коммерческой деятельностью. На плечи Анны Федоровны легли заботы по выполнению оперативно-технических задач: обеспечение сохранности секретных документов, «страховка» мужа при его выходах на встречи в городе. Поначалу все вроде бы шло неплохо, однако первая попытка Михаила стать бизнесменом провалилась. Созданная им коммерческая фирма разорилась: сказалась неопытность в делах подобного рода.

Впрочем, для Бразилии того времени это не было чем-то необычным: годы благополучной экономической конъюнктуры сменились годами затяжной депрессии. Ежедневно в стране разорялись несколько десятков больших и малых компаний. «Было время, когда не на что было жить, опускались руки, казалось, что лучше все бросить, – вспоминала позже Анна Федоровна. – Чтобы не впасть в отчаяние, мы собирали волю в кулак и продолжали трудиться, хотя на душе было тяжко и тоскливо». Но даже первый печальный опыт предпринимательства принес разведчикам пользу. Михаилу несколько раз удалось удачно сыграть на бирже. Заработанных денег с лихвой хватило, чтобы открыть новую фирму и начать коммерческую деятельность с чистого листа. Постепенно бизнес Михаила стал приносить ощутимые дивиденды, и коммерческие дела резко пошли в гору.

Через год Михаил уже завоевал репутацию серьезного и преуспевающего бизнесмена, которого принимали в самых влиятельных домах Аргентины, Парагвая, Мексики, Бразилии, Уругвая, Колумбии, Чили. Он часто ездил по континенту, заводил связи среди крупных чиновников, представителей военной и аристократической элиты Латинской Америки, в деловых кругах.

Когда их легализация в Новом Свете закончилась, супруги Филоненко приступили к выполнению разведывательных заданий Центра. Главной задачей разведчиков было выявление реальных планов США в отношении нашей страны, особенно военно-политических. В Латинской Америке получить такую информацию было легче, чем в самих Соединенных Штатах: Вашингтон делился с партнерами из Западного полушария своими планами, имея в виду их возможное использование в будущей войне против СССР.

А сейчас вернемся на десять лет назад. 4 сентября 1945 года, когда Вторая мировая война еще продолжалась на Дальнем Востоке, Объединенный разведывательный комитет Объединенного комитета начальников штабов США составил меморандум для президента Г. Тру-

мэна, в котором в предполагаемой войне против СССР намечалось двадцать целей для нанесения по ним атомных ударов. Этот план не был реализован, поскольку тогда Соединенные Штаты к крупномасштабной войне против нашей страны еще не были готовы.

В 1946 году был выработан новый план, получивший кодовое наименование «Пинчер». В 1947 году его заменил уточненный план «Бройлер». А в 1948 году на свет появилась сразу целая серия планов войны против СССР: «Граббер», «Эрейзер», «Даблстар», «Лафмин», «Интермеццо», «Флитвуд», «Сиззл».

Следующий, 1949 год ознаменовался принятием новых планов тотального уничтожения нашей страны: «Дропшот» и «Оффтэкл». Так Вашингтон реагировал на появление атомного оружия в СССР. Планам ядерного нападения США на СССР и страны народной демократии специально давались бессмысленные наименования, дабы «ввести противника в заблуждение». И каждый план, каждая разработка сценария мировой катастрофы лишь увеличивала число целей для ядерных бомбардировок. Сейчас можно с полной уверенностью утверждать, что мир был спасен от ядерной катастрофы только потому, что СССР, еще не оправившись от страшных разрушений войны, смог мобилизовать все свои силы и создать собственное атомное оружие, а в 1970-е годы – достичь ядерного паритета с США.

Планы ядерных атак на СССР были получены Москвой благодаря связям разведчиков-нелегалов среди латиноамериканской аристократии.

Важное место в деятельности супругов Филоненко занимало также изучение политики США и их западных союзников на международной арене. Накануне каждой сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций на стол советской делегации ложились документы, содержавшие подробную информацию о позиции основных стран Запада. И советское руководство несколько раз делало удачные ходы на заседаниях Генассамблеи благодаря информации, которую добывали разведчики-нелегалы.

Филоненко подготовили несколько агентов для длительного оседания в США и с помощью Центра обеспечили им надежное документальное прикрытие. Анна Федоровна была надежной подругой и помощницей мужа. Во время частых осложнений обстановки в стране, где военные перевороты не были редкостью, она проявляла выдержку и самообладание. Этому способствовало и прочное положение нелегалов на континенте. Михаилу Ивановичу удалось проникнуть в окружение президента Бразилии Жуселино Кубичека де Оливейра, завязать знакомство со многими министрами правительства страны, которых он часто приглашал на обеды к себе на виллу.

Михаил подружился даже с парагвайским диктатором Альфредо Стресснером, наводнившим свою страну бывшими гитлеровцами. Будучи в прошлом офицером германского вермахта и знатоком стрел-

кового оружия, хозяин Парагвая однажды увидел в стрелковом клубе, как метко стреляет из винтовок и пистолетов элегантный коммерсант, и пришел в неописуемый восторг. В дальнейшем он неоднократно приглашал Михаила поохотиться вместе на крокодилов. В беседах с разведчиком «дядюшка Альфредо» был предельно откровенен. Подобной «чести» удостаивались лишь избранные.

Шли годы. В результате хорошо налаженной разведывательной работы от нелегалов регулярно поступала актуальная политическая информация. Обстановка вокруг разведчиков была спокойной. Вскоре в семье родился еще один ребенок – сын Ванечка.

Между тем работать становилось все сложнее. В 1957 году в Нью-Йорке был арестован советский разведчик-нелегал Вильям Фишер, назвавшийся при аресте Рудольфом Абелем, параллельно с которым работали супруги Филоненко. Во избежание их расшифровки и сохранения созданной ими агентурной сети, имевшей выходы на США, Центр принял решение изменить условия связи с разведчиками-нелегалами. Любые контакты с ними через тайники и связных были прекращены. Связь с Центром поддерживалась теперь только по радио.

Разведчикам передали новейшую коротковолновую быстродействующую радиостанцию, «выстреливавшую» сообщение в эфир сжатым «пакетом», за несколько секунд. Анне Федоровне пришлось вспомнить свою военную специальность радистки.

В те годы спутниковой связи еще не существовало. Поэтому в составе советской китобойной флотилии, ведущей промысел в водах Антарктики, под видом китобойного судна находился специальный корабль. Его мощный узел связи использовался в качестве усилителя и ретранслятора радиосигналов, поступавших от нелегалов. Это были годы холодной войны, и информация, передаваемая разведчиками, носила тревожный характер.

В жизни разведчиков-нелегалов были и драматические моменты. Однажды Михаил Иванович отправился в деловую поездку по континенту. Вскоре по радио сообщили, что самолет, на котором он должен был лететь, потерпел катастрофу. Можно представить себе состояние Анны Федоровны, когда до нее дошел смысл этого сообщения: вдова нелегала с тремя малолетними детьми на руках в чужой стране! К счастью, Михаил Иванович опоздал на злополучный рейс: до вылета самолета он проводил важную встречу со своим источником информации и задержался.

Постоянные стрессовые ситуации, которых у разведчиков было немало, сказались на здоровье Михаила Филоненко. В начале 1960 года он перенес обширный инфаркт и работать с прежней нагрузкой уже не мог. В июле того же года Центр принял решение отозвать супругов-нелегалов на Родину. Домой они ехали с целым чемоданом денег. Это были партийные взносы, которые они аккуратно откладывали за

границей, чтобы сдать в партийную кассу по возвращении в Москву. Агентурная сеть, созданная их усилиями, была передана на связь другому сотруднику нелегальной разведки и продолжала действовать еще много лет.

Путь на Родину занял много времени. Супруги с детьми переезжали из одной страны в другую, чтобы скрыть от контрразведки противника свой истинный маршрут. Наконец они добрались до Европы, а оттуда на поезде пересекли советскую границу. Они не могли скрыть слез радости и запели: «Широка страна моя родная...» А дети с изумлением слушали незнакомую им русскую речь. Ведь двое из них родились на чужбине и никогда не слышали иного языка, кроме португальского, чешского или испанского. В этот момент они, наверное, подумали, что их родители сошли с ума. Тогда старший сын Павел закричал: «Я все понял! Ведь вы – русские шпионы!». Видимо, в его памяти отложилось, как в не столь далеком 1951 году он с родителями пересекал китайскую границу, бредя по пояс в снегу. Впоследствии дети долго привыкали к новому дому, русскому языку и даже к своей настоящей фамилии.

После лечения и отдыха разведчики вернулись в строй. Их заслуги были отмечены высокими наградами Родины. Полковник Михаил Иванович Филоненко стал заместителем начальника отдела в Управлении нелегальной разведки. В этом же отделе трудилась и Анна Федоровна, майор госбезопасности. По нынешним меркам они были еще молоды, едва-едва перевалив сорокалетний рубеж.

За годы работы в разведке Анна Филоненко была удостоена ордена Красной Звезды, награждена двумя медалями «За боевые заслуги», многими другими наградами, а также нагрудными знаками «Заслуженный работник НКВД» и «Почетный сотрудник госбезопасности». Военный период ее жизни был тоже отмечен несколькими орденами и медалями.

В 1963 году супруги Филоненко вышли в отставку.

В начале 70-х годов режиссер Татьяна Лиознова приступила к съемкам знаменитого телесериала «Семнадцать мгновений весны». Для его съемок требовались опытные консультанты. Руководство тогдашнего КГБ выделило ей в помощь Анну и Михаила. Иногда Татьяна Лиознова, завороженная историями нелегалов, засиживалась у них дома далеко за полночь. Ее интересовали переживания раз ведчиков, психология западного обывателя, малейшие детали быта. Поэтому многие эпизоды этого прекрасного фильма были подсказаны супругами Филоненко. Например, сюжет с рождением ребенка. Правда, Анна, в отличие от радистки Кэт, рожая дочь в Харбине, порусски все же не кричала. Режиссер ввела этот эпизод для усиления драматургии сюжета.

С нелегалами подружился и Вячеслав Тихонов, сыгравший в телесериале роль полковника Штирлица. Артист, создавший убедитель-

ный образ советского разведчика, многое позаимствовал у Михаила Ивановича.

Завеса тайны окутывала разведчиков-нелегалов супругов Филоненко до самого конца их жизни. Михаил Иванович скончался в 1982 году. А вот Анна Федоровна, ставшая прототипом радистки Кэт, пережила мужа на шестнадцать лет и скончалась 18 июня 1998 года.

Но подвиг семьи Филоненко не будет забыт. Пока есть Россия – будет жить и ее разведка. Приходят новые поколения офицеров тайных служб, и пример легендарных нелегалов становится для них путеводной звездой. Богатый опыт советских разведчиков будет служить им еще очень долго.

После смерти супругов Филоненко Служба внешней разведки рассекретила их имена. В российской прессе появились публикации, раскрывающие некоторые эпизоды их боевой биографии. Однако о многих конкретных делах этих сотрудников внешней разведки рассказывать пока еще не пришло время.

15

В стране цветущих хризантем

Ее путь в Японию пролегал через третью страну, где разведчица прожила много месяцев. Там она по легенде являлась дочерью богатого уйгура, который якобы вместе с семьей эмигрировал из России еще до революции. В свидетельстве о рождении, выданном местным муллой, арабской вязью было указано, что она родилась в китайском Туркестане. После «акклиматизации» она вылетела в соседнюю страну, где ее ожидал жених. Через четыре месяца они зарегистрировали брак. Молодожены постепенно перебирались поближе к Японии, в которой им предстояло работать в годы холодной войны. В стране цветущих хризантем Бир и Халеф (такими были оперативные псевдонимы разведчиков-нелегалов) провели почти четырнадцать лет.

Она готовилась стать актрисой. Туркменская девочка Бибииран (Ирина) Алимова, родившаяся в июне 1920 года в городе Мары, училась на втором курсе рабфака в Ашхабаде, когда ей неожиданно предложили сниматься в кино. И не просто сниматься в массовых сценах, а стать профессиональной киноактрисой.

Отец Ирины, Карим Алимов, воевал на фронтах Гражданской войны. После ее окончания поселился в родном городе Мары, в глинобитной мазанке, оставшейся от родителей. Вскоре он обзавелся семьей, у него родились трое детей. Карим-ага стал часовщиком и одновременно занимался изготовлением ювелирных изделий. Слава о его мастерстве вышла далеко за пределы Мары, и в 1928 году в дом к скромному часовщику, чья семья едва сводила концы с концами, пожаловали гости из персидского консульства. Они посулили Кариму хорошую работу и предложили переехать в Тегеран. Однако он отказался. Позже Карим вместе с семейством переехал в Ашхабад, где Ирина пошла в школу. Красивая девочка охотно участвовала в художественной самодеятельности и уже со школьных лет думала о том, чтобы посвятить себя сцене.

Но в театральный институт она не пошла. После окончания школы поступила на рабфак при сельхозинституте: Ирина вдруг решила стать ветеринаром-хирургом. Здесь-то на нее и обратили внимание работники студии «Туркменфильм» и пригласили сниматься в кинофильме «Умбар». Этот фильм вышел на экраны за несколько лет до войны. Ирина сыграла в нем роль возлюбленной Умбара. К ней пришла слава: молодую актрису узнавали на улице, многочисленные поклонники писали ей письма.

После дебюта в кино Ирину Алимову направили учиться актерскому мастерству в Ленинград, в группу знаменитого режиссера Г. Козинцева. Позже Ирина Каримовна вспоминала: «В Ленинграде я встретилась со многими известными советскими артистами: Тамарой Макаровой, Яниной Жеймо, Зоей Федоровой, Яковом Свердлиным, Петром Алейниковым и видными режиссерами: Хейфицем, Зархи, Траубергом, Роммом, Герасимовым. Они хвалили и одобряли меня, говорили, что у меня есть хорошие перспективы стать настоящей актрисой».

В 1939 году Алимова закончила обучение и по распределению была направлена в Ташкент, на киностудию «Узбекфильм», где ей была обещана главная роль в новом узбекском кинофильме. Молодая советская власть бережно заботилась о создании национальных кадров в среднеазиатских республиках, в том числе в области искусства. Перед Ириной, которой было всего девятнадцать лет, открывалась блестящая перспектива киноактрисы. Однако судьба распорядилась по-иному.

Пока шла подготовка к новой роли в кино, грянула Великая Отечественная война. Ирина, подобно тысячам других молодых людей, пошла в военкомат с просьбой отправить ее на фронт. Эта просьба была удовлетворена. Правда, Ирину направили не на фронт, а в военную цензуру. Так осенью 1941 года она стала сотрудником органов государственной безопасности. В военной цензуре Ирина прослужила всю войну. Вместе с действующей армией она прошагала по военным дорогам Украины и Польши, где в Кракове встретила Победу. Затем служила в Чехословакии и Австрии. После демобилизации возвратилась домой, в Ашхабад, где ее ждали постаревшие родители. Однако продолжить довоенную карьеру киноактрисы Алимовой не пришлось. Семья бедствовала, и Ирина решила временно поработать в местной контрразведке, в подразделении наружного наблюдения. Здесь она приобрела неоценимый опыт конспиративного наблюдения за объектами, выявления слежки и ухода от нее, который ей пригодился в дальнейшем при работе за рубежом разведчиком-нелегалом.

В начале 1947 года Ирину вдруг вызвали в Москву, на Лубянку. В Ашхабаде ее предупредили не говорить никому ни слова об этом вызове. По дороге в известное всей Москве серое здание на площади Дзержинского Ирина размышляла о причинах столь необычного вы-

зова. В бюро пропусков на Кузнецком мосту ее встретил сотрудник отдела, в котором предстояло работать будущей нелегальной разведчице.

Вручив ей пропуск, он проводил Ирину в просторный кабинет. Хозяин кабинета Александр Коротков, сам бывший разведчик-нелегал, предложил ей мягкое кресло и после разговора на общие темы сказал:

– Как вы смотрите на то, чтобы перейти на работу во внешнюю разведку? Я имею в виду, что вам предстоит вести разведку за рубежом с нелегальных позиций, под чужим именем и в качестве иностранки. Мы понимаем, что дело это далеко не женское. Оно трудное, опасное, а выполнение заданий Центра порой связано с немалым риском для жизни. Вы знаете, какая сейчас международная обстановка: американцы открыто грозят Советскому Союзу, понесшему большие жертвы в Великой Отечественной войне, новой войной, на сей раз атомной. Мы должны знать планы США и нуждаемся в кадрах для нелегальной работы, чтобы быть в курсе замыслов потенциального противника. По своим данным вы подходите для работы в нелегальной разведке. Впрочем, вы можете отказаться от нашего предложения: это дело сугубо добровольное, и мы в претензии к вам не будем. Обдумайте все хорошенько, время у вас есть.

Она согласилась без колебаний.

– Я согласна, – сказала Ирина после нескольких секунд размышлений.

Ирина прекрасно понимала, что просто так подобные предложения не делаются. Видимо, «наверху» хорошо изучили ее дело, навели соответствующие справки. Это и тревожило (что они там накопали?), и одновременно наполняло гордостью. Она помолчала несколько секунд и неожиданно для всех вдруг спросила:

– Я слышала, что когда наши разведчики возвращаются домой, их уничтожают. Это правда?

Александр Коротков и куратор Ирины Каримовны переглянулись.

– Что за ерунда? Кто вам сказал такую глупость? Надо же такое вообразить...

Затем, обращаясь к сотруднику своего отдела, не то одобрительно, не то с осуждением он сказал:

– Гляди, какая смелая...

Полковник не покривил душой, назвав ерундой подобные утверждения. В послевоенный период репрессии против сотрудников внешней разведки, успешно выполнившей свой долг в годы военного лихолетья, прекратились. Не отмечались и массовые чистки органов государственной безопасности, от которых они так сильно пострадали в предвоенный период. Однако подобные высказывания в разведке не поощрялись и могли доставить их авторам много неприятностей.

К счастью, для Ирины этот разговор не имел негативных последствий.

Много лет спустя, когда уже завершилась заграничная командировка Ирины Каримовны, она с большой теплотой вспоминала своего первого начальника Управления нелегальной разведки Александра Михайловича Короткова.

«Он был весьма решительным человеком, – рассказывала разведчица. – В предвоенные годы Александр Михайлович работал в нацистской Германии. Имел непосредственное отношение к антифашистской организации, известной под названием «Красная капелла».

Иностранцам он представлялся Александром Эрдбергом. Когда началась война, Коротков с риском для жизни выехал из советского посольства, уже блокированного эсэсовцами, чтобы передать немецким антифашистам радиостанцию и условия связи на «особый период». Он прошел путь от электромонтера в ОГПУ до одного из начальников внешней разведки, стал генералом. Долгие годы Александр Михайлович возглавлял управление нелегальной разведки, потому что был мастером своего дела. Как профессионал он не имел себе равных, – подчеркивала Ирина Каримовна.

Руководил он разведчиками, большинство из которых прошли войну, были ранены, получили правительственные награды. Иными словами, людьми взрослыми, достаточно опытными и в профессиональном плане, и в чисто житейском. Поэтому спрос с них был иной, нежели с молодежи, пришедшей в разведку после института. В случаях серьезных промахов по службе, упущений, не говоря уж о серьезных проступках, он мог принять решения и крутые, и жесткие. Правда, никто из подчиненных на него не обижался, потому что никто не мог вспомнить, чтобы генерал накладывал взыскание или даже просто учинял словесную выволочку уж совсем ни за что.

Несмотря на занимаемое им высокое служебное положение, Александр Михайлович не избегал общения с рядовыми сотрудниками разведки. Он мог сыграть с ними в волейбол, постучать костяшками домино, пригласить к себе в гости... И в этом не было ничего показного: любое чиновничье чванство было ему органически чуждо. Именно за эти качества он пользовался непререкаемым авторитетом в коллективе. Его внезапная смерть была большим горем для коллектива».

Однако возвратимся к годам учебы Ирины Каримовны в разведывательной школе. После беседы у начальника управления нелегальной разведки для нее началась кропотливая подготовка к работе за рубежом: изучение иностранных языков с персональными преподавателями, вживание в образ эмигрантки, отработка легенды-биографии. Достаточно сказать, что Ирина Каримовна за годы учебы овладела турецким, уйгурским, фарси, английским и немецким языками.

Все эти языки, особенно турецкий, ей весьма пригодились в будущей нелегальной работе.

Выбор Ирины Алимовой в качестве разведчика-нелегала не был, разумеется, случайным. Большую роль в этом сыграла... ее профессия актрисы.

Небольшое отступление по этому поводу.

Известный американский разведчик и контрразведчик Чарльз Россель, выступая с курсом лекций в далеком 1924 году в Нью-Йорке перед офицерами запаса армии США – сотрудниками спецслужб, уже в то время подчеркивал: «Хороший разведчик должен быть превосходным актером. От того, как вы играете свою роль, зависит не только успех вашего дела, но также и жизнь многих товарищей. Вы должны не только владеть вашими чувствами, но и мимикой. Никогда не допускайте, чтобы язык говорил одно, а глаза другое. Будьте бдительны, не забывайте о своей роли».

Эти наставления специалиста актуальны и по сей день. Хорошо известно, что любому разведчику, особенно нелегальному, в жизни приходится играть множество ролей. Подготовка Ирины в качестве разведчика-нелегала длилась несколько лет. Приставленные к ней персональные преподаватели – носители языков, которыми ей предстояло овладеть, «натаскивали» будущую разведчицу по десять – двенадцать часов в день.

Сначала она активно изучала немецкий язык, поскольку ее готовили для работы в Австрии. Для углубленного изучения языка будущую разведчицу отправили в Германскую Демократическую Республику. В соответствии с легендой, она, турчанка по национальности, часто выезжала в Лейпциг, где якобы разыскивала своих родственников. Для подтверждения этой легенды она изучала также турецкий и персидский языки. Однако вскоре легенда Ирины вновь изменилась. Ее стали готовить для работы в Японии. Изменилась и система ее подготовки.

Ирине предстояло овладеть не просто, предположим, английским языком, но именно тем его диалектом, на котором говорят жители «ее родины». Но Ирина училась не только языкам. Ей необходимо было вжиться в роль, усвоить, как общаются люди в стране, из которой она якобы происходила, что и как едят, как ведут себя за столом, во что одеваются представители ее круга, какие взаимоотношения существуют в различных социальных слоях. При подготовке учитывалась ее легенда. В соответствии с ней Ирина происходила из семьи уйгуров, эмигрировавших до революции из России в китайский Туркестан. Семья постоянно проживала в Кашгаре. Поэтому ей необходимо было вжиться именно в роль дочери уйгуров-эмигрантов. Только после того, как легенда Ирины была полностью отработана, было принято решение отправить ее в Японию.

Такое решение не было спонтанным. Обстоятельства сложились так, что к 1953 году в этой большой азиатской стране не было резидентуры нашей внешней разведки, а советское руководство нуждалось в достоверной информации о происходящих в ней процессах, об отношениях Японии с другими странами. Однако отсутствие дипломатических отношений с Японией не позволяло создать там «легальную» резидентуру. Дело в том, что 26 июля 1945 года конференция «Большой тройки» в Потсдаме опубликовала специальную декларацию о Японии, в которой содержалось требование к Токио о безоговорочной капитуляции. В документе говорилось, что «навсегда должны быть устранены власть и влияние тех, кто обманул и ввел в заблуждение народ Японии, заставив его идти по пути всемирных завоеваний, и ликвидирован «безответственный милитаризм». В декларации подтверждалось, что «должны быть выполнены» условия Каирской декларации об ограничении японского суверенитета над островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю и Сикоку и над теми менее крупными, «которые мы укажем».

В декларации отмечалось, что для достижения указанных целей необходимо оккупировать Японию, но «оккупационные войска союзников будут выведены из Японии, как только будут достигнуты эти цели и как только будет утверждено мирно настроенное ответственное правительство в соответствии со свободно выраженной волей японского народа». Заметим, что эти цели были достигнуты союзниками еще в 50-х годах прошлого столетия, однако до наших дней продолжается американская оккупация Японии.

8 августа 1945 года Советский Союз, верный обязательствам, принятым на Потсдамской конференции, объявил войну милитаристской Японии. 9 августа Советская Армия начала боевые действия в Маньчжурии против миллионной Квантунской армии. Через пять дней, 14 августа, эта армия капитулировала. 2 сентября 1945 года на борту американского линкора «Миссури» японская делегация подписала Акт о безоговорочной капитуляции. Советскую сторону при подписании акта представлял генерал-лейтенант Деревянко.

На конференции в Сан-Франциско были определены параметры послевоенного устройства Японии. Эта страна была оккупирована американскими войсками под командованием генерала Макартура. Согласно достигнутому в декабре 1945 года в Лондоне соглашению, контролировать выполнение Японией условий капитуляции должны были Союзнический совет и Дальневосточная комиссия. Однако фактическая власть в стране принадлежала командующему американским оккупационным корпусом генералу Макартуру. Советская внешняя разведка работала в Японии под прикрытием советской части Союзнического совета и Дальневосточной комиссии, однако в 1950 году, в связи с войной в Корее, деятельность советской части

этих организаций прекратилась и разведка лишилась легального прикрытия. Центр принял решение о работе в Японии с нелегальных позиций.

Одним из таких разведчиков-нелегалов и предстояло стать Шамилю Абдуллазяновичу Хамзину.

Из оперативной справки на Ш.А. Хамзина: «Родился в 1915 году в Архангельске, в татарской семье. В 1923 году семья переехала в Казань, где Хамзин учился в средней школе. После окончания школы он поступил в Ленинградский электротехнический институт имени В.И. Ульянова (Ленина) на факультет приборостроения. Тема дипломной работы: «Управление с самолета торпедными катерами по радио». Перед самым началом Великой Отечественной войны получил диплом инженера-электрика. Работал на военном заводе в Москве, где был принят в партию. В 1946 году Хамзину предложили перейти на работу в НКГБ, в одно из подразделений внешней разведки. Окончил специальную разведывательную школу. В совершенстве знает уйгурский, турецкий, арабский, английский и румынский языки, не считая родного татарского и русского».

Профессиональный разведчик, татарин по национальности, Халеф (таким стал оперативный псевдоним Шамиля Хамзина) мог легко выдавать себя за араба. К тому же он свободно владел арабским языком. Именно поэтому сразу же после соответствующей подготовки он начал активно работать с нелегальных позиций на Ближнем Востоке. Однако вскоре Центр принял решение постепенно вывести разведчика в Японию, где он должен был организовать и возглавить работу нелегальной резидентуры.

В 1952 году Халеф под видом уйгура Энвера Садыка приехал в китайскую провинцию Тяньцзинь. Он быстро вошел в местную мусульманскую общину, стал одним из ее руководителей и даже помощником муллы. В дальнейшем к Халефу в Китае должна была присоединиться Ирина Алимова, которой предстояло выдать себя за его невесту. В Японии им необходимо было обосноваться в качестве добропорядочной супружеской пары эмигрантов.

...Дорога в страну цветущих хризантем началась для Ирины в 1953 году с поездки в Европу. Разведывательных заданий перед ней в ходе той поездки не ставилось: Ирина должна была лишь проверить надежность своих новых документов, вжиться в облик иностранки. Осенью того же года, успешно справившись с поставленными перед ней задачами, Ирина возвратилась в Москву. Ей дали кратковременный отпуск для посещения родных, живших в Ашхабаде.

А в самом начале 1955 года молодая разведчица, которой был присвоен оперативный псевдоним Бир, выехала в свою основную командировку.

Путь в Японию был непрост. Сначала нужно было въехать в третью страну, где предстояло прожить несколько месяцев под именем Гю-

зель. Только убедившись, что ее пребывание там не привлекает внимания местных спецслужб, Бир следовало сменить документы и под соответствующей легендой выехать на восток Китая якобы для встречи с женихом, также «сыном эмигрантов из России», который, проживая там, занимался небольшим бизнесом в соседней Монголии, а затем решил эмигрировать из страны. К нему Бир и ехала для того, чтобы сочетаться браком.

Прибыв в Турцию, Бир находилась там несколько месяцев, чтобы немного освоиться. После того как стало ясно, что обстановка вокруг нее остается нормальной, Бир самолетом вылетела в китайский город Урумчи, где компактно проживали местные мусульмане.

Здесь Бир окончательно доработала свою легенду, согласно которой она являлась дочерью богатого торговца-уйгура, собирающейся выйти замуж за уроженца своего родного города, уйгура по имени Энвер Садык – с ним она якобы была ранее помолвлена.

Убедившись в том, что легенда «срабатывает», а обстановка вокруг нее остается спокойной, Бир в соответствии с планом, разработанным в Центре, поездом отправилась к жениху, которого знала только по фотографии. Их встреча должна была состояться на вокзале портового китайского города Тяньцзинь, являвшегося «морскими воротами» столицы Китая Пекина. Будущий супруг Бир несколько дней подряд приезжал на вокзал, чтобы встретить ее, однако напрасно. В день прибытия разведчицы он также приехал на вокзал, но в справочном бюро ему сообщили, что поезда из Пекина не будет, и он уехал. На самом деле пекинский поезд сильно опоздал, и разведчики не смогли встретиться.

В два часа ночи Бир оказалась одна на перроне вокзала незнакомого города. Убедившись в том, что ее никто не встречает, разведчица решила отправиться в отель, но тут почувствовала на себе пристальный взгляд полицейского. Неподалеку на площади находился рикша с повозкой, ожидавший пассажиров. Ирина подозвала его жестом руки. Полицейский также тронулся в ее сторону. Когда страж порядка приблизился к ней, Бир сказала по-уйгурски:

– Что-то здесь темно. Не мешало бы улучшить освещение площади.

Услыхав знакомую речь, полицейский, оказавшийся также уйгуром, улыбнулся Бир и козырнул ей. А она протянула вещи рикше и небрежно сказала:

– В центральную гостиницу.

В гостинице ей удалось без проблем получить отдельный номер, если так можно назвать комнату, двери которой не имели запоров. Бир, не раздеваясь, села на кровать и стала терпеливо ждать рассвета. Из соседних номеров доносились шумные голоса, выкрики, пение: видимо, подвыпившая компания праздновала какое-то событие.

В пять утра в номер вошел какой-то человек, одетый в нижнее белье. Он молча направился к находившейся в углу комнаты печке

и стал ее растапливать. Сделав свое дело, он так же молча удалился. Бир не произнесла ни слова. Позднее она узнала, что ее поведение было правильным: это истопник гостиницы по очереди затапливал печи в номерах, и всякие разговоры с ним были бы неуместны.

На следующий день Бир встретилась с женихом по запасному варианту в городе, возле универмага. Через четыре месяца они сыграли свадьбу. Каждый из новобрачных оставил свою фамилию, хотя для окружающих они были Энвер и Хатыча Садык.

Следует подчеркнуть, что уже при первой встрече Бир и Халеф понравились друг другу. Забегая вперед, отметим, что весь долгий срок пребывания в Японии они, создавшие супружескую пару по воле Центра, жили дружно и счастливо. Семейная жизнь их продолжалась и после выхода в отставку.

Теперь разведчикам предстоял наиболее трудный этап выполнения задания Центра – супруги-нелегалы должны были отправиться в Японию, где им предстояло трудиться. Однако после войны Япония находилась под фактической оккупацией США, и получить разрешение на постоянное проживание там для иностранцев было чрезвычайно трудно.

Новоявленная супружеская пара показала себя радушными и гостеприимными хозяевами. Их большой дом в голландском сеттльменте Тяньцзиня всегда был полон эмигрантами-мусульманами (не забудем, что Халеф был в свое время помощником муллы). Это гостеприимство и благотворительность создавало супружеской паре прекрасную репутацию. Тут, к счастью, одна их хорошая знакомая, которая владела в Японии участком земли размером в три сотки, предложила, а затем и продала свой участок супругам Садык. Это обстоятельство значительно упростило их переезд в Японию. Помогли разведчикам и запасенные заранее рекомендательные письма от ряда японских общественных деятелей, с которыми они успели познакомиться, а также письма от религиозных организаций. Сделка по приобретению участка земли в Японии состоялась, и супруги выехали в Гонконг.

Здесь они обратились в американскую миссию Красного Креста с просьбой помочь перебраться в Японию, где у них имеется земельная собственность. Сотрудники миссии, наведя справки, дали рекомендации супругам, которые, в свою очередь, по их протекции обратились в генконсульство Японии и предъявили рекомендательные письма и документы на земельный участок. Это давало им право получить временный вид на жительство, который следовало продлевать каждый год.

Обосновавшись в Гонконге, являвшемся в то время британской колонией, Бир и Халеф сняли двухэтажный домик и открыли в нем галантерейный магазин. Поначалу дела «коммерсантов» шли не очень успешно: сказывался недостаток опыта. Однако Бир занялась вышиванием и наладила изготовление воротничков, которые в ту пору были в моде и пользовались спросом. Для заведения полезных зна-

комств супружеская пара разведчиков-нелегалов регулярно посещала местный американский клуб. Бир записалась также в женский клуб.

Через полтора года разведчики, используя появившиеся связи, получили, как уйгуры-беженцы из Китая, гражданство Тайваня и паспорта, с которыми можно было разъезжать по всему миру.

Все складывалось довольно удачно. Однако вскоре Бир и Халеф заметили пристальное внимание к себе со стороны британской контрразведки. Ее агенты появлялись в различное время суток возле дома нелегалов, заходили в дом под надуманными предлогами, когда супруги отсутствовали, опрашивали прислугу об их образе жизни, привычках, знакомых. Это серьезно встревожило разведчиков, которые терялись в догадках относительно повышенного внимания к ним со стороны местных спецслужб. К счастью, разгадка довольно быстро выяснилась. Оказалось, что один из эмигрантов из России, человек с темным прошлым, невзлюбил их и стал открыто говорить в клубе, что они не те люди, за которых себя выдают. Узнав об этом, Бир пошла в посольство Тайваня и попросила защитить их семью от оскорблений эмигранта-белогвардейца. Этот шаг принес результаты: слежка за ними заметно ослабла, а вскоре и вовсе прекратилась.

Осенью 1954 года Бир и Халеф под видом торговцев продуктами питания выехали из Гонконга в Японию. Они следовали через японский порт Кобе, расположенный на западном побережье страны. При пересечении границы разведчики использовали тайваньские паспорта.

До 1945 года Тайвань был колонией Японии. В результате безоговорочной капитуляции японской военщины в сентябре 1945 года колониальный статус этого острова был отменен. Однако вне Японии остались тысячи людей, которые имели японские и тайваньские паспорта и намеревались возвратиться в «страну Ямато». Для них был установлен более либеральный въездной режим по сравнению с гражданами других стран. Этим и воспользовались Бир и Халеф.

Перед отъездом в страну своей разведывательной деятельности нелегалы встретились с представителем Центра, который дал им последние инструкции и наставления. Он сказал:

– Мы потеряли в Японии связь со всей агентурой. Информация по проблемам данной страны не поступает в Москву вот уже несколько лет. Некоторое время вы будете там единственными источниками информации. На вас возлагаются большие надежды.

Прибыв в Японию, супруги Садык обосновались на некоторое время в портовом городе Кобе. Они продали за приличную сумму участок принадлежавшей им земли и на вырученные деньги приобрели небольшой двухэтажный дом. Первый этаж они заняли сами, а второй сдали двум американцам.

Пройдя «период акклиматизации», Халеф и Бир перебрались в Токио, где стали компаньонами в одной из экспортно-импортных

фирм. Они купили двухэтажный дом и открыли на первом этаже собственный магазин. Фирма и магазин являлись для супругов надежным прикрытием в их разведывательной деятельности.

Перед нелегалами были поставлены следующие основные разведывательные задачи: собирать информацию относительно перевооружения Японии, наблюдать за процессом формирования японских сил самообороны и развитием двусторонних связей с США в военной области. В одной из шифровок Центра они были конкретизированы следующим образом:

«Предметом особой заинтересованности на ближайшее время должны стать следующие вопросы:

1. Взаимоотношения Японии с США: насколько они тесны, в каком русле будут впредь развиваться.

2. Политика Японии в отношении СССР.

3. Насколько сильны тенденции милитаризации экономики и воссоздания армии: ее структура, финансирование, вооружение, возможные планы совместных учений и боевых действий с США».

Вскоре разведчики приступили к выполнению заданий Центра.

Учитывая, что Москву в первую очередь интересовали планы США по ремилитаризации Японии и втягиванию ее в военные блоки, они сосредоточили свое внимание на данной проблеме. Так, Бир сообщила в Центр, что в Японии под видом создания сил самообороны началось интенсивное увеличение армии:

«Под видом создания новых полицейских отрядов в Японии началось интенсивное увеличение армии. Планы милитаризации Японии держатся в глубокой тайне, ибо это является серьезным нарушением взятых Токио на себя обязательств по демилитаризации страны в ходе международной конференции в Сан-Франциско. В ближайшие годы предполагается таким образом увеличить численность японской армии вдвое. Правительством страны заключены секретные контракты с целью развития военной промышленности. Местной прессе запрещено публиковать какую-либо информацию по данной проблеме».

Такие сообщения представляли исключительную важность, поскольку о милитаризации Японии Москве в то время было известно очень мало.

Бир выполняла в первую очередь обязанности радиста-шифровальщика нелегальной резидентуры. Однако эта довольно объемная работа не освобождала ее от необходимости периодически решать конкретные разведывательные задания Центра. Одновременно Бир вела активное изучение перспективных кандидатов на вербовку, поддерживала связь с агентами – источниками информации, обрабатывала поступавшую в резидентуру разведывательную информацию и готовила оперативные письма в Центр.

В 1955 году она радировала в Центр:

«Стало известно, что в обстановке секретности спущена на воду подводная лодка нового типа, оснащенная новейшим оборудованием».

Эту информацию разведчики смогли получить благодаря знакомству с американским солдатом турецкого происхождения. Одновременно «торговая компания» супругов Садык стала «вторым домом» для прибывавших в Японию на отдых турецких военнослужащих.

Во время войны в Корее на Корейском полуострове под флагом ООН находился контингент турецких войск. После подписания соглашения о перемирии в Корее в 1953 году эти военнослужащие вошли в контингент ООН по поддержанию мира. Бир и Халеф свободно владели турецким языком, поэтому неудивительно, что турецкие военнослужащие проявляли к ним интерес.

Приглашая к себе в гости турецких офицеров, разведчики-нелегалы получали от них интересующую Москву информацию. Для заведения полезных контактов и получения важных сведений о действиях войск США в Южной Корее Бир использовала также общественный женский клуб, в котором за чашкой чая собирались жены иностранных дипломатов и офицеров.

Получаемую таким образом устную информацию разведчики в большинстве случаев перепроверяли визуально. Однажды они возвращались домой ночью в сильный ливень по сельской дороге, которая проходила через гористую местность. Неожиданно за поворотом они увидели, что дорога размыта. Халеф попытался затормозить, однако было уже поздно. Машина не слушалась тормозов и медленно сползала под откос.

– Прыгай! – приказал Халеф.

– Сперва прыгай сам, ты нужнее, – возразила Бир.

– Прыгай! – изо всех сил закричал Халеф, пытаясь справиться с непослушным рулем.

Бир открыла дверцу автомашины и, поставив обе ноги на порог, резко оттолкнулась. Вслед за ней из машины, потерявшей управление, успел выскочить и муж. К счастью, разведчики-нелегалы отделались легкими ушибами, а машину удержало росшее чуть ниже дерево.

Супруги переночевали в ближайшем поселке, а утром следующего дня автомашину извлек из оврага вызванный ими тягач. Оставив автомобиль для ремонта в ближайшей мастерской, супруги взяли напрокат другую машину и на ней добрались до Токио. Задание Центра было выполнено в срок и без серьезных потерь.

Были в их разведывательной практике и другие подобные случаи. Однажды автомашина, которой управлял Халеф, столкнулась со встречным автомобилем. Халеф получил травму ноги и не мог ходить. А в тот вечер ему предстояло заложить в тайник контейнер с материалами, предназначенными для Центра.

Бир вызвалась заменить мужа при выполнении этой разведывательной операции.

– А как ты поедешь одна, поздней ночью в глухой городской район, в котором и днем-то трудно разобраться в лабиринте улочек? – спросил он.

– Другого выхода нет: не можем же мы срывать операцию, – спокойно возразила она. – Ничего, как-нибудь разберусь, все будет нормально.

Бир успешно выполнила задание. В нужный район она добралась около полуночи. Возле остановки городского транспорта спали бездомные, забравшись в картонные коробки, и к месту закладки тайника ей пришлось идти, перешагивая через их торчащие ноги. Прохожие в ночное время старались обходить стороной этот неспокойный квартал. Именно это и давало шанс на то, что закладка тайника останется незаметной и не привлечет внимания посторонних.

Вскоре в Центр уходит другая важная телеграмма, подписанная коротким псевдонимом разведчицы:

«Хорошо информированный источник сообщает о планах создания американцами новой замкнутой военно-политической группировки, в которую могут войти Япония, Южная Корея, Южный Вьетнам, Тайвань, Таиланд, Филиппины, Малайзия, Новая Зеландия и Австралия. Переговоры, возможно, состоятся в Сеуле или Бангкоке. Создание такой группировки явится серьезным дестабилизирующим фактором в Юго-Восточной Азии».

Это была информация, как говорится, на опережение. Последующее развитие событий полностью подтвердило сведения разведчиков. На учредительной конференции, которая проходила 14–16 июня 1966 года в Сеуле (Южная Корея) и в которой приняли участие министры иностранных дел перечисленных в телеграмме стран, была создана новая военно-политическая группировка, тесно связанная с США, – Азиатско-Тихоокеанский совет (АЗПАК).

На счету у Бир и Халефа было множество успешных разведывательных операций. Достаточно сказать, что их оперативное дело состоит из двадцати двух томов общим объемом свыше семи тысяч страниц! В нем сосредоточены донесения разведчиков, поступившие на Лубянку за тринадцать с лишним лет их нелегальной работы в Японии.

Из документов переписки Бир и Халефа с Центром следует, что одним из серьезных достижений разведчиков было приобретение ими сделанных с воздуха фотоснимков военных баз США в Японии, мест дислокации японских сил самообороны и их военных аэродромов. Все эти сведения, переданные нелегалам надежным источником, получили самую высокую оценку Центра, ибо в ту пору у Москвы не было ясного представления о военных программах Токио и о степени их угрозы Советскому Союзу.

Бывали и другие случаи, когда разведчики получали крайне важную документальную информацию, насчитывавшую не один десяток страниц. Документы срочно фотографировались и в непроявленной пленке передавались связнику Центра. Позже Бир вспоминала, как ее муж заболел, а ей пришлось поздно ночью встречаться со связником в районе императорского парка. Было темно, идти туда было страшно, к тому же на встречу пришлось добираться пешком.

По дороге к месту встречи Бир беспокоил лишь один вопрос: что делать с материалом, если случится что-то непредвиденное? Например, остановит полиция и проверит документы. Однако все прошло благополучно: слежки за собой Бир не обнаружила, связник прибыл на место встречи в точно назначенное время. Он забрал документы и поблагодарил разведчиков за успешно выполненное задание.

За все время пребывания в Японии Бир и Халеф лишь один раз были в отпуске на Родине. Это путешествие до Москвы заняло немало времени. Чтобы сбить спецслужбы противника со следа, разведчики туристами выехали в Европу, посетили достопримечательности Франции, Испании, Италии, Швейцарии... Поскольку жители Японии являются мировыми лидерами в области туризма и любят колесить по всему свету, подобная поездка разведчиков-нелегалов не привлекла внимания спецслужб. В Советский Союз они прибыли тайно, через нейтральную страну. А из Москвы в родной Ашхабад летели уже вполне легально, с советскими документами.

Разведчикам показалось, что отпуск пролетел, как один день. В Японию они добирались снова через Западную Европу. Потом долго рассказывали знакомым и друзьям о красотах Венеции, соборах Рима, достопримечательностях «столицы мира» Парижа...

Снова началась повседневная кропотливая работа. Даже дома, оставшись наедине, они не могли расслабиться и вспомнить о Москве. И в домашней обстановке разведчики-нелегалы разговаривали только по-уйгурски.

«Однажды мы пошли в кино на советский фильм, – вспоминала позже Ирина Каримовна. – Только в середине фильма я заметила, что, прекрасно понимая русскую речь, все же добросовестно читаю титры на японском языке и по этим титрам воспринимаю его».

Хотя слежки за разведчиками не отмечалось, они постоянно были начеку. Однажды в поездке по Японии они остановились в гостинице и решили провести небольшой эксперимент. Поставили телефонный аппарат на диван и как бы случайно закрыли его подушкой. Через некоторое время в дверь номера вежливо постучали, вошел молодой человек, представился телефонистом и, извинившись, сказал, что хочет проверить, как работает телефонный аппарат.

Напряженная работа сказалась на здоровье Бир. И вот после длительного пребывания в стране цветущих хризантем разведчики нако-

нец получили долгожданную телеграмму из Центра, в которой сообщалось о том, что вскоре они могут возвратиться на Родину.

Путь супругов в Москву вновь лежал через Европу. Бир и Халеф уезжали тихо, с одним чемоданом. Для знакомых это была обычная деловая поездка, связанная с делами их торгового дома. Жарким летом 1966 года в московском аэропорту «Шереметьево» их встречал представитель нелегальной разведки, который поздравил супругов с успешным завершением служебной командировки.

В 1967 году майор Алимова вышла в отставку. Ее муж Хамзин Шамиль Абдуллазянович еще неоднократно выезжал в служебные загранкомандировки для выполнения специальных заданий Центра, в том числе по восстановлению связи с ценными источниками в странах со сложной оперативной обстановкой. От него в Центр поступала важнейшая информация о создании в странах НАТО «оружия первого удара». Он также получил сведения о секретных работах по созданию атомного оружия в тех странах, которые его не имели. В общей сложности Ш.А. Хамзин провел на нелегальной работе в различных странах более двадцати лет. В 1980 году он вышел в отставку в звании полковника. В 1991 году скончался.

За успешное выполнение специальных заданий майор Алимова была награждена орденами Отечественной войны 2-й степени и Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги». Ее муж полковник Хамзин – орденами Красного Знамени и Трудового Красного Знамени, а также медалью «За боевые заслуги».

В ходе одной из бесед с генералом В.Г. Павловым, бывшим одно время ее непосредственным начальником в Центре, Ирина Каримовна подчеркивала:

«Я всю жизнь играла очень трудную роль, только без дубляжа и суфлеров. Ошибиться было нельзя – за нами стояла огромная страна, которая не должна была пострадать из-за наших срывов.

Мы с Халефом самозабвенно отдавались своей работе разведчиков. Что касается трудностей и нервного напряжения, то их было много. Но ведь и в любой другой профессии их, своих трудностей, хоть отбавляй.

И сейчас я могу с уверенностью сказать, что если бы пришлось жить заново, я снова избрала бы прежний путь».

Выйдя в отставку, Ирина Каримовна не прекращает активной общественной работы. Она встречается с молодыми разведчиками, журналистами, писателями. Недавно разведчик-нелегал Ирина Алимова стала героем документального телевизионного фильма «Голоса из безмолвия», в котором поделилась своими воспоминаниями о работе в Японии.

16

Российская разведка на рубеже веков

(материал опубликован в газете «Красная звезда» 21.12.1993 г.)

В современном обществ существует довольно много организаций, занимающихся сбором информации. Это делают журналисты, этим занимаются коммерческие структуры, политические партии, научные учреждения и т.д. От всех них разведка отличается тем, что она работает только для руководства своей страны и добывает секретную информацию иностранного происхождения.

В постконфронтационном мире разведка, по нашему глубокому убеждению, должна быть инструментом обеспечения стабильности. Она позволяет устранить непредсказуемость политического курса тех или иных стран. Помогает лидерам своей страны выработать оптимальный курс, учитывающий законные интересы других государств. Если разведка приходит к выводу о непредсказуемости того или иного лидера, то это тоже важный результат ее деятельности, поскольку он обязывает политическое руководство своей страны действовать исходя из наихудшего сценария.

Разведка должна первой улавливать признаки назревания конфликтных и кризисных ситуаций. Нередко она же может служить конфиденциальным каналом для урегулирования конфликтов. Наконец, разведка обеспечивает своими специальными средствами неофициальный контроль за соблюдением договоров, следит за тем, чтобы партнеры своими умышленными или неумышленными действиями не нанесли ущерба ее стране, чтобы они не могли незаметно для других приобрести какое-то новое качество, добиться технологического прорыва, нарушающего баланс сил и тем самым дестабилизирующего обстановку.

Пожалуй, наиболее серьезные, хотя и менее заметные для широкой общественности изменения в деятельности российской разведки в последнее время произошли в ее доктринальных установках. Речь идет в первую очередь о категории противника как объекта деятельности разведки.

Исторически сложилось так, что внешняя разведка в советское время всегда была одним из инструментов идеологической борьбы на международной арене. В первые послереволюционные годы ее противниками, естественно, были зарубежные антисоветские формирования, основу которых составляла белая эмиграция. Позже к ним добавилась антисталинская оппозиция социал-демократического и троцкистского толка.

Установление фашистского режима в Германии, рост агрессивных устремлений Японии на Дальнем Востоке создавали новую и вполне реальную угрозу самому существованию нашего государства. Отсюда вполне естественно, что в 30-е годы у советской внешней разведки появился новый мощный противник в лице фашистской Германии, а также тех, кто ее поддерживал или мог поддержать в будущем.

Победа антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне, к сожалению, означала и конец самой коалиции. Сейчас вряд ли стоит вдаваться в анализ первопричин холодной войны – был ли это страх Запада перед распространением коммунизма в Западной Европе или страх опустошенного войной Советского Союза перед новой, ядерной угрозой, но для разведок по обе стороны «железного занавеса» это означало появление новых грозных противников.

Сейчас обстановка изменилась. В условиях сегодняшних реалий мы отказались от прежнего подхода, когда разведывательная деятельность строилась на основе имевшейся «галереи» противников. Теперь за точку отсчета надо брать наши национально-государственные интересы.

В том открытом обществе, к которому мы стремимся, уже нельзя выделять какие-то страны или группы стран в качестве своих противников. Но если кто-то будет ставить своей целью нарушение государственного суверенитета нашей страны или посягать на закрепленные в международном праве принципы мирового порядка, которых мы придерживаемся, то они, естественно, могут стать нашими противниками. Что же касается обычной разведывательной деятельности, то здесь важно оставаться на позициях профессионализма и не увлекаться пропагандой. Мы оставляем за собой право вести разведку и добывать секретную информацию, поскольку другие активнейшим образом делают это в отношении России.

Происшедшие за последние годы перемены в мире изменили не только некоторые доктринальные положения отдельных разведок, но и сами разведки, а также отношения между ними.

Из этого вовсе не следует, что все связи и отношения, которые существовали между разведками до последнего времени, вдруг утратили силу. Там, где они базировались на действительно общих интересах, они сохранились. Избавление этих отношений от неоправданной идеологической нагрузки только пошло им на пользу. Наряду с этим в настоящее время идет процесс установления новых контак-

тов между разведслужбами, поиск точек соприкосновения и путей взаимодействия.

По нашему мнению, совершенствование международно-правовой базы, повышение роли международных организаций, объединяющих большинство стран мира на внеблоковой основе, создают хорошие предпосылки для укрепления и расширения взаимодействия разведывательных служб. Вряд ли разведки пойдут на учреждение международной организации интерполовского типа, но стремление спецслужб совместно вести борьбу с угрозой распространения оружия массового уничтожения, международным терроризмом, наркобизнесом, незаконным перемещением капиталов и организованной преступностью, несомненно, заслуживает одобрения и поддержки. По всем этим направлениям российская разведка уже взаимодействует с целым рядом спецслужб, в том числе с разведками стран НАТО. Это взаимодействие и сотрудничество, мы надеемся, будет развиваться и в дальнейшем.

Мы исходим из того, что разведка в ее классическом виде будет существовать еще очень долго. Новая обстановка с неизбежностью будет ставить перед ней новые задачи. Некоторые из них потребуют новых методов и средств. Будут совершенствоваться «правила игры», которыми сейчас руководствуются разведки цивилизованных государств. Но основная миссия разведки – получение секретных сведений в интересах своего государства – будет сохраняться. В этой связи нам представляются нелогичными обращения некоторых западных государств к России с призывом отказаться от ведения разведки. Такой отказ возможен лишь на взаимной, а еще лучше – на глобальной основе. Гипотетически это выглядело бы так: весь мир без разведок. Но это на данном этапе исторического развития – недостижимая цель. Независимо от роста степени доверия разведка в настоящее время нужна.

До 1991 года наша внешняя разведка входила в систему КГБ, что создавало предпосылки для ее использования не по прямому назначению. Осенью 1991 года Служба внешней разведки была выделена в самостоятельную организацию, которая ориентирована исключительно на работу во внешней сфере.

В июле 1992 года впервые в истории нашей страны был принят Закон РФ «О внешней разведке», в котором сформулированы принципы ведения разведывательной деятельности, очерчен круг применяемых средств и методов, определено место СВР в системе государственных органов и порядок ее взаимоотношений с другими организациями и учреждениями Российского государства и общества.

Каковы же задачи внешней разведки? Если сформулировать главную мысль одной фразой, то можно сказать, что разведка призвана способствовать обеспечению национальной безопасности страны, ее национально-государственных интересов. Такая постановка вопро-

са отражает действительную долгосрочную стратегию. Другое дело, что национальные интересы России обозначились пока лишь в самом общем виде.

В результате позитивных изменений в мире угроза мировой ракетно-ядерной войны и широкомасштабного военного конфликта сегодня уменьшилась, тем не менее потенциальная военная опасность полностью не устранена. Существует, к тому же, вероятность создания новых видов вооружений. Нельзя также не учитывать возможность овладения оружием массового поражения теми режимами, которые проводят экспансионистский курс или имеют территориальные притязания к другим государствам. Нельзя не замечать локальных конфликтов по периметру СНГ, в которые Россия может оказаться втянутой.

В этих условиях на сегодняшний день актуальной остается задача получения информации, способствующей поддержанию обороноспособности России, обеспечению ее экономической безопасности, а также сведений о таких достижениях в области новейшей техники и технологии, которые могут иметь жизненно важное значение для нашей страны.

В компетенцию разведки не входит выработка направлений внешней или внутренней политики, принятие самостоятельных решений в отношении того, что соответствует, а что не соответствует национальным интересам государства. Разведка обслуживает законные, конституционные структуры государства – как органы исполнительной, так и законодательной власти.

Внешняя разведка является составным элементом общей системы обеспечения национальной безопасности России наряду с правоохранительными органами. Вместе с тем законом о разведке четко определены рамки полномочий органов внешней разведки, за пределами которых она действовать не имеет права. Разведка, в частности, не является правоохранительным органом и не имеет полномочий таких органов. Высшие органы власти России возложили на разведку функции по противодействию международному терроризму, наркобизнесу, организованной преступности, контролю за нераспространением ядерного оружия, однако только в плане разведывательного обеспечения этой работы. Какими-либо полномочиями по юридическому, уголовному преследованию граждан внешняя разведка не располагает.

Не вдаваясь в детальное перечисление конкретных средств и методов, которыми пользуется разведка, можно сказать, что они в основном аналогичны тем, которые применяют в своей деятельности все специальные службы современных государств. Хотелось бы только особо подчеркнуть, что в России разведке запрещено использовать антигуманные методы, осуществлять действия, наносящие ущерб правам и свободам личности.

Весьма важным для нас, как разведчиков, является четкая отработка вопроса о том, как управляется разведывательная деятельность и как она контролируется. Мы убеждены, что контроль за деятельностью разведки со стороны законодательной и исполнительной властей является совершенно необходимым. Контроль, осуществляемый, естественно, без ущерба для безопасности проведения разведывательных мероприятий, призван гарантировать использование разведки для обеспечения именно национальных интересов страны, исключить всевозможные злоупотребления со стороны отдельных должностных лиц, придать полную законность нашим действиям. Правильно поставленная система контроля создает и обратную связь между разведкой и исполнительной властью, дает нам возможность лучше ориентироваться в отношении потребностей в разведывательной продукции, а представителям высшей власти – получать более полное и правильное представление о характере деятельности разведки и ее нуждах.

Законом «О внешней разведке» четко определена компетенция государственных органов по вопросам управления разведкой.

Закон предусматривает, что президент России определяет стратегию разведывательной работы, осуществляет контроль и координацию деятельности разведывательных органов России. Его прерогативой является и назначение руководителей органов внешней разведки.

Практика подчиненности внешней разведки непосредственно президенту полностью себя оправдала в течение последних лет.

Только при таком варианте может быть гарантирован объективный доклад президенту наиболее важной и достоверной информации, так как при вхождении разведки в другие структуры или ее подчиненности каким-либо координирующим органам неизбежно будут иметь место попытки «подправить» информацию разведки. Об этом свидетельствует и наш собственный, и мировой опыт.

Само собой разумеется, что объективность информационных сообщений разведки, как и вообще ее успешная деятельность, обеспечивается как надежными источниками, так и постоянными деловыми контактами с другими государственными структурами, в первую очередь с Федеральной службой безопасности, Министерством обороны и его Главным разведывательным управлением, Министерством иностранных дел.

В определенной степени к вопросам контроля можно отнести и взаимоотношения разведки со средствами массовой информации и общественностью.

Развитие демократических процессов в России объективно способствовало большей открытости и гласности в деятельности всех государственных институтов страны, в том числе и ее внешней разведки. В структуре СВР создана специальная служба – Бюро по связи с общественностью и средствами массовой информации, пред-

назначенное для информирования общественности о деятельности разведки.

Что касается публикаций по разведке, то в нашей стране нет цензуры на какие бы то ни было публикации. Однако если средства массовой информации используют материалы, ведущие к разглашению сведений, составляющих государственную тайну или признанных секретными, то это влечет установленную законом ответственность издателя. С тем чтобы избежать подобных ситуаций, предусмотрена возможность направления издателем подготовленных им материалов о разведке на экспертное заключение в СВР.

17

Разведка в современном мире

(из выступления директора СВР Е.М. Примакова 14 октября 1992 г. на факультете журналистики МГУ)

Сначала несколько слов о «современном мире». Закончился целый период в истории, который принято называть холодной войной. Исчезла или, вернее, исчезает конфронтационная модель межгосударственных отношений. Я хотел бы подчеркнуть статичность этой модели. Главные противники и главные союзники в ней определялись по идеологическим соображениям. Конфигурация лагеря главного противника и окружающих его государств не менялась. Не менялась, как правило, и конфигурация лагеря союзников, в который государства зачислялись по идеологическим соображениям и на который бывший Советский Союз рассчитывал в своей политике. Такая двухполюсная система перестала существовать – и это хорошо.

Но давайте посмотрим на этот новый мир с точки зрения национальных интересов. Во-первых, говорить, что исчезли все угрозы для безопасности России, для безопасности других государств было бы явно преждевременно. С другой стороны, после того, как рухнула эта статичная система, на первый план выходят национальные интересы всех государств. В прежней заидеологизированной модели они часто приносились в жертву либо тому, что помогали своим постоянным союзникам, либо тому, что боролись со своими постоянными противниками. Теперь же национальные интересы выступают на передний план.

Об угрозах. Какие угрозы и опасности существуют в модифицированном мире? Я хотел бы остановиться на этом несколько подробнее, потому что без такого понимания трудно представить себе, чем должна заниматься разведка в современных условиях.

На глобальном уровне угроза не столь контрастна, как было раньше. Она стала расплывчатой, да и практически к нулевой отметке подошла возможность глобального столкновения с применением термоядерного оружия (допустим, между Россией и какой-то другой страной, а между Россией и Соединенными Штатами – тем более). Но в то же время получилась парадоксальная ситуация: после того,

как мы отошли от двухполюсного мира, ослаб контроль над развитием региональных ситуаций. Возьмите, например, Европу. Распад Советского Союза, Югославии, разделение Чехословакии, появление новых границ. И давайте не закрывать глаза, эти границы сейчас не гарантированы мировым сообществом. Реальность пришла в противоречие с Хельсинкскими договоренностями. Появились конфликты на этнической основе. В третьем мире – то же самое.

Когда все просматривалось через призму столкновения между двумя супергигантами, то удавалось сдерживать, локализовать какие-то конфликты. Во всяком случае наблюдалось стремление обеспечить какое-то управление конфликтами, с тем чтобы они не выходили на глобальный уровень и не подстегивали глобальное столкновение. Сейчас, когда нет этой преграды, конфликтные ситуации развиваются достаточно бурно, что опасно. Их развитие подкрепляется распространением оружия массового уничтожения. По данным разведки, 30 государств могут быть отнесены к пороговым или предпороговым по ядерному оружию. Существует набор критериев, по которому могут определяться эти государства. Причем многие такие государства находятся в сфере действия конфликтных ситуаций.

Дополнительные угрозы для России происходят в результате того, что развиваются дестабилизирующие обстановку процессы в так называемом ближнем зарубежье. Например, события в Таджикистане. Ведь они не ограничиваются борьбой кланов, хотя борьба кланов и составляет главное содержание событий, как мне представляется, но это и давление со стороны Афганистана, причем давление в разных направлениях. Это давление со стороны других государств. Причем давление на афгано-таджикскую границу, которая является в настоящее время границей российской, потому что у нас нет другой границы, которая отгораживает Среднюю Азию от России.

Если упомянутое ранее давление будет «успешным» и после того, как граница будет прорвана, то тогда в общем-то возникает угроза большего развития фундаменталистских моментов, экстремистско-фундаменталистских тенденций, течений в ближнем зарубежье, в подбрюшье России.

Проблемы с русскоязычным населением, численность которого в разных странах составляет почти 26 млн человек. Хорошо, что на Украине и в Белоруссии пока все нормально. Но в других странах для русскоязычного населения уже существует реальная угроза. Кроме того, если говорить о ближнем зарубежье, то совершенно ясно, что импульсы, которые идут оттуда, проникая на территорию России, создают сепаратистские настроения, угрожают территориальной целостности Российского государства. Все это говорит о том, что мир не стал безопасным. Мир не стал миром без угроз.

В то же время в современном мире силовые приемы обеспечения безопасности отступают на задний план, хотя и сохраняют свое де-

монстрационное значение, а в критических ситуациях – возможность их применения. Но, повторяю, силовые приемы ослабевают как фактор поддержания безопасности и в общем-то сейчас не так модны. И в этих условиях еще большее значение, чем раньше, приобретает разведка, которая помогает выяснить намерения того или иного государства, помогает защитить интересы России.

В какой области? Например, для политического руководства России важно знать, на каком этапе в других странах находятся процессы развития критических технологий, которые могут привести к прорыву в той или иной области, привести к созданию дестабилизирующих систем вооружений. Это не только мы хотим знать, но и другие государства. Этим вопросом занимаются разведки многих стран мира.

Большая область – политические намерения того или иного государства, возможность ущемления с чьей-либо стороны интересов России. Последние же заключаются в стабилизации положения в нашем ближнем зарубежье и в других регионах мира. То есть у нас не деструктивные интересы. Нам сейчас необходимы хорошие международные условия, которые помогут преодолеть чрезвычайные трудности во внутриполитической, экономической, социальной областях. Поэтому все сейчас нацеливается на то, чтобы создать эти стабильные условия. И если что-то противодействует созданию стабильности, то это, естественно, отслеживается разведкой и докладывается политическому руководству. Разведка обязана вводить в курс дела политическое руководство и в случае создания каких-то коалиций между группами стран.

Разведка помогает защищать интересы России и в экономической области, где работают разведки различных государств. Речь идет, например, о проверке реальных позиций того или иного государства, подписавшего экономическое соглашение, по проверке того, как осуществляются важные моменты этих соглашений, по проверке партнеров для наших государственных организаций. Что греха таить, сейчас мы встречаемся с таким положением, когда появились фирмы, которые практически ничего не имеют за душой, но выдают себя за настоящих партнеров, пытаясь выиграть что-либо для себя в одностороннем порядке.

Нужно сказать, что в разведке работают люди, которые занимаются не только добычей соответствующей информации, но и анализируют ее, умеют делать из нее выводы, проводить ситуационные анализы, в которых высказывают различные точки зрения, часто диаметрально противоположные. Есть абсолютная свобода в высказывании той или иной точки зрения. Потом все суммируется, выкристаллизовывается в определенные подходы разведки к тем или иным проблемам, тем или иным явлениям, процессам в современном мире.

О кадрах разведки. На оперативной работе люди в общем-то все с высшим образованием, многие с учеными степенями. Нам очень по-

может недавно принятый Закон о разведке. Впервые в истории принят закон, который подвел правовую базу под деятельность разведки, защитил права разведчиков.

Часто на нас ведется атака со стороны определенных зарубежных кругов, да и наша печать подчас о нас говорит несправедливо. Конечно же, у нас в прошлом были темные страницы, но в разведке их было, может быть, меньше, чем в других организациях. Не являясь сама по себе правоохранительным органом, разведка была частью правоохранительного органа практически до октября месяца прошлого года. Сейчас все расставлено на свои места. Разведка выделена из КГБ. Внешняя разведка существует как самостоятельная организация, которая призвана способствовать принятию внешнеполитических решений на высоком уровне, давая для этого соответствующую информацию.

Я сказал, что нас иногда критикуют не по делу. Например, принято стало упрекать разведку в шпионаже, как будто мы выдумали эту древнейшую профессию и одни ею занимаемся. Но ведь разведка существует во всех странах, мало-мальски вставших на ноги, обретающих какой-то вес в мировом плане. Разведка является важнейшей частью государственного механизма. Я не знаю ни одного, а после того года, как я возглавляю эту службу, могу сказать со всей определенностью, государства мира, проводящего более или менее весомую политику на международной арене, которая не ведет разведывательную работу в помощь осуществлению этой политики.

О нас часто судили и продолжают судить по прошлому. Это неверно, хотя и в прошлом у разведки далеко не все может быть показано в темных красках. В написании нашего прошлого не преобладают эти темные краски. Разведка очень пострадала во время репрессий – у нас практически были сметены все резидентуры за рубежом, а в центральном аппарате подавляющее большинство людей было репрессировано, перестало работать в разведке. Так что в процентном отношении, может быть, не было ни одной другой организации, ни одной части государственного механизма, которая бы во время тоталитарных проявлений прежних лет пострадала так, как разведка. В то же самое время мы сейчас работаем, конечно же, совершенно по-другому. Исключено проведение тайных операций, которые нацелены на достижение политических целей.

У российской разведки сейчас устанавливаются связи с некоторыми специальными службами других стран. Они, собственно, и раньше были, но на базе чисто идеологической солидарности или совместного участия в тех или иных акциях. Сейчас же у нас устанавливаются связи со спецслужбами некоторых западных стран, с бывшим нашим противником. Причем мы вместе ищем поля совпадающих интересов и ведем на этих полях совместные разработки.

Какие это поля? Ну, например, всеобщая заинтересованность в том, чтобы не расползалось ядерное оружие, отслеживание процес-

сов, которые могут привести к увеличению клуба ядерных государств. Это борьба против международного терроризма. Мы боремся против международного терроризма без всяких скидок, без всяких попыток поделить международных террористов на своих или не своих. Борьба против наркобизнеса. Борьба против организованной преступности.

У нас в России, к сожалению, достаточно больших масштабов достигла организованная преступность и коррумпированность аппарата. Это не локальное явление, происходит определенное сращивание наших мафиозных структур со структурами аналогичного толка за рубежом. Наша задача вместе с нашими партнерами заключается в отслеживании этих связей и передаче соответствующей информации в правоохранительные органы, которые призваны непосредственно осуществлять эту борьбу.

Еще одно поле совпадения интересов. Это отслеживание тех ситуаций, которые приводят к кризисам в том же третьем мире. Существующий конфликт может перейти в кризисную ситуацию. Внимательное ознакомление со всеми обстоятельствами, со всеми причинами, которые подталкивают этот конфликт, выталкивают его на уровень кризисного столкновения, часто вооруженного, нужно для того, чтобы принять превентивные меры, предотвращающие развитие конфликта.

Надо сказать, что в ряде случаев государства защищают разные интересы – в экономической области, например, в других областях. В таких случаях мы договариваемся и берем на себя обязательства даже и в одностороннем порядке, что не работаем нецивилизованными методами. Здесь имеется в виду все что угодно: и психотропные средства, и дерзкие вербовочные подходы. Мы договариваемся об отказе от таких методов. Разведка в новых условиях должна действовать по-иному, цивилизованно.

Разведка – это не только добыча информации, ее аналитическое оформление, доведение до тех структур, которые принимают решение. Есть еще одна стадия в деятельности разведки, о которой я хотел бы сказать и о которой вы должны знать, чтобы представлять, чем занимается разведка. Это – меры содействия по осуществлению политики. У некоторых это ассоциируется с дезинформацией, блефом, с запуском всевозможных шаров, зондированием, которые часто приводят к парадоксальным выводам о тех или иных действиях, осуществляемых государством. Это далеко не так. Мероприятия содействия – это те мероприятия, которые осуществляются для того, чтобы политика России, нашего государства проходила лучше, более эффективно.

Приведу пример. Если стало известно, что какая-то страна ужесточает свою позицию и хочет не допустить того, чтобы «семерка» сейчас оказала масштабную экономическую поддержку реформам, осуществляемым в России, то методами разведки можно и нужно,

очевидно, довести до общественного мнения, до руководства стран, входящих в эту «семерку», стремление одного из участников и одной из стран переложить экономическое бремя на плечи других и воспользоваться ситуацией для того, чтобы вызвать поддержку своей позиции по территориальному вопросу.

Подготовка кадров. У нас есть соответствующее учебное заведение, которое готовит кадры из тех выпускников учебных заведений, которых мы берем к себе. Обучение у нас необходимо потому, что нужно дать дополнительные знания, дополнительную языковую подготовку.

Отличает разведку от всего того, что было в прошлом, и система гласности. Раньше абсолютно все было за закрытыми дверями.

Я, признаться, не понимаю тех, кто принижает значение патриотического чувства. Оно никак не может противопоставляться демократии. При всем демократическом развитии остается патриотизм, любовь к своему государству, к своему народу. Остается необходимость защищать интересы своего государства, своего народа. И не обязательно эти интересы противоречат интересам других государств.

18

Спектр угроз, направленных против России, не сокращается

(интервью директора Службы внешней разведки Российской Федерации Вячеслава Трубникова «Новому военному обозрению», № 26, 17 июля 1998 г.)

– **Вячеслав Иванович, в чем Вы видите основные угрозы национальной и государственной безопасности России?**

– Окончание холодной войны и вступление России на путь масштабных политических и экономических преобразований, налаживания отношений сотрудничества с ведущими западными странами, международными финансово-экономическими организациями привели к кардинальному изменению ситуации в мире. Важным следствием прекращения многолетнего военно-политического противостояния двух систем явилось резкое уменьшение опасности возникновения ядерной войны.

Вместе с тем спектр угроз новому российскому государству хотя и претерпел серьезные количественные и качественные изменения, но, к сожалению, не в сторону сокращения. Я имею в виду прежде всего внешние угрозы безопасности нашей страны, которые тем или иным образом оказывают или могут оказать влияние на внутреннюю политическую и экономическую ситуацию в России. Своевременное выявление такого рода внешних угроз и является одной из главных задач Службы внешней разведки. Как известно, внутренними процессами в стране СВР не занимается.

Было бы не совсем правильно подразделять угрозы на большие и малые, крайне опасные и не очень, реальные или предполагаемые. Они так же разнообразны, как и окружающий нас мир, постоянно видоизменяются: некоторые из них исчезают, другие усиливаются или возникают новые. Этот процесс перманентен и требует постоянного внимания, отслеживания и адекватной реакции. Расширению спектра угроз объективно способствуют переживаемые страной серьезные социально-экономические трудности.

Если попытаться провести условную градацию внешних угроз, то я бы на одно из первых мест поставил попытки лишить Россию статуса великой державы, отодвинуть ее на вторые роли в мировых делах, создать однополюсный мир под эгидой США и их союзников по НАТО. Подобное стремление к всеобъемлющему доминированию явно вступает в противоречие с объективной тенденцией к многополюсному устройству мира.

Сохраняющееся политическое и военное противостояние между отдельными странами, незавершенность процесса государственного строительства в ряде новых субъектов международных отношений, стремление к расширению сфер влияния региональных и глобальных центров силы сопровождаются обострением конфликтов, в том числе на территории СНГ и в других примыкающих к нашим границам регионах. Многие из них затрагивают или могут затронуть интересы безопасности Российской Федерации.

Отчетливо просматривается стремление Североатлантического союза стать главным инструментом обеспечения безопасности не только на Европейском континенте, но и за его пределами, подменяя таким образом ООН, ОБСЕ и другие международные организации. В то же время процесс политической трансформации НАТО не отвечает современным реалиям. В этом контексте расширение зоны ответственности блока на страны Восточной Европы, поощрение стремления Прибалтийских государств к вступлению в НАТО представляют серьезную угрозу безопасности России. Приближение военной инфраструктуры к границам нашей страны, которая по-прежнему рассматривается в качестве основного потенциального противника, непосредственно затрагивает интересы ее национальной безопасности, требует принятия адекватных мер по противодействию возникающей угрозе.

Нас не могут не беспокоить также действия НАТО, направленные на расширение его присутствия в ряде стран Содружества Независимых Государств, объявление отдельных территорий, в том числе охватывающих страны СНГ, зонами его ответственности.

В нашем сложном, постоянно меняющемся мире все большую актуальность приобретает проблема распространения оружия массового уничтожения. Я полностью разделяю мнение Министерства иностранных дел России, что появление новых ядерных государств угрожает миру и стабильности не меньше, нежели противостояние двух держав в годы холодной войны. Особенно опасно, когда оружие массового уничтожения появляется в странах, находящихся в состоянии перманентного конфликта друг с другом, или же попадает в руки экстремистских режимов и тем более террористических организаций. Не меньшую опасность представляет собой распространение расщепляющихся материалов, ядерных технологий и средств доставки оружия массового уничтожения, осуществляемое вне рамок со-

ответствующих международных структур и общепризнанных международно-правовых документов.

Хорошо известно, какое приоритетное значение Россия придает укреплению всестороннего сотрудничества в рамках СНГ, созданию единого экономического и оборонного пространства. Однако эта линия сталкивается с активным противодействием ряда иностранных государств, не заинтересованных и явно опасающихся превращения Содружества в эффективно действующую и мощную организацию, способствующую экономическому подъему входящих в нее стран. Реальную угрозу в этой связи интересам России и Содружества в целом представляет явное и тайное поощрение определенными внешними силами центробежных тенденций в СНГ с использованием экономических, национальных, религиозных и других факторов.

В последнее время весьма актуальной стала задача выявления, своевременного предупреждения и организации противодействия попыткам извне нарушить единство и территориальную целостность Российской Федерации. Имеются многочисленные факты, свидетельствующие о стремлении ряда зарубежных стран к установлению прямых связей с регионами в обход федерального Центра, поощрении сепаратистских и националистических настроений, в том числе с использованием религиозного фактора, экстремистских идей и течений. Одной из основных целей подобных усилий является создание условий для прихода к власти в регионах сил, способных вывести эти территории из конституционно-правового поля Российской Федерации.

Потенциальную опасность таят в себе явные и, если можно так сказать, «отложенные» до поры до времени территориальные притязания к России со стороны ряда сопредельных стран.

В условиях переходного периода появились серьезные угрозы экономическим устоям нашего государства, обусловленные известной прозрачностью границ и открытостью страны для сотрудничества с внешним миром. Речь идет о попытках ряда иностранных государств воспрепятствовать равноправному вхождению России в мирохозяйственные связи, вытеснить нашу страну с традиционных для нее рынков, стимулировать негативные процессы в ее экономике. К угрозам экономического характера можно также отнести проникновение в страну недобросовестных контрагентов и капитала криминального и сомнительного происхождения, поставки некондиционных товаров, незаконный вывоз валютных средств за границу.

Серьезного внимания требуют попытки зарубежных стран использовать нынешние экономические трудности России для получения доступа к передовым достижениям и наработкам наших ученых в области науки и технологии, заимствования нашего интеллектуального потенциала, в том числе путем «импорта умов», закрепить научно-техническое отставание нашей страны. Непосредственную угрозу

безопасности и интересам России могут представлять и ведущиеся за рубежом научные исследования в области создания принципиально новых видов и систем оружия.

В последнее время все более актуальной становится задача обеспечения экологической безопасности страны. Она связана прежде всего с намерениями и попытками размещения в России вредных промышленных производств, захоронения на ее территории ядовитых и радиоактивных отходов из-за рубежа, другими потенциально опасными для нас акциями в экологической сфере.

В век бурного развития информационных технологий возникла новая угроза, именуемая «информационной войной». Это понятие включает в себя установление контроля над информационными ресурсами других государств, сдерживание в странах вероятного противника разработки информационных технологий, возможность нарушения или полного вывода из строя информационных сетей и систем связи, создание информационного оружия и систем обеспечения безопасности собственной информационной структуры и потоков информации.

В транснациональную угрозу превратились международный терроризм, нелегальное производство и оборот наркотических средств, организованная преступность во всех ее проявлениях, контрабандная торговля оружием.

Я остановился на основных, на наш взгляд, рисках и угрозах национальной и государственной безопасности России, которые вытекают из сегодняшней ситуации в стране и мире. Как уже было сказано выше, они постоянно видоизменяются. Задачей Службы внешней разведки наряду с другими государственными ведомствами являются своевременное выявление возникающих опасностей, отслеживание тенденций их развития, анализ и оперативное информирование руководства страны для принятия политических решений.

– Каковы объективные и субъективные проблемы, по Вашему мнению, затрудняющие работу СВР и каковы пути их разрешения?

– Объективные трудности, с которыми сталкивается Служба внешней разведки, обусловлены серьезными проблемами, характерными для нынешнего состояния российского общества в целом. Тем не менее, Служба функционирует стабильно, решает задачи, поставленные руководством страны, и отвечает своему предназначению. Для этого у нас есть все необходимое. Выделяемые материальные ресурсы мы стараемся использовать экономно и с максимальной эффективностью. Конечно, хотелось бы жить лучше, но нужно учитывать существующие реалии. Мы не привыкли жаловаться и находим в основном положительное решение возникающих проблем во взаимодействии с другими ведомствами и при поддержке руководства страны.

Коллектив Службы отличают профессионализм, преданность своему делу и Родине. Приходящее в разведку пополнение в целом хорошо подготовлено, быстро находит свое место в общем строю. Уходят от нас в основном по материальным соображениям. Подавляющее большинство сотрудников дорожит и гордится своей работой в разведке. У нас есть неплохие возможности для самосовершенствования, занятий спортом и отдыха.

– Как Вы оцениваете ход реорганизации силовых ведомств, и в частности Службы внешней разведки?

– Служба внешней разведки пережила очень непростой период реорганизации в конце 1991 – начале 1992 года, связанной с выделением разведки из структуры бывшего КГБ СССР и приданием ей статуса самостоятельного федерального органа исполнительной власти. Так что во многом для нас это уже пройденный этап. Как мы считаем, выделение внешней разведки из системы правоохранительных органов было правильным шагом. Став самостоятельным ведомством, СВР осуществила необходимые организационные изменения. Были оптимизированы задачи и структура разведки, которые приведены в соответствие с изменившейся обстановкой в мире и вокруг России. Это позволило Службе не только сохранить, но и усилить свой потенциал для эффективного решения вставших перед ней новых задач.

Процесс совершенствования организационной структуры Службы в основном завершен. В то же время мы сохраняем высокую готовность к маневру имеющимися силами и средствами, их мобилизации на приоритетных направлениях разведывательной деятельности.

Как представляется, СВР нашла свое органичное место в политической системе государства, конкретными делами подтвердила свою ответственную роль в обеспечении безопасности страны. Возрастает востребованность ее информации, которая получает положительную оценку руководства России и заинтересованных ведомств.

В настоящее время под деятельность внешней разведки подведена солидная правовая база. Наряду с Конституцией Российской Федерации основополагающим для работы СВР стал принятый в 1992 году Закон «О внешней разведке», дополненный и переработанный затем в конце 1995 года в новый федеральный закон под тем же названием. Согласно этому закону Служба внешней разведки является составной частью сил обеспечения безопасности страны и в этом качестве призвана защищать от внешних угроз безопасность личности, общества и государства.

СВР тесно взаимодействует с другими специальными службами России, а в решении ими разведывательных задач по обеспечению безопасности Российской Федерации выполняет координирующие функции.

19

Тайная война разведки

(интервью С.Н. Лебедева газете «Труд-7» от 20 декабря 2001 г.)

Директор Службы внешней разведки генерал-полковник Сергей Николаевич Лебедев никаких интервью не дает. Накануне своего профессионального праздника – Дня создания отечественной внешней разведки – он сделал исключение для газеты «Труд».

– Указ о вашем назначении президент России подписал 20 мая 2000 года. В то время Вы, генерал-лейтенант, были представителем СВР в Соединенных Штатах. Ожидали такого повышения?

– Честно говоря, назначения на должность директора Службы внешней разведки я не ожидал. Позже узнал, что мою кандидатуру предложил Вячеслав Иванович Трубников, которого я и заменил на этом посту.

– Насколько соответствовали действительности некоторые утверждения или, если угодно, слухи о том, что Вы были знакомы с Владимиром Владимировичем Путиным и даже какое-то время работали с ним в ГДР?

– Этот вопрос мне задают постоянно. Да, мы работали одновременно в германском регионе, но лично там не встречались. Это не игра в конспирацию, так и было.

– Как строятся ваши взаимоотношения с главой государства сегодня? Часто ли видитесь с президентом?

– Я регулярно общаюсь с президентом, нередко участвую во встречах силовиков, в других совещаниях, которые проводит Владимир Владимирович.

– О чем докладываете, сообщаете президенту? В какой форме делаете свои доклады?

– Формы доклада самые разнообразные. Это и устные сообщения в ходе заседаний, и письменные докладные, и общение один на один.

У меня есть возможность при необходимости в любой момент обратиться к президенту.

– Насколько помогает то, что президент в свое время работал в Службе внешней разведки?

– Естественно, понимание президентом проблем разведки, знание специфики ее деятельности облегчают для меня общение с ним.

– Ваши предшественники на посту руководителя внешней разведки – и Леонид Шебаршин, и Евгений Примаков, и Вячеслав Трубников – были великолепными специалистами, скажем так, по юго-восточному региону. Вы же трудились в Германии, в США – специфика иная. Отразилось ли ваше назначение на приоритетах сегодняшней внешней разведки? Изменилось ли что-либо коренным образом с вашим приходом за эти полтора с небольшим года?

– Задачи внешней разведки – в надежной защите государства от внешних угроз и не зависят от «специализации» ее руководителей. К моменту моего назначения директором разведка уже была хорошо отлаженным механизмом, и не было необходимости что-то менять. Поэтому каких-то серьезных изменений не произошло, приоритеты остались те же. Но нюансы вносятся каждый день в зависимости от развития ситуации в мире. Вот выдвинулась, скажем, на первое место тематика ПРО – естественно, мы должны уделить большее внимание этой проблеме. Или сегодня исключительно важна борьба с международным терроризмом. И мы изыскиваем дополнительные возможности на этом направлении, хотя и тем и другим мы занимались и раньше.

– Позвольте вернуться к вашей личности. Догадываюсь, что свободно владеете английским и немецким...

– Первый иностранный язык у меня немецкий, второй – английский.

– А могли бы при необходимости сойти в Германии за своего?

– Я работал во всех частях Германии с 75-го по 95-й год. Когда пришел в разведку, мне, лейтенанту, сразу определили германское направление. Но что сошел бы за немца – не уверен, все-таки выдает акцент. Короткое время мог бы продержаться, но потом все равно распознали бы.

– А английский?

– С английским слабее, практики маловато. Хотя иногда беседы вел сам, когда приходилось беседовать без переводчика.

– Однажды в прессе проскользнуло, что Вы, исконно русский, родившийся 9 апреля 1948 года в городе Джизаке, говорите и по-узбекски. А потом, учась в Чернигове, освоили и украинский. Это правда?

– Когда жил в Джизаке, говорил по-узбекски, но с тех пор прошло 36 лет, и многое забылось. Потом, прожив десять лет в Украине, приобрел и навыки украинского языка.

– Позвольте обратиться к вопросам более сложным. Никакая разведка не комментирует деятельность своих агентов, их удач, достижений. Но случаются и провалы. Эймс, Ханссен, Трофимофф – ведь они были арестованы в Штатах не просто так. Видимо, чаще всего на людей, сотрудничавших с СВР, выводили предатели. Как борются во внешней разведке с этим злом? Создается впечатление некоей безнаказанности. Ушел, предал да еще обязательно проявил себя в мемуарном жанре...

– СВР участвует в тайной войне. В любом противостоянии бывают и победы, и поражения, и предательства. К сожалению, предательство старо как мир, идет еще от Иуды. Но в том-то и сила личности, что она умеет подавлять в себе низменное, недостойное. И замечу, что в разведке людей, предавших, изменивших Родине, – единицы. Отношусь я к ним так, как только и можно относиться, – с глубочайшим презрением.

По ним ведутся расследования, возбуждаются уголовные дела. Если есть возможность привлечь к ответственности, то делается и это. Если они находятся за рубежом, то приговоры выносятся заочно. Наша служба давно отказалась от спецмероприятий типа «человек попал под машину» или «укололся зонтиком». Тем не менее мы отслеживаем деятельность отщепенцев, в том числе, как Вы выразились, их «эпистолярные труды».

– Сергей Николаевич, а с генерал-майором Калугиным, который на недавнем суде выступил со свидетельскими показаниями против Трофимоффа, Вы в США никак не пересекались?

– Видел его там издалека на некоторых мероприятиях и приемах.

– Существует сравнительно новая версия, будто у Калугина тяжело заболела жена, и американцы на него нажали: или идешь в суд свидетельствовать, или выкатываешься.

– Сомневаюсь в этой версии. Думаю, что Калугин уже давно созрел для предательства, и давить на него не пришлось.

– Многие работники СВР утверждали в прессе, будто Калугина еще в юные годы завербовали американцы.

– Нельзя исключать. Но хватит об Иудах.

– Давайте тогда о тех, кому Вы верите и доверяете. В вашу Академию разведки большой конкурс?

– Подбор у нас сугубо индивидуальный, длительный, кропотливый. Идут к нам с желанием, причем сильные ребята из престижных вузов. Рассказывают, в начале 90-х некоторые абитуриенты на экзаменах слово «доллар» стали писать с большой буквы, а Родина – с маленькой. Да Вы не записывайте на магнитофон, это же анекдот тех лет. Если серьезно, то сейчас приходят хорошие ребята. Между прочим, заведомо зная, что обрекают себя на не самое благополучное материальное положение.

– Но ведь можно же платить вашим сотрудникам – они почти всегда с двумя высшими образованиями, с несколькими языками – приличную зарплату.

– За знание языков у нас платят. Но тут важна не надбавка, а базовый должностной оклад. И если за границей наши сотрудники обеспечиваются неплохо, то за повышение зарплаты в Москве я борюсь неустанно. Российская разведка заслуживает большего.

– Есть ли в разведке то, что в наше сугубо практичное время именуется самоокупаемостью? Или, может, приносите определенную прибыль?

– Информация разведки сама по себе бесценна. Она помогает принимать обоснованные государственные решения в различных областях реальной сегодняшней жизни. А какими величинами измерить ценность разведданных, которые помогли урегулировать сложнейший межгосударственный конфликт или предотвратить человеческие жертвы? Но есть и материальный эквивалент. Например, научно-техническая, экономическая информация приносят эффект, который измеряется цифрами со многими нулями.

– Сравнительно недавно «Труд» довольно подробно рассказал о двух супружеских парах разведчиков-нелегалов – Вартанянах и Мукасеях. Спасибо, что предоставили такую возможность. Геворку Андреевичу Вартаняну присвоено звание Героя Советского Союза. А есть ли Герои России среди действующих сотрудников?

– Ежегодно многие разведчики получают высокие награды. Следовательно, разведка существует, свои задачи решает. И Герои России, работающие и действующие, но которых мы пока не назвали, у нас есть.

– Правильно ли я понимаю, что ваша последняя должность перед назначением директором – представитель СВР в США – была частью намечавшегося уже тогда сотрудничества спецслужб двух стран?

– Я поддерживал контакты с американскими спецслужбами – с ЦРУ, с ФБР, с их руководителями, экспертами. Встречался неодно-

кратно и с главой ЦРУ Джорджем Теннетом, и с Луи Фри, теперь уже бывшим директором ФБР. Общались мы в официальной обстановке, хотя встречались и на приемах, например по поводу Рождества, и по другим приятным случаям. Американские коллеги – высококвалифицированные профессионалы.

– **Неожиданно лестная оценка...**

– Стремлюсь быть объективным. Насколько знаю, и они весьма высокого мнения о профессиональных качествах наших разведчиков.

– **Но чем тогда объяснить, что ни ЦРУ, ни ФБР не смогли предотвратить случившегося 11 сентября?**

– Я хотел бы в данном случае воздержаться от оценок деятельности ЦРУ и ФБР. На их горьком опыте нужно учиться многим.

– **А о каких делах шел у вас с американскими коллегами разговор?**

– Обменивались информацией на равноправной основе. Как нам кажется, в числе прочего это помогло предотвратить некоторые возможные теракты.

– **А нельзя конкретнее? Ну хотя бы один пример.**

– Мы сообщали партнерам о возможных угрозах человеческим жизням... Получали аналогичную информацию и от них. Более конкретно, поверьте, не могу.

– **Как идет сотрудничество сегодня?**

– В эти дни приоритет – теснейшее взаимодействие в борьбе с международным терроризмом. Но детали настолько серьезны, что я их не имею права раскрывать. Ведется кропотливая работа, и мы тесно обмениваемся (не только с коллегами из США, но и со спецслужбами стран Европы, Азии, Африки) сведениями, важными для обеспечения безопасности наших государств. В мире существует целый ряд угроз, которые можно предотвратить только сообща.

– **Партнерские отношения, сотрудничество – это, конечно, прекрасно. Но президент Буш все равно преподносит сюрпризы. Стал ли для Вас неожиданностью выход США из Договора по ПРО?**

– Ни для меня, ни для всех экспертов, которые этим вопросом занимаются, сюрприза тут быть не могло. Мы, к примеру, знали, что объявление о выходе – дело дней.

– **Вы, наверное, один из наиболее осведомленных людей у нас в стране. Говорят, знания умножают скорбь.**

– Это Вы мне Экклезиаста цитируете? Большая осведомленность в разведке налагает и большую ответственность, а груз ответственности не был легким никогда.

– Ну а если вернуться к международному сотрудничеству, то налажено ли хоть какое-то взаимодействие со спецслужбами мусульманских государств?

– Эти партнерские контакты существуют. Терроризм беспокоит и мусульманские страны, некоторые из них предпринимают довольно жесткие меры по отношению к террористическим группировкам. В Алжире и в Египте, например, были предприняты достаточно радикальные шаги. Но ведь во многих государствах, не только мусульманских, еще до недавнего времени к чеченским экстремистам относились вполне лояльно. Определенный поворот произошел после 11 сентября. Обмен информацией между странами мирового сообщества идет теперь на другом, более качественном уровне. Если раньше этот обмен был периодическим, спонтанным, то сегодня он принял, как мы говорим, постоянный характер. В эти дни мир поумнел, он понял, что основная угроза исходит не от каких-то одного-двух государств, а от явления. Например, международного терроризма. И потому сегодня все вынуждены с ним бороться. Но что меня тревожит? Завершится операция в Афганистане, найдут бен Ладена, и тут же все вновь разойдутся «по своим квартирам»? Будем по-прежнему считать, что террористы, как тараканы, у каждого свои? В эти ближайшие годы мы поймем, стало ли человечество умнее после всей этой драмы. Или памяти хватит лишь на несколько сезонов? Но ведь сеть международного терроризма расползлась, продолжают действовать множество организаций, течений, группировок. Идеологические и финансовые источники явления – не в Афганистане, они сохраняются пока в других странах. Международный терроризм, организованная преступность, наркобизнес – именно с ними мы сражаемся в Чечне. Среди воюющих там бандитов – террористы со всего мира. Вплоть до наемников-славян.

– Как Вы относитесь к тому, чтобы напоследок немного поговорить о личном? Помнится, Ваши предшественники на посту директора постоянно жили в служебной квартире, точнее, коттедже, метрах в двухстах от места работы. А Вы? Тоже обосновались здесь, за городом?

– Да, в дачном домике рядом со Службой. Мне это очень удобно. Можно сказать, живу на работе.

– А домики Ваши до сих пор не приватизированы? Такое, помоему, делается во многих организациях.

– Да Вы о чем? Нам такое даже в голову не приходило. Человек поработал, уехал, вселилась очередная замена.

– А семья – с Вами?

– Мы с женой вместе уже 32 года. Вера Михайловна – инженер-химик. У нас два взрослых сына, оба получили высшее образование и сейчас трудятся на экономическом поприще. Внуку Виталику уже три с половиной года. У нас с ним крепкая дружба.

– Он знает, кем Вы работаете?

– Пока нет. Но однажды, увидев меня впервые на фотографии в военной форме, удивился: «Дедушка Сережа, оказывается, милиционер!»

– А как складывается Ваш рабочий день? Вдруг да выпадает свободное время – на что обращаете свой взор? Вы человек подтянутый, спортивного вида...

– Не хватает на спорт времени. Раньше, когда жил в Узбекистане, каждое лето поднимался на горные хребты Тянь-Шаня, заслужил первый разряд по туризму. В институте занялся классической борьбой, но продолжал ходить в горы. Там же получил первый разряд по стрельбе. Сейчас, когда появляется отдушина, стараюсь повозиться на даче, дрова порубить, с внуком пообщаться. Есть на участке посаженные мною березка, елочка и плодовые деревья. Жена у меня – главный агроном, дизайнер, я же в основном – грубая рабочая сила. Стараюсь по возможности помогать жене: работы на даче – нескончаемый край.

– Куда выбираетесь – на балет, на стадион? И за кого болеете? В вашем ведомстве всегда предпочитали «Динамо».

– Я член правления совета «Динамо». Но, да простят меня спорт-6смены, болеть у меня остается время только за сборные команды России. На клубные нет времени, дел невпроворот. Сложно мне куда-то выбраться. Разве что изредка в театр или на концерт.

– Многие Ваши коллеги по профессии, долгие годы потрудившиеся в зарубежье, «испорчены» любовью к иностранным напиткам. Не в том смысле, что излишне выпивают, а в ином: предпочитают в дни праздника виски или тонкие французские вина. А как с этим делом у Вас? Какой бокал, к примеру, поднимете сегодня, в день профессионального праздника – Дня работника Службы внешней разведки?

– Люблю сухие красные вина. Нравятся разновидности «Каберне», не только французские, но и болгарские, молдавские, румынские. А на праздник, вероятно, подниму бокал «Каберне Совиньона». За Службу внешней разведки России, за ее сотрудников и за наших коллег из других органов госбезопасности. За их здоровье, благополучие и за успехи. И конечно же, за Россию, которой служили, служим и будем служить.

Беседу вел Николай Долгополов

20

Награды разведки

Наряду с государственными наградами в любом профессиональном сообществе заслуженным почетом неизменно пользуются ведомственные награды, являющиеся высшим знаком профессионального отличия.

Не обделены ведомственными наградами, свидетельствующими об их особых профессиональных заслугах, и сотрудники внешней разведки России.

Так как внешняя разведка нашей страны создавалась и долгое время действовала в составе органов государственной безопасности, их высшие ведомственные знаки отличия являлись одновременно почетными наградами и для «бойцов невидимого фронта».

Напомним в нескольких словах начальные организационные формы органов государственной безопасности, в состав которых входила внешняя разведка:

– 20 декабря (по новому стилю) 1917 года по постановлению Совета народных комиссаров была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) при СНК РСФСР.

– 20 декабря 1920 года Дзержинский подписал приказ № 169 о создании Иностранного отдела (внешней разведки) ВЧК.

– 6 февраля 1922 года ВЦИК РСФСР упразднил ВЧК и образовал Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР.

– В связи с образованием Союза Советских Социалистических Республик (30 декабря 1922 года) постановлением ЦИК СССР 2 ноября 1923 года было создано Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР.

С первого дня своего существования деятельность органов государственной безопасности находила полную поддержку руководства страны. Особо отличившиеся в то время сотрудники ВЧК представ-

лялись к награждению орденом Красного Знамени. Он был учрежден 16 сентября 1918 года и являлся первой официальной наградой РСФСР. Одновременно практиковалось награждение почетным революционным боевым оружием – маузером или шашкой – с изображением знака ордена. Но обладателями таких наград среди чекистов были единицы.

Руководство ВЧК понимало, что для поощрения сотрудников за успешное проведение ими конкретных операций и выполнение иных специальных заданий требовалось введение системы ведомственных наград. На начальном этапе она включала в себя награждение премиями, грамотами и благодарностями от Президиума ВЧК. Затем самым достойным чекистам стали вручать боевое оружие, золотые или серебряные часы и портсигары с соответствующими надписями: «За беспощадную борьбу с контрреволюцией», «За самоотверженную чекистскую работу», «За успешное выполнение оперативного поручения». Институт ведомственных наград органов государственной безопасности постепенно развивался и совершенствовался. Однако необходима была высшая награда. И она в скором времени была введена.

Представители первого поколения разведчиков в особо торжественных случаях с гордостью носили на груди знак «Почетный чекист».

Этот знак был учрежден 12 июля 1923 года приказом Коллегии ГПУ № 304 в качестве дополнения к введенному в декабре 1922 года по случаю 5-й годовщины органов государственной безопасности (ВЧК–ГПУ) званию «Почетный чекист».

В описании знака указывалось:

«Почетный юбилейный знак ВЧК–ГПУ представляет собой овальный обруч из матового серебра с надписью «ВЧК – 1917 – 1922 – ГПУ». На обруч, перекрещенный мечом, наложены серп и молот. Эмблема окаймлена римской цифрой «пять», покрытой красной эмалью. На обороте знака гравируется его порядковый номер».

Знак вручался особо отличившимся сотрудникам контрразведки и внешней разведки, а также военнослужащим пограничной службы от имени Коллегии ГПУ–ОГПУ вплоть до декабря 1932 года. Он являлся высшей ведомственной наградой органов госбезопасности. Кавалерами знака, до введения нового, стали почти 800 человек.

В положении о знаке, утвержденном 19 июля 1923 года приказом Коллегии ГПУ № 307, отмечалось, что ему присваивается «значение награды достойнейших сотрудников ВЧК–ГПУ, своей работой в органах ВЧК–ГПУ заслуживших быть особо отмеченными». Порядок награждения предусматривал стаж работы в органах не менее трех лет. Вместе со знаком награжденному выдавалась грамота в виде удостоверения личности с фотографией и в кожаном переплете.

Место для ношения знака определялось специальным приказом № 123 от 18 июня 1926 года, в котором, в частности, говорилось:

«1. Сотрудникам и военнослужащим ОГПУ присвоить право ношения почетного знака на форменной одежде как в строю, так и вне его, помимо знаков, допускаемых приказом РВС СССР с.г. № 140, следующих нагрудных знаков:

а) Почетный знак, установленный в память пятилетия существования ВЧК–ГПУ.

б) Знак спортивного общества «Динамо».

2. Почетный знак ОГПУ носить на левой стороне груди на месте, установленном п. 24. приказа РВС СССР № 140 для ношения ордена Красного Знамени. При наличии ордена Красного Знамени почетный знак ОГПУ носить слева от него.

Знак спортивного общества «Динамо» носить над клапаном левого нагрудного кармана.

3. Об установлении ношения указанных нагрудных знаков уведомить соответствующих начальников гарнизонов...»

Знак «Почетный чекист» за № 1 был вручен Ф.Э. Дзержинскому. Среди сотрудников Иностранного отдела (внешней разведки) ГПУ одними из первых этого почетного знака были удостоены С.Г. Могилевский, А.П. Федоров, Г.С. Сыроежкин и С.В. Пузицкий.

В декабре 1927 года органы государственной безопасности СССР праздновали свое 10-летие. К этому времени прошел всего лишь год со дня смерти их бессменного руководителя Ф.Э. Дзержинского. В память о бесстрашном «рыцаре революции» Коллегия тогда уже Объединенного государственного политического управления учредила юбилейный нагрудный жетон с профилем Ф.Э. Дзержинского, обрамленным в лавровый венок, на фоне Красного знамени с цифрами «1917» и «1927» в левом и правом верхних его углах. Знамя лежало на овале, в свою очередь окантованном с двух сторон пшеничными колосьями, увенчанными пятиконечной звездой. В нижней части жетона размещались два перекрещивающихся меча, над которыми вилась лента с аббревиатурой «О.Г.П.У.».

Этот юбилейный жетон вручался как кадровым, так и вольнонаемным сотрудникам ОГПУ. Отмечались случаи награждения им вдов погибших на посту чекистов, в том числе сотрудников внешней разведки. Так, В.Р. Менжинский вручил от имени Коллегии юбилейный нагрудный жетон «X лет ОГПУ» М.И. Поповой – вдове сотрудника внешней разведки Л.Х.Попова, погибшего при выполнении задания ОГПУ. Одновременно, как отмечалось выше, кадровые сотрудники ОГПУ (в том числе работавшие в Иностранном отделе) продолжали награждаться нагрудным знаком «Почетный чекист».

9 ноября 1929 года своим приказом № 245 Коллегия ОГПУ утвердила «Статут прав и обязанностей кавалера Почетного знака ВЧК–ОГПУ». В нем, в частности, подчеркивалось:

«1. Кавалеру Почетного знака ВЧК–ОГПУ присваивается звание Почетного работника ВЧК–ОГПУ.

Почетное звание чекиста требует бдительности, решительности и храбрости.

Почетный работник ВЧК–ОГПУ, где бы он ни находился, всегда обязан поддерживать живую связь с органами ОГПУ и оказывать им всяческую помощь и содействие.

2. Звание Почетного работника ВЧК–ОГПУ сохраняется и при переходе из органов ОГПУ на другую, партийную, советскую и профессионально-общественную работу.

3. Почетный работник ВЧК–ОГПУ (по предъявлении грамоты) имеет право беспрепятственного входа во все органы ОГПУ.

4. Почетному работнику ВЧК–ОГПУ при увольнении со службы, с переходом на государственное обеспечение – пенсия увеличивается на 10%.

5. В области общественно-бытового и санитарного обслуживания личного состава органов ОГПУ Почетному работнику ВЧК–ОГПУ действующего состава и состоящему на особом учете, и их семьям представляется преимущественное право:

а) по бесплатному лечению,

б) в получении курортно-санитарной помощи,

в) в состоянии членами кооперативов органов ОГПУ,

г) в состоянии членами ПСО «Динамо»,

д) в состоянии членами клубов органов ОГПУ,

е) преимущественное право направления на Рабфак, в вуз и другие учебные заведения,

ж) размещение своих детей в детских учреждениях и школах органов ОГПУ,

з) сохранение жилплощади в домах, подведомственных ОГПУ.

6. Почетному работнику ВЧК–ОГПУ действующего состава при проездах по железнодорожным и водным путям сообщения как по делам службы, так и в отпуск представляется право проезда в мягком месте (по литерам).

7. Почетному работнику ВЧК–ОГПУ вне состояния на службе в органах ОГПУ сохраняется право ношения форменной одежды с ранее присвоенными по службе знаками различия, получаемой за государственный счет из соответствующего органа ОГПУ в сроки и по норме довольствия, определяемой действующими приказами ОГПУ.

8. Почетный работник ВЧК–ОГПУ освобождается от истребования разрешения (удостоверения) на право приобретения, ношения и хранения оружия. Удостоверением на указанные права служит грамота Коллегии ОГПУ о Почетном знаке.

9. Почетному работнику ВЧК–ОГПУ для восстановления здоровья (хотя бы и не работающему в органах ОГПУ) предоставляется право раз в году получать безвозвратное денежное пособие.

10. Почетный работник ВЧК–ОГПУ, состоящий на особом учете ОГПУ:

а) пользуется правом внеочередного получения жилищной и дополнительной площади,

б) не может быть выселяем в административном порядке из домов подведомственных и прикрепленных к учреждениям и организациям.

11. Лишение звания Почетного работника ВЧК–ОГПУ и, соответственно, нагрудного знака может состояться только по особому постановлению Коллегии ОГПУ».

23 ноября 1932 года по ОГПУ был издан приказ № 1087, в котором говорилось: «В ознаменование 15-й годовщины ВЧК–ОГПУ учредить почетный нагрудный знак ВЧК–ОГПУ, которому присвоить значение высшей награды Коллегии ОГПУ... Почетный знак 5-й годовщины ВЧК-ГПУ, как высшая награда Коллегии, остается у работников, им награжденных, и новым знаком не заменяется». Новая награда композиционно повторяла знак «Почетный чекист», лишь римская цифра «пять» в центре знака была заменена римской цифрой «пятнадцать». Не изменилась и формулировка в наградной грамоте, вручавшейся вместе со знаком: «За беспощадную борьбу с контрреволюцией».

Как и предыдущий почетный нагрудный знак «5 лет ВЧК–ГПУ», новый знак вручался за «выдающиеся заслуги», но при этом стаж службы награжденного в органах госбезопасности должен был быть не менее десяти лет.

Среди первых почетным нагрудным знаком «15 лет ВЧК–ОГПУ» были награждены: руководитель внешней разведки А.Х. Артузов, действовавший в Европе и США разведчик-нелегал Б.Я. Базаров, видные разведчики П.Я. Зубов и М.А. Аллахвердов, а также многие другие представители когорты первого поколения сотрудников советской внешней разведки.

10 июля 1934 года ОГПУ было переименовано в Главное управление государственной безопасности (ГУГБ) и включено в состав Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР.

6 ноября 1940 года вместо звания «Почетный работник ВЧК–ОГПУ» было введено звание «Заслуженный работник НКВД».

За успешное выполнение ответственных разведывательных заданий и многолетнюю безупречную службу сотрудники внешней разведки также стали награждаться нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

В утвержденном Совнаркомом СССР Положении о нагрудном знаке указывалось:

«1. Знак «Заслуженный работник НКВД» устанавливается для награждения личного состава органов и войск НКВД СССР за заслуги в деле руководства или непосредственного выполнения работы по охране государственной безопасности Союза ССР.

2. Награждение знаком «Заслуженный работник НКВД» производится Народным Комиссаром Внутренних Дел СССР. Одновременно со знаком выдается грамота.

3. Награжденные знаком «Заслуженный работник НКВД» служат примером образцового выполнения своих обязанностей. Они должны быть беззаветно преданными партии Ленина-Сталина, бдительными и беспощадными в борьбе с врагами советского государства.

4. Награжденные знаком «Заслуженный работник НКВД» имеют преимущественное право на получение жилплощади в домах НКВД.

5. Награжденные могут быть лишены знака «Заслуженный работник НКВД» за порочащие звание чекиста проступки приказом Народного Комиссара Внутренних Дел СССР».

В описании новой ведомственной награды говорилось:

«Знак «Заслуженный работник НКВД» имеет эллипсовидную форму стального цвета с ребристой поверхностью. В центре эллипса на фоне красной эмали, изображающей лучи восходящего солнца, располагаются меч, серп и молот, окаймленные лентой красной эмали с надписью в центре «НКВД». Серп и молот и рукоятка меча позолочены. Знак изготовляется из серебра».

Среди разведчиков первыми кавалерами этой высшей ведомственной награды, в частности, стали: генерал-лейтенант Фитин – начальник советской внешней разведки накануне и в годы Великой Отечественной войны; его заместитель генерал-лейтенант Судоплатов, возглавлявший одновременно в годы войны 4-е управление НКВД–НКГБ и руководивший партизанскими и разведывательно-диверсионными операциями в тылу противника; разведчик-нелегал И.А. Ахмеров, активные разведчики Р.И. Иноятов и З.И. Воскресенская-Рыбкина, разведчица-нелегал А.Ф. Камаева-Филоненко.

13 марта 1954 года органы госбезопасности были выделены из состава органов внутренних дел в отдельное ведомство – Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР. Внешняя разведка вошла в состав КГБ в качестве Первого главного управления. Образование самостоятельного Комитета государственной безопасности потребовало со временем учреждения и особой чекистской награды, каким был в свое время знак «Почетного чекиста». Поэтому 6 декабря 1957 года, к 40-летнему юбилею органов ВЧК–КГБ, для награждения особо отличившихся сотрудников приказом председателя КГБ при СМ СССР был учрежден нагрудный знак «Почетный сотрудник госбезопасности». При этом следует отметить, что если основным элементом всех предыдущих знаков был меч («разящий меч диктатуры пролетариата», «карающий меч революции»), на новом знаке впервые появился второй важный элемент – щит (как новый атрибут, символ органов государственной безопасности, нацеленных на защиту Родины).

Награждение за конкретные достижения в работе нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности» являлось особым отличием для разведчиков 1950–1980 годов. В описании знака говорилось:

«Знак «Почетный сотрудник госбезопасности» представляет собой слегка выпуклый фигурный щит, пересеченный вертикально мечом. В центре щита располагается позолоченная пятиконечная звезда с серпом и молотом, обрамленная покрытой красной эмалью лентой с надписью «Почетный сотрудник госбезопасности». Знак изготовляется из оксидированного томпака».

В Положении о знаке «Почетный сотрудник госбезопасности» были предусмотрены следующие льготы для награжденных: внеочередное получение жилплощади в домах КГБ, а после увольнения – право пользования ведомственными поликлиниками и право ношения военной формы.

Кавалерами этого знака, продолжавшего именоваться на профессиональном сленге сотрудников госбезопасности «Почетным чекистом», в разные годы стали такие замечательные разведчики-нелегалы, как В.Г. Фишер (Рудольф Абель), А.М. Коротков, Африка де Лас Эрас, Герой Советского Союза Г.А. Вартанян, Галина и Михаил Федоровы, член знаменитой «кембриджской пятерки» разведчиков Ким Филби, удостоенные в 1996 году звания Героев Российской Федерации Л.Р. Квасников, А.А. Яцков, В.Б. Барковский и А.С. Феклисов, а также многие другие сотрудники внешней разведки.

14 июля 1990 года, накануне 70-летия внешней разведки, для награждения наиболее отличившихся сотрудников Первого главного управления КГБ СССР был учрежден нагрудный знак «За службу в разведке».

Он представляет собой щит и меч (ставшие традиционными элементы органов государственной безопасности) из оксидированного медно-никелевого сплава (мельхиор) с размещенной на них стилизованной пятиконечной рельефной звездой из неоксидированного мельхиора.

На плоскости звезды круглая накладка из латунного сплава с рельефным кантом и выпуклыми надписями по окружности «За службу в разведке» и ПГУ (с августа 1993 года – СВР). В центре накладки выпуклое изображение земного шара, частично покрытого голубой эмалью, окаймленного оливковой и дубовой ветвями золотистого цвета. В верхней части накладки звездочка, покрытая красной эмалью. На обратной стороне порядковый номер знака.

Высота знака – 48 мм, ширина – 35 мм.

С выделением внешней разведки в октябре 1991 года в самостоятельное ведомство, нагрудный знак «За службу в разведке» стал высшей ведомственной наградой – признанием и свидетельством профессиональных заслуг сотрудника Службы внешней разведки России.

Вместе со знаком «За службу в разведке» награжденному вручается удостоверение и выплачивается единовременное денежное вознаграждение.

Знак за № 1 был вручен выдающемуся разведчику Джорджу Блейку.

В связи с 70-летием внешней разведки ее сотрудники, прослужившие в разведке не менее пятнадцати лет, награждались также юбилейным нагрудным знаком «70 лет ИНО ПГУ». В 1995 году, в связи с 75-летием внешней разведки, был учрежден юбилейный нагрудный знак «75 лет ИНО–ПГУ–СВР».

14 ноября 1995 года директор СВР России подписал приказ об учреждении ведомственной медали «За отличие в военной службе» I, II и III степеней для награждения сотрудников внешней разведки за безупречную службу по выслуге лет. Данная медаль заменила упраздненную в 1992 году ведомственную медаль «За безупречную службу» I, II и III степеней.

В целях поощрения военнослужащих органов внешней разведки Российской Федерации за их профессиональные заслуги и многолетний добросовестный труд Президент Российской Федерации издал 28 мая 1997 года Указ № 530 «Об установлении почетного звания "Заслуженный сотрудник органов внешней разведки Российской Федерации"». Этим же Указом утверждены Положение о почетном звании «Заслуженный сотрудник органов внешней разведки Российской Федерации» и описание нагрудного знака к почетному званию.

Следует отметить, что одновременно с введением почетного звания для сотрудников органов внешней разведки Указом Президента России были также установлены почетные звания «Заслуженный пограничник Российской Федерации» и «Заслуженный сотрудник органов безопасности Российской Федерации».

В Положении о почетном звании «Заслуженный сотрудник органов внешней разведки Российской Федерации» говорится:

«Почетное звание «Заслуженный сотрудник органов внешней разведки Российской Федерации» присваивается военнослужащим органов внешней разведки Российской Федерации за заслуги в защите безопасности страны от внешних угроз и состоящим на военной службе 15 и более лет в календарном исчислении».

Удостоенным этого почетного звания вручается нагрудный знак.

«Нагрудный знак из серебра высотой 40 мм и шириной 30 мм имеет форму овального венка. Венок образуется лавровой и дубовой ветвями. Перекрещенные внизу концы ветвей перевязаны бантом.

На верхней части венка располагается Государственный герб Российской Федерации.

На лицевой стороне в центральной части на венок наложен картуш с надписью – наименованием почетного звания Российской Федерации.

Форма нагрудного знака единая для всех почетных званий Российской Федерации.

На оборотной стороне имеется булавка для прикрепления нагрудного знака к одежде».

Таким образом, почетное звание «Заслуженный сотрудник органов внешней разведки Российской Федерации», являясь государственной наградой, стало одновременно высшей формой профессионального отличия для сотрудников СВР.

В июне 1999 года Президент Российской Федерации подписал Указ «О присвоении почетного звания “Заслуженный сотрудник органов внешней разведки Российской Федерации”» первым четырем наиболее отличившимся сотрудникам СВР.

В целях укрепления сотрудничества СВР России с творческими организациями и деятелями культуры страны, а также стимулирования создания высокохудожественных произведений литературы, искусства и культуры о российской внешней разведке 5 января 2000 года приказом директора Службы внешней разведки были учреждены Премии СВР России за лучшие произведения в области литературы и искусства о российской внешней разведке.

С 2000 года ежегодные премии присуждаются авторам трех лучших работ в области литературы, театра, кино, музыки, изобразительного искусства, драматургии, телевидения или журналистики, посвященных российской внешней разведке и разведчикам.

Автору, удостоенному премии, вручаются нагрудный знак «Премия СВР России», Диплом лауреата и единовременное денежное вознаграждение.

20 декабря 2000 года, в день 80-летия ИНО–ПГУ–СВР, премии были вручены первым лауреатам. Ими стали: Теодор Гладков, писатель – за документальную повесть о Н.И. Кузнецове «С места покушения скрылся...»; Вадим Кирпиченко, ветеран СВР – за книгу мемуаров «Разведка: лица и личности» и Евгений Потиевский, кинорежиссер – за создание цикла документальных телефильмов об истории российской внешней разведки.

В 2000 году в связи с 80-летием Службы внешней разведки Российской Федерации был учрежден юбилейный нагрудный знак «80 лет ИНО-ПГУ-СВР».

Юбилейным нагрудным знаком «80 лет ИНО–ПГУ–СВР» награждались военнослужащие Службы внешней разведки, состоявшие на военной службе в ПГУ КГБ–СВР не менее 15 календарных лет и имевшие конкретные результаты и отличия в оперативной и служебной деятельности, а также ветераны внешней разведки России, находившиеся в запасе (отставке) и на постоянной основе вносившие конкретный вклад в деятельность подразделений СВР.

Знак представляет собой треугольный, удлиненный к низу щит из оксидированного мельхиора. Вдоль щита располагается меч с выступающей над ним томпаковой рукояткой золотистого цвета и нисходящим под щит острием меча. Лезвие меча – из оксидированного мельхиора.

На плоскости щита с мечом накладка из томпака – золотистый венок: справа – из дубовых, а слева – из лавровых листьев. В нижней части венка – покрытые красной эмалью цифры «80». Над ними фантазийно развевающаяся лента с эмалью красного цвета. По ленте – рельефная надпись золотистого цвета: «ИНО–СВР–ПГУ». Надпись дробится по излому ленты. Средняя часть с аббревиатурой «СВР» выступающая и чуть приподнятая.

Выше ленты по венку – рельефная пятиконечная стилизованная звезда из неоксидированного мельхиора. На плоскости звезды – круглая накладка из томпака с выпуклой золотистой надписью по тонированной поверхности окружности: «Отечество Доблесть Честь».

В центре накладки по голубой эмали – выпуклое контурное изображение системы географических координат земного шара.

Высота знака – 48 мм, ширина – 35 мм.

К знаку выдавалось удостоверение.

В целях совершенствования системы ведомственных наград и поощрений в апреле 2002 года приказом директора СВР была учреждена медаль Службы внешней разведки Российской Федерации «За заслуги».

Медалью, являющейся ведомственной наградой СВР России, награждаются:

– сотрудники СВР, внесшие значительный вклад в организацию, осуществление и обеспечение разведывательной деятельности;

– лица, внесшие большой личный вклад в укрепление и развитие взаимодействия с СВР России;

– лица, оказывающие существенное содействие СВР России в деле обеспечения национальных интересов Российской Федерации.

Медаль СВР России «За заслуги» изготовляется из мельхиора и имеет форму правильного круга диаметром 32 мм.

На лицевой стороне медали – рельефное изображение эмблемы СВР России: в центре образованной штралами пятиконечной звезды медальон со схематичным изображением земного шара, по полю голубой эмали изображены параллели и меридианы; земной шар обрамляет выпуклая надпись «Отечество Доблесть Честь»; поле надписи от штралов отделено рантом, нижние концы звезды прикрыты лентой с эмалью цветов государственного флага Российской Федерации; снизу под концами звезды ветви: справа – лавровая, слева – дубовая.

На оборотной стороне медали по окружности надпись «Служба внешней разведки Российской Федерации», в центре – «За заслуги».

Все надписи и изображения на медали выпуклые. Края медали окаймлены бортиком с обеих сторон.

Медаль при помощи ушка и кольца крепится к пятиугольной колодке, обтянутой шелковой муаровой лентой с полосками: желтой – 1,5 мм, голубой – 9 мм, желтой – 1,5 мм, красной – 4 мм, белой – 4 мм и красной – 4 мм. Ширина ленты 24 мм.

В марте 2004 года приказом СВР России учреждена ведомственная награда Службы внешней разведки Российской Федерации – медаль «Ветеран Службы».

Медалью награждаются военнослужащие СВР России, безупречно прослуживившие 25 и более лет в календарном исчислении, из которых, как правило, не менее 10 лет в ПГУ КГБ–СВР России.

Медаль СВР России «Ветеран Службы» изготавливается из томпака, посеребренная (серебро темного цвета), имеет форму правильного круга диаметром 32 мм.

На лицевой стороне медали, по центру, на фоне выпуклого изображения щита и меча помещена пятиконечная стилизованная звезда светло-серебристого цвета размером между противолежащими вершинами – 25 мм. В центре звезды расположено выпуклое изображение земного шара, частично покрытого голубой эмалью. В нижней части медали по окружности серебристая надпись: «Ветеран Службы».

На оборотной стороне медали по окружности расположено изображение скрещенных лавровых ветвей. Сверху вниз, относительно центра, расположена выпуклая светло-серебристая надпись «Служба внешней разведки Российской Федерации».

Лицевая сторона медали – оксидирована. Оборотная сторона медали – матовая. Медаль окаймлена бортиком.

Медаль при помощи ушка и кольца соединена с пятиугольной колодкой, обтянутой шелковой муаровой лентой василькового цвета шириной 24 мм с четырьмя оранжевыми и тремя черными чередующимися полосками вдоль правого края ленты, затем серой полоской и двумя желтыми полосками вдоль левого края, чередующимися с полоской василькового цвета. Ширина оранжевых, желтых и черных полосок – 1 мм, серой – 5 мм.

Ведомственная медаль СВР России «За взаимодействие», учрежденная в ноябре 2004 года, предназначена для награждения лиц, оказавших существенное содействие Службе внешней разведки Российской Федерации в выполнении возложенных на нее задач.

Она представляет собой классическую десятилучевую орденскую звезду, составленную из двух звезд гербового знака СВР России, верхняя – белого металла, нижняя – желтого металла, которая сдвинута по оси на 36 градусов.

Размер звезды – 38 мм между остриями лучей по диагонали. В центре знака на схематическом изображении параллелей и меридианов по выпуклой плоскости голубого фона – золотые материки, вне сетки меридианов по темно-красному кругу – золотая надпись девиза: «Отечество Доблесть Честь».

В нижней части между литерами – три разделительных звездочки желтого металла. В верхней части медаль с помощью ушка и переходного кольца крепится к стандартной пятиугольной колодке. Ширина муаровой шелковой ленты – 24 мм. Левая ее часть традиционная

для наградной системы СВР России: желтая-васильковая-желтая, соответственно: 1 мм, 10 мм, 1 мм. Правая часть: белая-васильковая-желтая-красная-желтая-васильковая-белая в соотношении 1, 2, 1, 4, 1, 2, 1 мм.

На оборотной стороне медали по матовой плоскости нижней звезды по кругу надпись: «За взаимодействие», внизу горизонтально в две строки надпись «СВР России».

Для поощрения сотрудников Службы внешней разведки Российской Федерации за конкретные результаты в оперативной и служебной деятельности в 2005 году была учреждена медаль СВР России «За отличие».

В основе своей композиции медаль имеет пятиконечную белого металла гербовую звезду СВР, рустованную по лучам по типу «капельного серебра». В центре – выпуклое желтого металла изображение континентов с залитой голубой эмалью поверхностью морей и океанов, сквозь которые синей эмалью нанесены схематические параллели и меридианы. Глобус окаймлен очерченной с двух сторон бортиками темно-красной лентой с желтой надписью девиза: «Отечество Доблесть Честь» с разделяющими литеры тремя звездочками в нижней части ленты. По нижним лучам звезды фигурно выложенная лента в цветах триколора. Звезда возлежит на золотом лавровом венке славы.

Верхний луч звезды посредством ушка и переходного кольца крепится к стандартной пятиугольной колодке с шелковой муаровой лентой шириной 24 мм. Левая сторона ленты – традиционная для наградной системы СВР России (желтая-васильковая-желтая, соответственно: 1 мм, 10 мм, 1 мм). Правая часть красная-синяя-красная шириной 4 мм каждая.

На оборотной стороне по матовой плоскости надписи: «СВР России», ниже – «За отличие» и еще ниже – № ___.

Диаметр описанной окружности медали – 38 мм.

В 2005 году в связи с 85-летием Службы внешней разведки Российской Федерации был учрежден юбилейный нагрудный знак «85 лет ИНО–ПГУ–СВР». Он предназначен для награждения отличившихся военнослужащих СВР России, состоящих на военной службе в КГБ–СВР России не менее 15 лет в календарном исчислении, и гражданского персонала СВР, имеющего трудовой стаж в КГБ–СВР России не менее 15 лет.

Юбилейный нагрудный знак «85 лет ИНО–ПГУ–СВР» представляет собой треугольный удлиненный к низу щит. Вдоль щита располагается меч с выступающей рукояткой и нисходящим под щит острием меча. Щит и меч выполнены из оксидированного нейзильбера.

На плоскости щита накладка из латуни – золотистый венок: справа – из дубовых, а слева – из лавровых листьев. В нижней части венка – покрытые красной эмалью цифры «85». Над ними фантазийно развевающаяся лента из синей эмали с рельефной золотистой

надписью: «ИНО–СВР–ПГУ». Надпись дробится по излому ленты. Средняя часть с аббревиатурой «СВР» – выступающая и чуть завышенная.

Выше ленты по венку – рельефная пятиконечная стилизованная звезда из неоксидированного нейзильбера. На плоскости звезды круглая накладка из томпака с выпуклой золотистой надписью по тонированной поверхности окружности: «Отечество Доблесть Честь».

В центре накладки по голубой эмали – золотистое изображение материков земного шара.

Крепление – на винте. Высота знака – 48 мм, ширина – 35 мм.

На протяжении всей истории существования нашего государства сотрудники его внешней разведки вели напряженную борьбу на незримом фронте. В этой борьбе были и свои герои, о которых общественность узнает лишь спустя многие годы. Но скромный знак профессионального отличия на штатском костюме ветерана может лучше всяких слов свидетельствовать о том немалом вкладе, который внес этот человек в обеспечение безопасности Отечества.

Послесловие

Шестым томом завершается издание очерков «История российской внешней разведки». От тома к тому, от очерка к очерку читатель получил возможность проследить основные вехи пути становления и развития российской внешней разведки: от первых ее шагов во времена зарождения российской государственности и до сегодняшнего дня; ознакомиться – в пределах, допустимых требованиями конспирации, – с решаемыми ею задачами, основными направлениями ее деятельности, некоторыми яркими операциями. Коллектив авторов ставил своей главной целью показать, что на всех этапах жизни и деятельности внешней разведки красной нитью проходит ее служение Отчизне, забота о внешней безопасности своей Родины, приумножении ее славы и богатства.

Создание отечественной внешней разведки, те изменения в ее структуре и деятельности, которые происходили в процессе ее развития и нашли отражение в шеститомнике, не были случайными. Они определялись конкретной политической и оперативной обстановкой в стране и за ее пределами, другими объективными факторами. Иностранный отдел (ИНО) ВЧК был создан 20 декабря 1920 года вследствие острой необходимости оградить молодое Российское государство от происков многочисленных внешних врагов, покушавшихся на ее независимость и территориальную целостность.

Уже на начальном этапе своей деятельности сотрудникам ИНО удалось добиться внушительных результатов. Они смогли проникнуть в разведывательные и контрразведывательные органы ряда иностранных государств, эмигрантские центры, вскрыть и поставить под контроль их каналы связи с контрреволюционным подпольем в СССР. Широко известны такие операции, как «Синдикат», «Синдикат-2» и «Трест», в результате которых была нейтрализована подрывная деятельность против СССР некоторых зарубежных центров и их предводителей. Эти операции по своему замыслу и реализации стали хресто-

матийными. Они легли в основу многочисленных мемуаров, художественных книг и фильмов.

В 30-х годах, когда к власти в Германии пришли национал-социалисты, а на Дальнем Востоке возросла угроза со стороны милитаристской Японии, главным объектом внимания разведки стала подготовка этих стран к войне против СССР. Советское руководство приняло решение о расширении круга возлагаемых на внешнюю разведку задач, ее кадровом укреплении. И мы имеем все основания гордиться результатами работы наших предшественников. К ярким операциям того периода можно отнести создание оперативных позиций в МИД, МВД, Министерстве связи и аппарате национал-социалистской партии Германии, получение секретных материалов из японских учреждений в Китае, Корее, европейских странах. В 1934–1936 годах были приобретены ценные источники в Англии, среди которых и знаменитая «кембриджская пятерка». Все это позволило получить доступ к весьма важной информации из руководящих кругов этих государств.

Разведка постоянно наращивала свой вклад в укрепление обороноспособности страны, развитие ее экономики, науки и техники. В предвоенные годы были добыты ценные материалы по самолето- и моторостроению, радиосвязи, военной оптике, производству синтетического бензина, средствам противохимической защиты, а также о новых типах боевых кораблей, подводных лодок, артиллерийских систем.

Для обеспечения растущих потребностей разведки в профессионально подготовленных кадрах в 1938 году была создана Школа особого назначения. К середине 1941 года из ее стен вышли более 120 сотрудников, которые направлялись на самые сложные участки разведывательной работы.

Великая Отечественная война потребовала от внешней разведки огромного напряжения сил. Правительству регулярно докладывались агентурные сведения о состоянии германской армии и планируемых ею военных операциях. Разведка своевременно предупредила о подготовке вермахта к летнему наступлению на Восточном фронте в целях прорыва к Сталинграду, крупной наступательной операции на Курской дуге и многих других военных замыслах немецкого командования.

Через агентурные возможности в различных государствах своевременно добывалась ценная информация о военно-политических планах стран фашистского блока, закулисных маневрах наших союзников по антигитлеровской коалиции, связанных с открытием второго фронта и послевоенным устройством Европы. Разведка вскрыла начавшуюся за рубежом подготовку к созданию атомного оружия и еще в военные годы приступила к получению необходимых сведений по этой проблеме.

Нельзя не сказать о непосредственном участии разведки в боевых операциях Великой Отечественной войны. Так, уже в конце июня 1941 года началась подготовка и заброска в тыл противника разведывательно-диверсионных групп. Всего в ходе войны было подготовле-

но более 2200 таких групп. За подвиги в борьбе с врагом девять чекистов-разведчиков удостоены звания Героя Советского Союза, многие сотрудники награждены боевыми орденами и медалями.

В целом внешняя разведка внесла большой вклад в достижение перелома в ходе войны и обеспечение Победы.

В послевоенные годы в условиях жесткого противостояния бывших союзников и развернувшейся холодной войны роль разведки и добываемой ею информации продолжала возрастать. В этот период неоднократно осуществлялась структурная перестройка разведывательных органов в целях повышения эффективности их деятельности и поиска оптимальных форм управления. В 1954 году было создано Первое главное управление КГБ, приняты важные документы, уточнявшие задачи разведки применительно к новой ситуации. Были определены три основных направления ее деятельности – политическая разведка, научно-техническая разведка и внешняя контрразведка, проведены соответствующие организационные мероприятия. В последующие годы деятельность внешней разведки приобрела фактически глобальный характер.

Процессы, начавшиеся в нашей стране со второй половины 80-х годов, смена приоритетов во внешней политике наложили отпечаток на всю оперативную деятельность разведки, выдвинули перед ней новые задачи. С ликвидацией Комитета госбезопасности Первое главное управление было преобразовано в Службу внешней разведки Российской Федерации. Под деятельность СВР России была подведена правовая основа, определяющая ее место в системе обеспечения безопасности страны и устанавливающая прямую подчиненность Президенту Российской Федерации.

С учетом новых приоритетов и реальных возможностей Служба сосредоточила усилия на тех регионах мира, где в наибольшей мере присутствуют российские интересы. Сегодня объектами ее разведывательных устремлений являются отдельные государства и их союзы, политический курс которых составляет реальную или потенциальную угрозу России и ее безопасности; иностранные спецслужбы, ведущие работу против нашей страны и ее внешней разведки; международные террористические и другие преступные организации.

В соответствии со статусом главной целью деятельности СВР России является обеспечение национальных интересов и безопасности страны путем осуществления разведывательной деятельности за границей и с территории Российской Федерации. Она ведет разведывательную деятельность в политической, экономической, научно-технической, экологической сферах, а также в сферах информационной безопасности, безопасности российских загранучреждений и командированных за границу российских граждан-секретоносителей.

Эти задачи Служба решает во взаимодействии с другими государственными органами. Особенностью деятельности разведки всегда

были и остаются использование специфических сил, средств и методов, возможность их быстрого и эффективного задействования в сложной, постоянно меняющейся обстановке.

За 80 лет внешней разведкой пройден большой и трудный путь. Были и серьезные успехи, и горькие неудачи. Накоплен богатый, порой уникальный опыт ведения разведывательной работы. Этот опыт по праву можно считать национальным достоянием, которое нужно бережно хранить и творчески развивать. Он дает возможность учиться как на своих промахах, так и на ошибках наших противников, извлекать полезные уроки из разведывательных операций прошлого и настоящего. Неоценимо значение этого опыта в подготовке и воспитании молодых разведчиков.

Шеститомное издание «История российской внешней разведки» вносит свой вклад в обеспечение преемственности поколений разведчиков и использования накопленного опыта прошлых лет, верности традициям служения своему Отечеству.

Сегодня Служба живет напряженной полнокровной жизнью. При организации своей деятельности она учитывает кардинально изменившуюся международную обстановку. Возникли новые политические и географические реалии. Кризисные явления и конфликты приблизились к границам России и даже затронули ее территорию. Трансформируется сложившаяся система международных отношений. Идет смена приоритетов в политике большинства государств и поиск ими новых путей обеспечения своих интересов, которые далеко не всегда благоприятны для России. Возникла проблема сохранения ее территориальной целостности.

Однополярный мир не привел к окончанию конфронтаций на международной арене. Спектр угроз безопасности Российской Федерации остается многообразным.

В наши дни Служба внешней разведки занята решением как традиционных, так и новых разведывательных задач. Большую актуальность, в частности, в деятельности Службы приобрело содействие развитию отношений со странами СНГ, интеграционным процессам в рамках Содружества.

Сложные задачи стоят на экономическом направлении. Они обусловлены попытками извне не допустить нашу страну к равноправному участию в мирохозяйственных связях, стремлением использовать финансово-экономические рычаги для навязывания выгодных Западу подходов к решению внутренних политических и социальных проблем.

Внешняя разведка содействует обеспечению подъема экономики не только добыванием достоверной информации о реальных и потенциальных угрозах экономической безопасности, но и конкретной помощью средствами разведки в укреплении позиций России на мировых рынках, в развитии взаимовыгодного сотрудничества, ликвидации дискриминационных барьеров.

Идя навстречу требованиям жизни, внешняя разведка активно ведет работу по оперативному и информационному сопровождению международного переговорного процесса с участием России по экономическим и валютно-финансовым вопросам, ограждению национальной экономики от капиталов криминального и сомнительного происхождения.

Внешняя разведка продолжает наращивать усилия по содействию техническому прогрессу страны, укреплению ее оборонного, промышленного и научно-технического потенциалов.

В борьбе против международного терроризма, организованной преступности, наркобизнеса разведка содействует объединению усилий различных стран по нейтрализации этих транснациональных угроз. Служба принимает самое активное участие в обеспечении необходимых условий для завершения антитеррористической операции на Северном Кавказе, противодействует попыткам дискредитировать Россию в связи с событиями вокруг Чечни.

В настоящее время СВР все чаще приходится работать в экстремальных ситуациях. С учетом опыта косовского, ближневосточного и других кризисов разведка совершенствует механизм принятия организационно-управленческих решений по обеспечению действий Центра и загранаппаратов по единому плану и замыслу, четкой координации взаимодействия на всех уровнях, в том числе и с федеральными органами.

Действуя на разных направлениях, разведка не забывает и о возможностях, которые предоставляет канал взаимодействия со спецслужбами иностранных государств. Он эффективно используется на взаимовыгодной основе для решения конкретных оперативных и информационных задач.

Деятельность разведки высоко оценивается руководством страны, о чем неоднократно говорил Президент Российской Федерации.

Основным богатством разведки являются люди, которые в ней работают. От деловых и личных качеств тех, кто трудится в ней сегодня или придет завтра, самым тесным образом зависят наши успехи. Службе нужны сотрудники, имеющие хорошую профессиональную подготовку, широкую эрудицию, высокие моральные качества. К ним применимы такие важнейшие требования, как верность долгу и преданность Родине, честность, порядочность, трудолюбие, ответственность за порученное дело, психологическая устойчивость, умение ориентироваться в сложных ситуациях и принимать нестандартные решения. Подбор и воспитание кадров, отвечающих этим требованиям, являются предметом постоянной заботы разведки.

Вся долголетняя история отечественной внешней разведки самым тесным образом связана с судьбами страны. На всех этапах ее истории она оставалась надежным и эффективным инструментом решения жизненно важных для государства задач, верно служила народу и всегда стремилась в полной мере соответствовать своему предназначению. Так будет и впредь.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН О ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКЕ

Принят Государственной Думой 8 декабря 1995 года

Настоящий Федеральный закон определяет статус, основы организации и функционирования внешней разведки Российской Федерации, порядок контроля и надзора за ее деятельностью.

Глава I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 1. Внешняя разведка Российской Федерации

Внешняя разведка Российской Федерации как совокупность специально создаваемых государством органов – органов внешней разведки Российской Федерации – является составной частью сил обеспечения безопасности Российской Федерации и призвана защищать безопасность личности, общества и государства от внешних угроз с использованием определенных настоящим Федеральным законом методов и средств.

Статья 2. Разведывательная деятельность

Разведывательная деятельность осуществляется органами внешней разведки Российской Федерации посредством:

1) добывания и обработки информации о затрагивающих жизненно важные интересы Российской Федерации реальных и потенциальных возможностях, действиях, планах и намерениях иностранных государств, организаций и лиц (далее – разведывательная информация);

2) оказания содействия в реализации мер, осуществляемых государством в интересах обеспечения безопасности Российской Федерации.

Необходимость осуществления разведывательной деятельности определяют в пределах своих полномочий Президент Российской Федерации и Федеральное Собрание, исходя из невозможности или нецелесообразности обеспечения безопасности Российской Федерации иными способами.

Статья 3. Правовая основа разведывательной деятельности

Правовую основу разведывательной деятельности составляют Конституция Российской Федерации, настоящий Федеральный закон, другие федеральные законы и иные нормативные правовые акты федеральных орга-

нов государственной власти, касающиеся внешней разведки Российской Федерации.

Органы внешней разведки Российской Федерации в пределах своих полномочий и в соответствии с законодательством Российской Федерации издают нормативные правовые акты, регулирующие их деятельность.

Статья 4. Принципы разведывательной деятельности

Разведывательная деятельность осуществляется на основе принципов:

1) разделения полномочий федеральных органов исполнительной власти, входящих в состав сил обеспечения безопасности Российской Федерации;

2) законности;

3) уважения прав и свобод человека и гражданина;

4) подконтрольности Президенту Российской Федерации и Федеральному Собранию;

5) сочетания гласных и негласных методов и средств.

Статья 5. Цели разведывательной деятельности

Целями разведывательной деятельности являются:

1) обеспечение Президента Российской Федерации, Федерального Собрания и Правительства Российской Федерации разведывательной информацией, необходимой им для принятия решений в политической, экономической, оборонной, научно-технической и экологической областях;

2) обеспечение условий, способствующих успешной реализации политики Российской Федерации в сфере безопасности;

3) содействие экономическому развитию, научно-техническому пргрессу страны и военно-техническому обеспечению безопасности Российской Федерации.

Разведывательная деятельность не может осуществляться для достижения антигуманных целей, а также для достижения целей, не предусмотренных настоящим Федеральным законом.

Статья 6. Полномочия органов внешней разведки Российской Федерации

Для достижения целей разведывательной деятельности органам внешней разведки Российской Федерации предоставляются следующие полномочия:

1) установление на конфиденциальной основе отношений сотрудничества с лицами, добровольно давшими на это согласие;

2) осуществление мер по зашифровке кадрового состава и по организации его деятельности с использованием в этих целях иной ведомственной принадлежности;

3) использование в целях конспирации документов, зашифровывающих личность сотрудников кадрового состава, ведомственную принадлежность подразделений, организаций, помещений и транспортных средств органов внешней разведки Российской Федерации;

4) взаимодействие с федеральными органами исполнительной власти, осуществляющими контрразведывательную деятельность, и федеральными органами государственной охраны Российской Федерации;

5) заключение с федеральными органами исполнительной власти, предприятиями, учреждениями и организациями Российской Федерации соглашений, необходимых для осуществления разведывательной деятельности;

6) организация и обеспечение в пределах своей компетенции защиты государственной тайны в учреждениях Российской Федерации, находящихся за пределами территории Российской Федерации, включая определение порядка осуществления физической и инженерно-технической защиты указанных учреждений, мероприятия по предотвращению утечки по техническим каналам сведений, составляющих государственную тайну;

7) обеспечение безопасности сотрудников учреждений Российской Федерации, находящихся за пределами территории Российской Федерации, и членов их семей в государстве пребывания;

8) обеспечение безопасности командированных за пределы территории Российской Федерации граждан Российской Федерации, имеющих по роду своей деятельности допуск к сведениям, составляющим государственную тайну, и находящихся с ними членов их семей;

9) взаимодействие с разведывательными и контрразведывательными службами иностранных государств в порядке, установленном настоящим Федеральным законом;

10) создание специальных учебных заведений, учреждений по повышению квалификации, научно-исследовательских организаций и архивов, выпуск специальных изданий;

11) обеспечение собственной безопасности, то есть защита своих сил, средств и информации от противоправных действий и угроз;

12) создание организационных структур (подразделений и организаций), необходимых для функционирования органов внешней разведки Российской Федерации.

Для осуществления своей деятельности Служба внешней разведки Российской Федерации может при собственных лицензировании и сертификации приобретать, разрабатывать (за исключением криптографических средств защиты), создавать, эксплуатировать информационные системы, системы связи и системы передачи данных, а также средства защиты информации от утечки по техническим каналам.

Статья 7. Финансирование и материально-техническое обеспечение органов внешней разведки Российской Федерации

Органы внешней разведки Российской Федерации финансируются за счет средств федерального бюджета. Проекты смет расходов на содержание органов внешней разведки Российской Федерации рассматриваются на закрытых заседаниях соответствующих комитетов (подкомитетов) палат Федерального Собрания и утверждаются на закрытых заседаниях Государственной Думы и Совета Федерации.

Материально-техническое обеспечение органов внешней разведки Российской Федерации осуществляется за счет централизованных ресурсов Российской Федерации, а также путем приобретения необходимых материально-технических средств у предприятий, учреждений и организаций.

Органы внешней разведки Российской Федерации могут иметь служебный жилищный фонд, формируемый в порядке, устанавливаемом Правительством Российской Федерации.

Статья 8. Защита сведений об органах внешней разведки Российской Федерации

Лицо, допускаемое к сведениям об органах внешней разведки Российской Федерации, проходит процедуру оформления допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, если другой порядок не предусмотрен федеральными законами. Такая процедура включает принятие письменного обязательства о неразглашении этих сведений. Нарушение данного обязательства влечет за собой установленную федеральным законом ответственность.

Документы архивов органов внешней разведки Российской Федерации, представляющие историческую и научную ценность, рассекречиваемые в соответствии с федеральным законом, передаются на постоянное хранение в Государственную архивную службу России.

Документы органов внешней разведки Российской Федерации, содержащие сведения об их кадровом составе, о лицах, оказывающих (оказывавших) конфиденциальное содействие органам внешней разведки Российской Федерации, а также об используемых этими органами методах и средствах, хранятся в архивах органов внешней разведки Российской Федерации.

Статья 9. Связь органов внешней разведки Российской Федерации с общественностью Российской Федерации

Для информирования общественности о своей деятельности органы внешней разведки Российской Федерации, их сотрудники осуществляют связь с общественными объединениями, со средствами массовой информации и с гражданами Российской Федерации через создаваемые в этих целях в структуре указанных органов соответствующие службы.

Предоставляемые средствам массовой информации материалы о деятельности органов внешней разведки Российской Федерации не должны содержать сведения, составляющие государственную тайну.

Не подлежит разглашению информация, затрагивающая личную жизнь, честь и достоинство граждан, ставшая известной органам внешней разведки Российской Федерации в процессе осуществления их деятельности, за исключением случаев, предусмотренных федеральным, законом.

В целях предотвращения возможного использования средств массовой информации для разглашения сведений об органах внешней разведки Российской Федерации, составляющих государственную тайну, авторы подготовленных для опубликования материалов о внешней разведке Российской Федерации или редакции средств массовой информации, получившие эти материалы, вправе обратиться за экспертным заключением в соответствующий орган внешней разведки Российской Федерации, который должен в этом случае установить наличие либо отсутствие в данных материалах указанных сведений и представить такое заключение автору или в редакцию средства массовой информации.

Опубликование средствами массовой информации материалов о внешней разведке Российской Федерации, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, приведшее к ее разглашению, либо опубликование не соответствующих действительности сведений, нанесшее органам внешней разведки Российской Федерации, их сотрудникам моральный или материальный ущерб, влечет за собой ответственность в соответствии с федеральными законами.

Глава II. ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья 10. Создание органов внешней разведки Российской Федерации

Разведывательная деятельность осуществляется как самостоятельными, так и входящими в структуру других федеральных органов исполнительной власти органами внешней разведки Российской Федерации.

Создание, реорганизация и упразднение самостоятельного органа внешней разведки Российской Федерации осуществляются в порядке, устанавливаемом федеральным законом, регулирующим образование федеральных органов исполнительной власти.

Решения о создании, о реорганизации и об упразднении органа внешней разведки Российской Федерации в составе федерального органа исполнительной власти принимаются Президентом Российской Федерации по представлению руководителя соответствующего федерального органа исполнительной власти.

Положения об органах внешней разведки Российской Федерации утверждаются Президентом Российской Федерации.

Статья 11. Сферы деятельности органов внешней разведки Российской Федерации

Разведывательная деятельность в пределах своих полномочий осуществляется:

1) Службой внешней разведки Российской Федерации – в политической, экономической, военно-стратегической, научно-технической и экологической сферах, а также в сфере обеспечения безопасности учреждений Российской Федерации, находящихся за пределами территории Российской Федерации, и командированных за пределы территории Российской Федерации граждан Российской Федерации, имеющих по роду своей деятельности допуск к сведениям, составляющим государственную тайну;

2) органом внешней разведки Министерства обороны Российской Федерации – в военной, военно-политической, военно-технической, военно-экономической и экологической сферах;

3) органом внешней разведки Федерального агентства правительственной связи и информации при Президенте Российской Федерации – в политической, экономической, военной и научно-технической сферах путем использования радиоэлектронных средств;

4) органом внешней разведки Федеральной пограничной службы Российской Федерации – в сфере охраны Государственной границы Российской Федерации, исключительной экономической зоны Российской Федерации и континентального шельфа Российской Федерации.

Разведывательная деятельность органов федеральной службы безопасности осуществляется во взаимодействии с органами внешней разведки Российской Федерации и в соответствии с Федеральным законом «Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации».

Статья 12. Руководство органами внешней разведки Российской Федерации

Общее руководство органами внешней разведки Российской Федерации осуществляет Президент Российской Федерации.

Президент Российской Федерации:

1) определяет задачи разведывательной деятельности;

2) контролирует и координирует деятельность органов внешней разведки Российской Федерации;

3) принимает в пределах полномочий, определяемых федеральными законами, решения по вопросам, связанным с внешней разведкой Российской Федерации, в том числе по вопросам целесообразности заключения договоров межведомственного характера между органами внешней разведки Российской Федерации и разведывательными и контрразведывательными службами иностранных государств;

4) назначает руководителей органов внешней разведки Российской Федерации.

Статья 13. Методы и средства разведывательной деятельности

В процессе разведывательной деятельности органы внешней разведки Российской Федерации могут использовать гласные и негласные методы и средства, особый характер которых определяется условиями этой деятельности.

Методы и средства разведывательной деятельности не должны причинять вред жизни и здоровью людей и наносить ущерб окружающей среде.

Применение методов и средств разведывательной деятельности в отношении граждан Российской Федерации на территории Российской Федерации не допускается.

Органы внешней разведки Российской Федерации для достижения целей разведывательной деятельности вправе использовать информационные системы, видео- и аудиозапись, кино- и фотосъемку, снятие информации с технических каналов связи, а также другие методы и средства, отвечающие требованиям части второй настоящей статьи.

Порядок использования негласных методов и средств разведывательной деятельности определяется федеральными законами и нормативными правовыми актами органов внешней разведки Российской Федерации.

Содержание нормативных правовых актов по вопросам применения негласных методов и средств разведывательной деятельности составляет государственную тайну.

Обеспечение собственной безопасности осуществляется органами внешней разведки Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности».

Статья 14. Предоставление разведывательной информации

Разведывательная информация предоставляется Президенту Российской Федерации, палатам Федерального Собрания, Правительству Российской Федерации и определяемым Президентом Российской Федерации федеральным органам исполнительной и судебной власти, предприятиям,

учреждениям и организациям. Разведывательная информация может также предоставляться федеральным органам исполнительной власти, входящим в состав сил обеспечения безопасности Российской Федерации.

Руководители органов внешней разведки Российской Федерации несут персональную ответственность перед Президентом Российской Федерации за достоверность, объективность разведывательной информации и своевременность ее предоставления.

Руководители и другие должностные лица федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, предприятий, учреждений и организаций, члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы, которым предоставляется разведывательная информация, несут устанавливаемую федеральным законом ответственность за разглашение содержащихся в ней сведений, составляющих государственную тайну или раскрывающих источники указанной информации.

Статья 15. Принципы и формы взаимодействия органов внешней разведки Российской Федерации между собой, органов внешней разведки Российской Федерации с федеральными органами исполнительной власти, осуществляющими контрразведывательную деятельность, и федеральными органами государственной охраны Российской Федерации, а также с разведывательными и контрразведывательными службами иностранных государств

Принципы и формы взаимодействия органов внешней разведки Российской Федерации как между собой, так и с федеральными органами исполнительной власти, осуществляющими контрразведывательную деятельность, и федеральными органами государственной охраны Российской Федерации определяются законодательством Российской Федерации и заключаемыми на его основе соглашениями.

Взаимоотношения органов внешней разведки Российской Федерации с разведывательными и контрразведывательными службами иностранных государств устанавливаются на основе международных договоров Российской Федерации, в том числе договоров межведомственного характера.

В рамках установленных взаимоотношений официальные представители органов внешней разведки Российской Федерации направляются в иностранные государства в порядке, определяемом Президентом Российской Федерации.

Статья 16. Взаимоотношения органов внешней разведки Российской Федерации с федеральными органами исполнительной власти, предприятиями, учреждениями и организациями Российской Федерации

Федеральные органы исполнительной власти оказывают содействие органам внешней разведки Российской Федерации в осуществлении ими разведывательной деятельности, если она не связана с изменением основных направлений деятельности указанных федеральных органов исполнительной власти. Возмещение расходов по оказанию такого содействия производится за счет средств федерального бюджета.

Порядок взаимодействия органов внешней разведки Российской Федерации с федеральными органами исполнительной власти в вопросах, касающихся оказания содействия органам внешней разведки Российской Федерации в осуществлении разведывательной деятельности, определяется Президентом Российской Федерации.

Условия взаимоотношений органов внешней разведки Российской Федерации с федеральными органами исполнительной власти, предприятиями, учреждениями и организациями Российской Федерации устанавливаются соответствующими договорами.

Глава III. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЛИЦ, ОКАЗЫВАЮЩИХ СОДЕЙСТВИЕ ЭТИМ ОРГАНАМ

Статья 17. Сотрудники органов внешней разведки Российской Федерации

Сотрудниками органов внешней разведки Российской Федерации являются военнослужащие и служащие кадрового состава и не входящие в кадровый состав военнослужащие, служащие и рабочие, добровольно поступившие соответственно на военную службу или на работу в эти органы.

Сотрудником органов внешней разведки Российской Федерации может быть гражданин Российской Федерации, способный по своим профессиональным качествам, возрасту, образованию и состоянию здоровья выполнять возложенные на него обязанности.

На военнослужащих органов внешней разведки Российской Федерации распространяется действие федеральных законов, регулирующих прохождение военной службы, с учетом установленных настоящим Федеральным законом и иными федеральными законами особенностей, обусловленных спецификой выполняемых указанными военнослужащими функций.

Прохождение военной службы в органах внешней разведки Российской Федерации осуществляется по призыву и по контракту. Заключение контрактов с военнослужащими, проходящими военную службу на территории Российской Федерации, осуществляется в порядке, установленном Законом Российской Федерации «О воинской обязанности и военной службе». Порядок заключения контрактов со слушателями высших учебных заведений органов внешней разведки Российской Федерации и с военнослужащими, командируемыми за пределы территории Российской Федерации, и содержание указанных контрактов устанавливаются ведомственными нормативными правовыми актами. При этом может быть предусмотрена материальная ответственность сторон за невыполнение условий контракта.

Предельный возраст пребывания на военной службе военнослужащего кадрового состава органов внешней разведки Российской Федерации устанавливается руководителем самостоятельного органа внешней разведки Российской Федерации либо руководителем федерального органа исполнительной власти, в структуру которого входит орган внешней разведки Российской Федерации, в порядке, определяемом Президентом Российской Федерации,

но не может быть менее предельного возраста, установленного федеральным законом.

На служащих и рабочих органов внешней разведки Российской Федерации распространяются права, обязанности и льготы, предусмотренные законодательством Российской Федерации о труде.

Служащие кадрового состава и военнослужащие органов внешней разведки Российской Федерации не могут состоять в общественных объединениях, преследующих политические цели.

Служащие, не входящие в кадровый состав органов внешней разведки Российской Федерации, и рабочие органов внешней разведки Российской Федерации не могут создавать общественные объединения, преследующие политические цели.

Статья 18. Кадровый состав органов внешней разведки Российской Федерации

К кадровому составу органов внешней разведки Российской Федерации относятся назначенные на соответствующие должности военнослужащие и служащие органов внешней разведки Российской Федерации, чьи функциональные обязанности непосредственно связаны с осуществлением разведывательной деятельности. Перечень должностей кадрового состава определяется положением о соответствующем органе внешней разведки Российской Федерации.

Сведения принадлежности конкретных лиц к кадровому составу органов внешней разведки Российской Федерации, включая сотрудников, уволенных из этих органов, составляют государственную тайну и могут быть преданы гласности только с санкции руководителя органа внешней разведки Российской Федерации, а в случаях, не связанных со служебной необходимостью, и при обязательном наличии письменного согласия этих лиц.

Сотрудники кадрового состава органов внешней разведки Российской Федерации для выполнения своих функциональных обязанностей могут в соответствии с требованиями настоящего Федерального закона без раскрытия их принадлежности к органам внешней разведки Российской Федерации занимать должности в федеральных органах исполнительной власти, на предприятиях, в учреждениях и организациях. Должностные лица указанных федеральных органов исполнительной власти, предприятий, учреждений и организаций несут установленную федеральными законами ответственность за разглашение сведений о принадлежности этих сотрудников к органам внешней разведки Российской Федерации.

Сотрудникам кадрового состава органов внешней разведки Российской Федерации запрещается принимать негласное участие в деятельности органов законодательной (представительной) или судебной власти, а также общественных объединений и религиозных организаций в Российской Федерации в целях оказания влияния на характер их деятельности.

Сотрудники кадрового состава органов внешней разведки Российской Федерации не вправе, если это не вызвано служебной необходимостью, заниматься по совместительству другой оплачиваемой деятельностью, за исключением преподавательской, научной и иной творческой деятельности, осуществляемой с согласия руководителя соответствующего органа внешней разведки Российской Федерации.

Статья 19. Лица, оказывающие конфиденциальное содействие органам внешней разведки Российской Федерации

Для достижения целей разведывательной деятельности органы внешней разведки Российской Федерации могут устанавливать на безвозмездной либо возмездной основе отношения сотрудничества с совершеннолетними дееспособными лицами, добровольно давшими согласие оказывать конфиденциальное содействие органам внешней разведки Российской Федерации. Порядок взаимоотношений с такими лицами определяется нормативными правовыми актами органов внешней разведки Российской Федерации.

Органы внешней разведки Российской Федерации не вправе обращаться за конфиденциальным содействием к членам Совета Федерации, депутатам Государственной Думы, депутатам законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации, судьям судов Российской Федерации и прокурорам всех уровней в Российской Федерации, священнослужителям н полномочным представителям официально зарегистрированных в Российской Федерации религиозных организаций.

Сведения о лицах, оказывающих (оказывавших) конфиденциальное содействие органам внешней разведки Российской Федерации, составляют государственную тайну и рассекречиванию в связи с истечением максимально допустимого срока засекречивания сведений, составляющих государственную тайну, не подлежат. Доступ к этим сведениям имеют только руководитель и уполномоченные им на то сотрудники соответствующего органа внешней разведки Российской Федерации.

В целях обеспечения безопасности лиц, оказывающих (оказывавших) конфиденциальное содействие органам внешней разведки Российской Федерации, и членов их семей могут проводиться мероприятия по их защите, не нарушающие права и законные интересы других лиц.

Порядок проведения таких мероприятий определяется Президентом Российской Федерации.

Статья 20. Правовое положение сотрудников органов внешней разведки Российской Федерации

Сотрудники органов внешней разведки Российской Федерации несут обязанности и имеют права, предусматриваемые законодательством Российской Федерации для граждан Российской Федерации, за исключением ограничений, устанавливаемых федеральными законами.

Военнослужащие, служащие и рабочие органов внешней разведки Российской Федерации находятся под защитой государства. Никто, за исключением органов и должностных лиц, прямо уполномоченных на то федеральными законами, не вправе вмешиваться в служебную деятельность сотрудников органов внешней разведки Российской Федерации.

Защита жизни и здоровья, чести и достоинства, а также имущества сотрудников органов внешней разведки Российской Федерации и членов их семей от противоправных посягательств и угроз в связи с осуществлением разведывательной деятельности обеспечивается органами внешней разведки Российской Федерации в порядке, устанавливаемом федеральными законами.

Статус сотрудника органа внешней разведки Российской Федерации не может использоваться в целях, не совместимых с его функциональными обязанностями.

Статья 21. Ответственность сотрудников органов внешней разведки Российской Федерации за правонарушения

Сотрудник органа внешней разведки Российской Федерации за совершенное правонарушение несет ответственность в соответствии с федеральными законами.

Принадлежность к органу внешней разведки Российской Федерации и причастность к осуществлению разведывательной деятельности не освобождают сотрудника органа внешней разведки Российской Федерации от ответственности перед федеральными законами.

Статья 22. Социальная защита сотрудников органов внешней разведки Российской Федерации и членов их семей

Социальная защита сотрудников органов внешней разведки Российской Федерации и членов их семей гарантируется федеральными законами.

Все сотрудники кадрового состава этих органов подлежат обязательному государственному личному страхованию за счет средств федерального бюджета на сумму их пятнадцатилетнего денежного содержания.

Вред, причиненный здоровью сотрудника кадрового состава органа внешней разведки Российской Федерации или члена его семьи в связи с осуществлением разведывательной деятельности, возмещается в полном объеме за счет средств федерального бюджета. Из этих же средств указанным лицам выплачивается единовременное пособие в размере от их годового до семилетнего денежного содержания, установленного на день начисления пособия, в зависимости от степени утраты трудоспособности.

В случае гибели сотрудника кадрового состава органа внешней разведки Российской Федерации или члена его семьи в связи с осуществлением разведывательной деятельности государство оплачивает расходы по подготовке к перевозке и по перевозке останков к месту захоронения, оговоренному в завещании или указанному близкими родственниками (в случае их отсутствия – руководством органа внешней разведки Российской Федерации), а также расходы по захоронению останков сотрудника органа внешней разведки Российской Федерации. Семье погибшего выплачивается единовременное пособие в размере его пятнадцатилетнего денежного содержания, установленного надень начисления пособия. Помимо этого семья погибшего пользуется льготами при решении вопросов социально-бытового обеспечения в порядке, устанавливаемом федеральными законами.

Государство обязано всемерно содействовать безусловному освобождению сотрудника кадрового состава органа внешней разведки Российской Федерации и членов его семьи, задержанных, арестованных или осужденных за пределами территории Российской Федерации в связи с осуществлением разведывательной деятельности.

В случае полной или частичной утраты сотрудником кадрового состава органа внешней разведки Российской Федерации профессиональной пригодности в результате его расшифровки или по другим не зависящим от него

причинам орган внешней разведки Российской Федерации обязан трудоустроить указанного сотрудника или создать условия для его профессиональной переподготовки, включая компенсацию связанных с этим расходов.

Имущественный ущерб, нанесенный сотруднику кадрового состава органа внешней разведки Российской Федерации и членам его семьи в связи с осуществлением разведывательной деятельности, возмещается государством за счет средств федерального бюджета в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации.

В случае привлечения сотрудников органов внешней разведки Российской Федерации, не входящих в кадровый состав, к выполнению разовых разведывательных заданий и наступления в связи с этим последствий, перечисленных в частях третьей – седьмой настоящей статьи, на указанных сотрудников распространяются права, льготы и привилегии, предусмотренные для сотрудников кадрового состава органов внешней разведки Российской Федерации.

Статья 23. Социальная защита лица, оказывающего (оказывавшего) конфиденциальное содействие органу внешней разведки Российской Федерации

Лицо, оказывающее (оказывавшее) конфиденциальное содействие органу внешней разведки Российской Федерации и не являющееся гражданином Российской Федерации, может быть принято по его ходатайству в гражданство Российской Федерации в порядке, установленном федеральными законами.

Период сотрудничества лица, принятого в гражданство Российской Федерации, с органом внешней разведки Российской Федерации включается в его трудовой стаж. Социальная защита такого лица осуществляется в соответствии с частями третьей – седьмой статьи 22 настоящего Федерального закона.

Социальная защита лица, оказывающего (оказывавшего) конфиденциальное содействие органу внешней разведки Российской Федерации и не являющегося гражданином Российской Федерации, осуществляется в порядке, устанавливаемом Президентом Российской Федерации.

Глава IV. КОНТРОЛЬ И НАДЗОР ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья 24. Парламентский контроль за деятельностью органов внешней разведки Российской Федерации

Парламентский контроль за деятельностью органов внешней разведки Российской Федерации осуществляется в порядке, устанавливаемом федеральными законами, а также путем проверки Счетной палатой Российской Федерации исполнения утвержденных Государственной Думой и Советом Федерации смет расходов на содержание органов внешней разведки Российской Федерации. В этих целях в Счетной палате Российской Федерации создается специальная группа из числа ее членов.

Указанная группа вправе запрашивать из органов внешней разведки Российской Федерации документы по вопросам исполнения смет расходов, заслушивать на своих закрытых заседаниях отчеты руководителей органов внешней разведки Российской Федерации по этим вопросам.

Взаимоотношения палат Федерального Собрания с органами внешней разведки Российской Федерации осуществляются через соответствующие комитеты (подкомитеты), создаваемые каждой из палат.

Члены указанных комитетов (подкомитетов) и специальной группы Счетной палаты Российской Федерации, сотрудники их аппаратов вправе приступать к исполнению своих обязанностей по осуществлению функций, предусмотренных настоящей статьей, только после оформления допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, в порядке, установленном Законом Российской Федерации «О государственной тайне».

Члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы получают сведения об органах внешней разведки Российской Федерации исключительно через соответствующие комитеты (подкомитеты) палат Федерального Собрания.

Действия членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы, сотрудников аппаратов палат Федерального Собрания не должны создавать угрозу разглашения сведений о лицах, оказывающих (оказывавших) конфиденциальное содействие органам внешней разведки Российской Федерации, о принадлежности конкретных лиц к кадровому составу органов внешней разведки Российской Федерации, а также об используемых этими органами методах и средствах.

Статья 25. Прокурорский надзор

Надзор за исполнением органами внешней разведки Российской Федерации федеральных законов осуществляют Генеральный прокурор Российской Федерации и уполномоченные им прокуроры.

Сведения о лицах, оказывающих (оказывавших) органам внешней разведки Российской Федерации конфиденциальное содействие, а также об организации, о методах и средствах осуществления деятельности органов внешней разведки Российской Федерации в предмет прокурорского надзора не входят.

Глава V. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 26. Вступление настоящего Федерального закона в силу

Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

С момента вступления в силу настоящего Федерального закона признать утратившими силу следующие законодательные акты Российской Федерации:

1) Закон Российской Федерации «О внешней разведке» (Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1992, № 32, ст. 1869);

2) постановление Верховного Совета Российской Федерации от 8 июля 1992 года «О введении в действие Закона Российской Федерации "О внешней разведке"» (Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1992, № 32, ст. 1870).

Предложить Президенту Российской Федерации и поручить Правительству Российской Федерации привести свои нормативные правовые акты в соответствие с настоящим Федеральным законом.

Президент
Российской Федерации **Б. Ельцин**

Москва. Кремль
10 января 1996 года
№ 5-ФЗ

Содержание

Уточнение

Входящий в авторский коллектив
очерков «История российской внешней разведки»
О.И. Нажесткин является также составителем
документального приложения к 3–5 томам

Художественно-документальное издание

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

ОЧЕРКИ

В шести томах

ТОМ VI

1966—2005 годы

Редактор *И.Е. Рыбалкин*
Оформление художника *А.Ю. Никулина*
Технический редактор *Г.В. Лазарева*
Корректор *К.С. Чигринова*
Компьютерная верстка *Е.А. Надиной*

Подписано в печать 8.08.2014.
Формат 60×90 $^1/_{16}$. Бумага офсетная.
Гарнитура «Петербург». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16,5+1,0 вкл.
Доп. тираж 2000 экз.
Цена договорная. Заказ № 1365.

Издательство «Международные отношения»
123022, Москва, Столярный пер., д. 3, стр. 5
Тел.: 8(499)253-13-24
www.inter-rel.ru
e-mail: info@inter-rel.ru

Отпечатано в ППП Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6

ISBN 978-5-7133-1475-0

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ